

~~242~~
~~287~~

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОММУНИСТ

242
287

СТАРАЯ И НОВАЯ МОРАЛЬ

5747

СБОРНИК
— ПОД РЕДАКЦИЕЙ —
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

205
БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

W 242
287 W 242
287

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОММУНИСТ

СТАРАЯ И НОВАЯ МОРАЛЬ

СБОРНИК

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

Третье издание

37-14076

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

(К первому изданию)

Издательству «Молодая Гвардия» пришла несомненно удачная мысль собрать в одном сборнике статьи и отрывки из статей и речей теоретиков и практиков социалистического и коммунистического движения по вопросу о нравственности.

Нет ни одного вопроса, который так мало был бы разработан, как именно этот вопрос, и нет ни одного вопроса, разрешение которого было бы так удачно для подрастающего поколения, как именно вопрос о нравственности. Старые формы семейного быта ломаются под напором революции, изменяется социальное строение нашего общества, изменяются классовые отношения. Этот процесс происходит болезненно, мучительно в такой стране, как наша, где пролетариат составляет незначительное большинство, где мы имеем огромную многомиллионную массу крестьянства, сохраняющего местами патриархальные отношения в семье, где мы имеем чрезвычайно пестрый местами переплет различных систем хозяйства, различных общественных культур, начиная от бродячего охотничьего быта, от пастушеского родового быта и кончая зачатками подлинного социалистического строительства, подлинного социалистического быта в больших городах и в наших, правда, еще немногочисленных, но уже крепнущих сельско-хозяйственных коммунах.

На ряду со стремлением передовых пролетариев наших крупных промышленных центров построить эти отношения на новых основах, на основах коммунизма, молодежь многих мест живет в отсталых условиях мещанского быта, порой среди пережитков феодально-крепостнических отношений

порой, как горская молодежь, среди сохранившихся правил древнейших норм и обычаев родовой кровавой мести.

Что можно и чего нельзя делать комсомольцу? Что нравственно и что безнравственно? Как правильно построить взаимоотношения между полами? Как преодолеть существующие противоречия между требованиями равенства и существующим неравенством? Все эти и другие вопросы мучительно разрешаются молодежью в наш переходный период. Несомненно происходит большая ломка всех норм нравственности прежнего буржуазного государства, но новая коммунистическая нравственность не вылилась еще в какие-нибудь четкие формы. Поэтому чрезвычайно ценно то, что было написано по этим вопросам Марксом, Энгельсом, Лениным, Бухариным, Троцким и другими товарищами, работавшими и думавшими над вопросами нравственности.

Вопросы быта волей-неволей врываются в круг вопросов, стоящих в настоящее время перед Коммунистической партией, перед Комсомолом. Эти вопросы возникают с первого момента рождения ребенка: борьба с совершением религиозных обрядов, борьба за коммунистическое, за общественное воспитание. Юный пионер, как только он вступает в отряд, чувствует разлад между требованиями пионерской среды и тем мещанским буржуазным укладом, который еще очень часто остается даже во многих рабочих семьях, не говоря уже о семьях интеллигенции, дети которых очень мучительно переживают этот разлад, болезненно на него реагируют. Еще острее эти столкновения у комсомольцев. Нет никакого сомнения в том, что в комсомольской среде идеалистические настроения сильнее, чем у более взрослых товарищей. Эти идеалистические настроения очень часто могут увлечь комсомольца на неправильный путь разрешения вопросов нравственности вне зависимости от конкретных условий классовой борьбы, вне зависимости от конкретных интересов развития пролетарской революции. Поэтому подчеркнуть ту мысль, которая подчеркнута была В. И. Лениным, что нельзя искать какие-либо нравственные нормы вне интересов классовой борьбы—не только целесообразно в настоящий момент, но крайне необходимо для

того, чтобы дать правильное направление развитию пролетарской молодежи.

До сих пор, строго говоря, нет целостной попытки рассмотреть все вопросы нравственности под углом зрения этой пролетарской борьбы. Классическим в этом отношении произведением надо считать главу из «Анти-Дюринга» Энгельса: «Нравственность и право». У Маркса в «Капитале» и в других отдельных его произведениях разбросаны лишь отдельные мысли, замечания о том, как складывается нравственность того или другого класса, дается оценка этой нравственности.

Еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс пытались дать достойную характеристику хваленной буржуазной нравственности, вскрыли ее действительную сущность. К. Каутский в своей книге «Этика и материалистическое понимание истории» пробует дать более или менее цельную теорию нравственности, выведенную из интересов классовой пролетарской борьбы.

Основным вопросом, который занимал нас раньше, до Октябрьской революции, был вопрос о том, может ли выработаться коммунистическая нравственность при отсутствии коммунистического строя, так как нравственность, как и все остальные идеологические нормы, является лишь надстройкой над тем или иным фундаментом экономического устройства области. Октябрьская революция, передавшая средства и орудия производства, земли и фабрики в распоряжение трудящихся, впервые утвердившая диктатуру пролетариата восьмилетней упорной организационной борьбой за сохранение диктатуры пролетариата, за ее углубление, расширение, за переустройство общества на началах коммунизма, конечно, оставила глубочайший след в сознании трудящихся, произвела глубокий переворот. Теперь вопрос стоит не так, как до октябрьского переворота: можно ли строить коммунистическую нравственность, когда нет коммунистического строя? Теперь есть элементы этого коммунистического строя, все более и более расширяющиеся, и, стало быть, есть и эле-

менты для выработки новой, коммунистической нравственности.

Однако велико еще влияние мелко-буржуазной крестьянской стихии. Неп с возрождением части буржуазии также оказывает свое влияние и на пролетариат и на крестьянство. Борются в нашем обществе, в советском нашем союзе, два начала: начало коммунистическое и начало буржуазное. И эта борьба сказывается на выработке нравственных норм как среди детей, как среди подростков, как среди нашей комсомольской молодежи, так и во всем обществе. Нельзя уже пройти мимо вопросов быта. Естественно поэтому, что вопросам быта, вопросам выработки коммунистической нравственности уделяется все больше и больше внимания. Естественно, что возникают мысли о создании особого «Общества Друзей Нового Быта». И приветствовать надо, что «Молодая Гвардия» собирает в отдельном сборнике мысли коммунистов по вопросам нравственности, чтобы дать материал молодежи для разработки этого вопроса, для уяснения себе этого труднейшего вопроса, связанного с созданием нового коммунистического общества, с выработкой целого коммунистического миропонимания.

Ем. Ярославский

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию комсомольского читателя книга представляет собою третье издание сборника «Вопросы жизни и борьбы», составленного тов. А. Борисовым под редакцией тов. Ем. Ярославского.

В целях приспособления сборника к практическим задачам нашей повседневной, будничной работы по воплощению в жизнь элементов «новой морали», а также для того, чтобы сделать сборник доступным возможно более широким слоям рабочей молодежи, во втором издании произведены значительные изменения. Выброшены отрывки из работ Энгельса, Каутского, Лафарга и др., дающие очень ценные обобщающие указания, но требующие довольно значительной теоретической подготовки и поэтому слишком тяжеловесные для массового читателя. Помещенная во главе настоящего сборника речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ о «Морали буржуазной и коммунистической» несомненно послужит необходимым теоретическим введением для последующих статей и отрывков.

В сборник заново включен доклад тов. А. А. Сольца, читанный в Коммун. Ун-те имени Я. М. Свердлова.

В настоящее третье издание внесены следующие изменения: устаревшая дискуссия вокруг статьи тов. Коллонтай («Крылатый Эрос») заменена новой дискуссией по поводу статьи тов. Смидович «О любви».

Вновь включены в текст цитаты из работ Маркса, Энгельса и Ленина.

Для удобства читателей мы большинство статей разбили на подзаголовки, в которых подчеркнули наиболее существенные, по нашему мнению, места. Таким образом вся ответственность за подзаголовки и выделенные места в статьях гг. Ленина, Бухарина, Крупской, Сольца, Преображенского, Шубина, Смидович и Кактыня лежит на нас.

В. И. ЛЕНИН

МОРАЛЬ БУРЖУАЗНАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза Молодежи—поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, спланиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала коммунистов в себе и во всех тех, кто в ней видит вождя. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это—способ подменить понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим. Мы очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Мы знаем, что они выводили эту мораль либо из велений бога, либо из идеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога. Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата.

Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян.

Нам нужно было это общество разрушить, надо было угнетателей скинуть, но для этого создать объединение. Боженька такого объединения не создаст. Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивавшей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу (за которую идет раздробленное, распыленное крестьянство), которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю — мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках — мы имеем класс капиталистов и пролетариев.

Не трудно было прогнать царя, для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев. Не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее. Все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему порядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат пере-

воспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами-трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются за счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов. Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз.

Классовая борьба продолжается. Наша задача — подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою коммунистическую нравственность этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это—то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это—та, которая служит борьбе, объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью. Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Если я рассуждаю так: «чем больше голодных, тем дороже будут мне платить»,—разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя; либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие: либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

— Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого!

— Если другой будет голодать, тем лучше: я дороже продам свой хлеб!

— Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого! Может быть, притворствуя, угождая власть имущим, я сохранию свое местечко, да еще смогу и пробыться, выйти в буржуа...

Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот тогда и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят:

— Я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела!

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим:

— Для коммуниста вся нравственность—в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим, мы обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда. Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, когда они начинали борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжать эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,—тогда эти люди воспитывались в такой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма.

Быть членами Союза Молодежи—значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в этом случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Коммунистический Союз Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, быть может, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности, он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

(Из речи на III съезде РКСМ)

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями: современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, так и в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие интересы.

«Коммунистический манифест».

Н. КРУПСКАЯ

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОММУНИСТ?

Коммунист
человек об-
ществен-
ный.

Коммунист прежде всего — человек обществен-
ный, с сильно развитыми общественными инстинктами, же-
лающий, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все люди
были счастливы.

Передовой
член сво-
его класса

Коммунистами могут быть выходцы из всех классов об-
щества, но больше всего коммунистов выходит из рабочей
среды. Почему? Потому, что условия жизни рабочих таковы,
что воспитывают в них общественные инстинкты: коллектив-
ный труд, успех которого зависит от отдельных усилий каж-
дого, общая обстановка труда, общие переживания, общая
борьба за человеческие условия существования—все это сбли-
жает рабочих между собою, сплавляет их узами классовой со-
лидарности. Возьмем класс капиталистов. Условия жизни
этого класса совершенно иные. Конкуренция заставляет вся-
кого капиталиста видеть в другом капиталисте прежде всего
конкурента, которому надо подставить ногу; в рабочем капи-
талист видит лишь «рабочие руки», которые должны рабо-
тать над созданием прибыли для него, капиталиста. Конечно,
общая борьба против рабочего класса сплачивает капитали-
стов, но той внутренней спайки, того растворения в коллек-
тиве, которые мы видим у рабочих—им делить между собой
ничего,—в классе капиталистов нет, капиталистическая соли-
дарность раз'едается червоточиной конкуренции. Вот почему
человек с развитыми общественными инстинктами в рабочей
среде является правилом, в капиталистической же среде та-
кой человек складывается в виде исключения.

Общественный инстинкт значит очень много. Часто он
помогает чутьем находить правильный выход из положения.
помогает найти правильный путь. Вот почему при чистке РКП
обращалось внимание, принадлежит ли тот или иной член
партии к рабочей среде или нет. Тому, кто принадлежит

к рабочей среде, легче выправиться. У нас в России интеллигенция,—видя, как легко дается рабочему, благодаря классовому инстинкту, понимание того, до чего интеллигент, например, доходит с большим трудом,—склонна была в конце 90-х годов и в первой половине первого десятилетия XX века (1896—1903 г.) преувеличивать значение классового инстинкта. «Рабочая Мысль», одна из социал-демократических нелегальных газет, договорилась даже до того, что перестала допускать, чтобы не из рабочей среды мог выйти социалист. Потому, что Маркс и Энгельс не были рабочими, «Рабочая Мысль» писала: «не надо нам Марксов и Энгельсов!»

Классовый—в рабочем классе он совпадает с общественным — инстинкт есть условие, необходимое для того, чтобы быть коммунистом. Необходимое, но не достаточное.

Коммунисту надо еще не мало знать. Во-первых, он должен понимать, что вокруг него делается, должен разбираться в механизме существующего строя. Когда в России стало развиваться рабочее движение, социал-демократы озаботились в первую голову распространением в широких массах таких брошюр, как, например, Дикштейна «Кто чем живет», «Рабочий день» и т. п. Но мало понимать механизм капиталистического строя. Коммунисту надо еще изучить законы развития человеческого общества. Он должен знать историю развития хозяйственных форм, развития собственности, деления на классы, развития государственных форм. Должен понимать их взаимозависимость, знать, как из определенного общественного уклада вырастают религиозные и моральные представления. Поняв законы развития человеческого общества, коммунист должен ясно представлять себе, куда идет общественное развитие. Коммунизм должен представляться ему не только желанным строем, где счастье одних не будет строиться на несчастье других. он должен понимать также, что коммунизм именно и является тем строем, к которому идет человечество, и что коммунисты должны расчищать лишь путь этому строю, содействовать его скорейшему наступлению.

Необходимое знание.

В рабочих кружках, возникавших на заре рабочего движения в России, обычно проходила, с одной стороны, политическая экономия, имеющая целью объяснить структуру современного общества, и история культуры (история культуры противопоставлялась при этом обычному изложению истории, которая представляла собою часто набор исторических фактов самого различного значения). Вот почему в кружках того времени читался 1-й том «Капитала» Маркса и «Происхождение семьи, собственности и государства» Ф. Энгельса.

В 1919 г. в одном из сел Нижегородской губернии, в селе Работки, мне пришлось наткнуться на такое явление. Учителя рассказали мне, что во 2-й ступени они проходят политическую экономику и историю культуры, что ученики единогласно потребовали введения этих предметов в курс школы 2-й ступени.

Откуда в волжском селе, в котором все население занимается исключительно волжскими промыслами да земледелием, у крестьянских подростков могло появиться такое и так определенно сформулированное желание? Очевидно, интерес к политической экономии и истории культуры был занесен в Работки каким-нибудь рабочим, ходившим когда-то в кружок и объяснявшим ребятам, что им надо знать.

Однако в переживаемый момент русскому коммунисту надо знать не только это. Октябрьская революция открыла перед Россией возможность самого широкого строительства в направлении коммунизма. Но чтобы использовать эти возможности, надо знать, что надо делать сейчас, чтобы хоть на шаг продвинуться к коммунизму, чего возможно сейчас достигнуть и чего нельзя, надо знать, как строить новую жизнь. Надо прежде всего знать основательно ту отрасль работы, за которую берешься, а затем надо обладать методом коммунистического подхода к делу. Возьмем пример. Чтобы правильно поставить медицинское дело в стране, надо, во-первых, знать самое дело, во-вторых, знать, как оно было раньше поставлено у нас в России, как ставится в других государствах и наконец, в третьих, надо уметь подойти к нему по-коммунистически, а именно: повести агитацию среди широких слоев трудящихся, заинтересовать их, вовлечь в работу, создать усилиями трудящихся могучую организацию вокруг медицинского дела. Надо все это не только знать, как сделать, надо уметь это сделать. И выходит, что коммунист должен знать не только, что такое коммунизм и почему он неизбежен, но должен знать хорошо еще свое дело, должен уметь подойти к массе, повлиять на нее, убедить ее.

В своей личной жизни коммунист должен всегда руководиться интересами коммунизма. Что это значит? Это значит, что как бы, например, ни хотелось остаться в привычной уютной домашней обстановке, раз для дела—для успеха коммунистического дела,—надо бросить все и ехать в самое опасное место. Коммунист это делает. Это значит, как бы трудна и ответственна ни была возлагаемая на коммуниста задача, раз это нужно, коммунист берется за нее и старается провести ее в меру своих сил и уменья: идет на фронт, на субботник, на изъятие ценностей и т. п. Это значит, что коммунист свои личные интересы отодвигает на задний план, подчиняет

Личная
жизнь
подчинена
интересам
комму-
низма.

их общим интересам. Это значит, что коммунист не проходит равнодушно мимо того, что кругом него делается, что он активно борется с тем, что вредит делу коммунизма, борется с тем, что вредит интересам трудящихся масс; а с другой стороны, отстаивает активно эти интересы, считает их своими...

Кого выбрасывали при чистке из партии? а) Шкурников и примазавшихся, т. е. тех, кто свои личные интересы ставит выше интересов коммунистического дела; б) тех, кто равнодушен к коммунизму, ничего не делает, чтобы помочь ему осуществиться, кто далеко стоит от массы и не стремится сблизиться с ней; в) кто не пользуется уважением и любовью массы; г) за грубое обращение, чванство, неискренность и пр.

Итак, чтобы быть коммунистом, надо: 1) знать, что плохо в капиталистическом строе, куда идет общественное развитие и как надо содействовать скорейшему наступлению коммунистического строя; 2) надо уметь прикладывать свое знание к делу; 3) надо быть душой и телом преданным интересам трудящихся масс и коммунизму.

(Из статьи „О коммунистическом воспитании“ в журнале „Юный Коммунист“)

Во-первых,—учиться, во-вторых,—учиться и, в третьих,—учиться, и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом.

В. И. Ленин—«Лучше меньше, да лучше».

Н. БУХАРИН

ВОСПИТАНИЕ СМЕНЫ

Не мо-
раль", а
правила
поведе-
ния.

Обычно ставится вопрос о так называемой коммунистической морали. Я считаю такую терминологию и такой подход неправильными. Как известно, под моралью всегда разумеется такая норма, такое правило поведения, которое представляет собой нечто фетишистское. Говорят: ты должен делать то и то—и больше никаких. И совершенно естественно, вы встречаетесь с буржуазной моралью, а буржуазная мораль—самое сердце ее—заключается в этом фетишизме, норме, в этом подчинении поведения человека какому-то авторитету, который неизвестно откуда берется, и неизвестно почему ему обязаны подчиняться. Вот эта самая вещь и вызывает, совершенно естественно, протест, и поэтому самый элементарный, самый обычный подход к этому делу—как только начинаешь о таких вещах говорить — это есть некоторая усмешка: «начал проповедывать, знаем мы это».

В этом протесте есть, конечно, кое-что здоровое. Оно заключается в том, что совершенно ясно, что всякий фетишизм для рабочего класса и рабочей молодежи должен быть исключен. Мы не должны терпеть то, чего мы не понимаем и чего никто не может понять. Мы должны разрушать все то, что выходит за пределы рациональных познаний. С этой стороны фетишистские нормы, которые навязываются прошлым, нужно разрушить. Но, с другой стороны, я считаю, что для рабочего класса, и для рабочей молодежи в особенности, нужны некоторые правила поведения. Я думаю, что их отличие от морали заключается в том, что за ними не стоит неизвестная, никому и никем необъяснимая норма.

Я смотрю на дело этой нормы очень просто и очень, мне кажется, вразумительно. Если мы, например, желаем достигнуть какой-нибудь цели (а мы до сих пор исходили из той предпосылки, что мы желаем достигнуть социализма), то для того, чтобы достигнуть социализма, мы должны предпринимать определенные действия и не предпринимать других

действий. Если столяру или плотнику нужно сделать табурет, он должен пределать определенные телодвижения, должен строгать, выбрасывать стружки, а не плясать трепака. Если он будет плясать трепака, то не сделает табуретов. Нужно делать одно и не делать другого. В общественной жизни точно такая же вещь. Если вы желаете ставить себе социализм в качестве задачи, которую желаете разрешить, вы должны этот социализм построить, и точно так же должны делать одно, а не делать другого. Если вы будете делать то, что называется вредным, гнусным, подлым и проч., то будете уподобляться столяру, который пляшет, и ничего не построите. Вы будете разрушать и не будете строить. Поэтому естественно, что определенные правила поведения у рабочей молодежи должны быть. Если этих правил и норм не будет, то ничего не будет. Мы это чувствуем на каждом шагу. Что такое партийная дисциплина? Это есть правило поведения. Но правила партийной дисциплины никто не удосужился называть моральными, точно так же, как какой-нибудь устав кооперативной лавки не называется именем морального устава. Но тем не менее это те нормы, которые регулируют поведение людей. Если мы таким образом поставим вопрос (с чем—я знаю—многие из старых товарищей и молодых не будут согласны, но я подвожу только теоретический базис под то, что я скажу в дальнейшем), из этого вытекает, что мы фетишизм уничтожаем, но трезво подходим к делу. Желаем мы достигнуть социализма? Желаем. Давайте же действовать так, чтобы достигнуть. Что здесь непонятного, туманного и т. д.? Мы от этих правил поведения не будем отказываться.

Некоторые считают, что если что-нибудь представить в понятной форме, то это лишается привкуса. Если в божественности мы скажем, что это заповедь бога, то по позвоночному хребту должны проходить сладостные волны, и будем думать, что совершается какой-то подвиг. Но если поставить вопрос так, как я сказал, то мы не будем думать, что совершается подвиг. Может быть, для какой-нибудь старухи это и непонятно, но для молодежи это необходимо. Почему мы не можем совершать героическое дело, если будем руководствоваться крепкими правилами, сущность которых целесообразна? Так нужно ставить вопрос.

Из такой не фетишистской, совершенно трезвой, реалистической и материалистической постановки вопроса вытекает необходимость этих правил поведения. Они должны быть. Я протестую против моральной оболочки, но в то же время заявляю с полной категоричностью, что эти правила должны быть для рабочего класса, пролетарской партии, особенно для несложившихся индивидуумов, т. е. для рабочей

Нельзя
молчать.

молодежи. Совершенно естественно, что значение таких правил должно увеличиваться, когда мы окружены врагами. Вообще это то, что связывает, сплачивает, дает возможность сохранять внутреннюю спайку и быть ударным железным кулаком. Представьте, что в условиях новой экономической политики, когда существуют магазины, кабаки и пр. и пр., опасность разложения или деморализации чрезвычайно велика, но так же ясно, что этому явлению можно противопоставить группу или корпорацию, в роде вашего Союза Молодежи, противопоставить свою необычайно крепкую спайку.

Если спайка так необходима в период социалистической революции, то она втрое, вчетверо и в десять раз необходимее в такой период жизни рабочего класса и рабочей молодежи, когда они со всех сторон находятся в мещанском окружении, в капиталистическо-хищническом окружении. Я, товарищи, еще отмечаю следующий момент, который многих из вас может смутить. Со стороны более старших товарищей имеется такое отношение к вопросу: они ухмыляются от мудрости, ухмыляются в связи с этим серьезнейшим вопросом. Они имеют право ухмыляться, они имеют право не желать разговаривать об этих вещах, потому что они сами очень хорошо их знают,—они прошли хорошую школу борьбы с идейными группировками, они не могут так легко сломаться, и потому, когда этот разговор подымается, они начинают такие добродетели разводить, что уши отсохнут. Но они забывают, что для них этот вопрос решен, а для вас не решен. Они этот вопрос решили много лет тому назад и совершенно естественно,—зачем зря болтать? Но для подрастающего поколения и, помимо нас, для еще более широкой массы вашего союза эти вопросы еще не разрешены. Откуда они могли быть разрешены? У более старого поколения была большая полемика в свое время с рядом группировок по этому вопросу, а теперь у нас ни одной книжки не было издано по этим вопросам, а если и были выпущены, то эти книги касались более старых вопросов, к которым нужно было подходить раньше.

Я считаю, что самую плохую службу по отношению к молодежи может сослужить идеалистическое отношение к этим вопросам. Нельзя сейчас молчать. Нужно ставить эти вопросы.

Мне кажется, что в качестве переходного пункта нам необходимо в этой области прежде всего уяснить вопрос о принятии социалистического идеала. Мы слишком мало говорим относительно социализма в его развернутом виде. Для более сухо мыслящих, для более взрослых людей — это не так необходимо: во-первых, они знают, что такое

социализм, а во-вторых, для них нет такой потребности, чтобы обязательно впускать себе добавочный шприц одухотворяющего момента, который настраивал бы их на социалистический лад. Но для молодежи, которая более эмоциональна, нужно дать и более отчетливые выражения развернутого социализма, разворачивать патетическую сторону борьбы за социализм и за социалистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого, но они все прошли это, они всю эту кашу съели, они теперь забывают, что они это проглотили, и это вошло в их плоть и кровь. Наоборот, для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивировать точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже по линии нормировочных отношений и по линии отношений между людьми.

Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение к страстной ненависти по отношению к нашим классовым противникам. С одной стороны, ненависть по отношению к противникам, а с другой стороны, обрисовка социалистического идеала в качестве громадного единства; это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая определяет собой правила поведения людей.

Должен еще сказать, что надо культивировать разные методы, когда вы будете изображать социалистов. Тут должны быть и рассудочные доказательства, тут должны быть и прямо картинные художественные изображения. Совершенно ясно, что отсюда вытекает безусловная необходимость всевозможного вида товарищеской спайки. Чтобы не ограничиваться общей задачей, которую ставит себе Комсомол, надо, кроме этого, воспитать и вообще чувство товарищества. Совершенно естественно, что союз, как целая организация, не может удовлетворять этим мелким потребностям. Мы должны внутри союза проповедывать системы всевозможных товариществ, кружков и пр., которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет из себя РКСМ.

Громадное значение, мне кажется, здесь должны иметь всевозможные обычаи, так сказать, «заповеди» Комсомола. Я знаю отлично, что против этого найдется очень много врагов среди молодежи. Они скажут: зачем фиксировать, зачем писать, выдвигать внешние признаки, писанные заповеди. Я считаю, что это есть предрассудок. И этот предрассудок

Запове-
ди Ком-
сомола.

имеет своим основанием самые обычные предрассудки. Я вам сказал, что в области политической жизни и во всяких общественных отношениях мы очень часто замечаем одно повторяющееся явление. Так, например, чтобы разбить капиталистическую армию, нам нужно было устраивать полковые комитеты. И действительно, вся армейская публика, благодаря этому, развалилась. Некоторые товарищи, не зная, что полковые комитеты раздробили армию, хотят и теперь бросать лозунги полковых комитетов, потому что эти лозунги были брошены в 1917 году. Тут огромная ошибка. Ошибка заключается в том, что эти лозунги были брошены тогда, когда нам нужно было разложить старую армию. То же самое происходит и здесь. Если мы протестовали против всяких нормировок, до это было правильно, поскольку это было средство дезорганизации противника. Но мы то же самое начинаем переносить на себя и говорим: долой прописную мораль! Долой все эти штуки! Здесь мы средство разрушения своего классового противника переносим на самих себя и оказываемся в результате круглыми дураками. Само собою разумеется, происходит это оттого, что мы желаем отделаться от старого и построить новое. Но нельзя так делать, нужно взять то, что можно взять. Здесь есть нечто и положительное. Я утверждаю, что лозунги, которые заключают в себе правила поведения, и заповеди, которые выставлены на стенах, это есть положительная вещь, потому что они постоянно напоминают нам, постоянно будоражат, постоянно говорят о том, что мы должны помнить. Я позволю себе сравнение, которое на первый взгляд как-будто к делу никакого отношения не имеет, — сравнение с капиталистической рекламой. Объясните мне, почему капиталисты, которые хотят завоевать рынок для своей фирмы, на каждой посудине ставят свое клеймо? Почему это происходит? Это происходит потому, что это им чрезвычайно полезно. То же самое и у нас. Мы должны кое-чему у капиталистов научиться. Есть у нас целый ряд правил поведения, которые мы хотим внедрить. И ничего плохого нет в такой фиксации, потому что иначе мы не сможем приобрести новые кадры. Что же тут удивительного? Что плохого? Если мы будем иметь такие зафиксированные правила, у нас будет более интенсивная работа. У нас будет более интенсивная самодетельность всех основных частей нашего организма. Будет более сознательное отношение к делу.

Не курить
и не пить ..

Перейдем к вопросам о табаке и алкоголе. Здесь тоже существует ряд устаревших предрассудков.

У нас считается обязательным, чтобы всякий член союза ходил с четырьмя папиросами за раз и с презрением относился к антиалкогольной и антитабачной пропаганде. Я считаю,

что такое отношение к этому вопросу — большая ошибка. Я помню, в старое время, когда я учился в гимназии, мы демонстративно курили, и это было даже известным правилом, а с общественной точки зрения это было полезно, потому что этой мелочью мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а отсюда протест переносился на организацию всего общества. Тогда это было средством разумным; приятно было под носом надзирателей проходить с папиросой во рту, и поэтому все, что было революционного в старой школе, поддерживало этот обычай, даже вплоть до озорства; общественно это было положительное явление, поэтому к нему нужно было относиться с некоторым почтением. С этой мелочи начиналось, а потом приводило к различным революционным движениям. А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? Я считаю, что нет. С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания увлечение табаком и алкоголем это — прямой вред. С какой же стати мы теперь будем поддерживать курение и смеяться над антиалкогольной пропагандой? Это — неправильное, некритическое перенесение методов разрушения буржуазного строя на собственный организм. По моему глубокому убеждению, в Союзе должны быть созданы группировки, которые поведут сознательную борьбу с алкоголизмом и табаком. Это не подлежит для меня никакому сомнению.

То же самое нужно сказать и по вопросу о половой распущенности, которую нужно тоже ввести в некоторые рамки. Как это сделать, я сейчас не знаю, а потому не буду говорить, но с этим вопросом нам необходимо считаться и выработать вместе со специалистами-врачами и педагогами соответствующие директивы для членов вашего союза.

Вопрос о
половой
распущенности.

Я должен еще остановиться на некоторых вопросах, которые выходят из только что очерченных рамок. Я думаю, что мы должны сейчас воспитывать в членах Союза Молодежи то, что относится к области всяческих норм: партийных, классовых, комсомольских добродетелей. Например, раньше была честь знамени, честь дворянского сословия и проч. Это нужно культивировать и у нас. Это должно служить орудием классовой гордости, знаком классовой принадлежности. Вы скажете, что все это очень странно. Когда на войне говорят о чести полка или о чести знамени, — это очень полезная вещь, которая связывает силы и организует их. Мы должны стоять на этой же точке зрения в отношении ко всяческим группировкам Комсомола, партии и класса, начиная от той маленькой ячейки, к которой мы принадлежим, и кончая наиболее крупной организацией, в рядах которой мы стоим, т. е. нашим классом, а затем и советским государством. Представьте себе,

Воспита-
ние клас-
совой
честь.

что вы попадаете за границу и что какой-нибудь буржуй оскорбляет советскую республику. Ему нужно сейчас же набить морду в той или другой подходящей форме. Но спустить ему это нельзя. Это не есть феодальная шпaga, потому что здесь классовое содержание другое, но формальное сходство все-таки есть. Мы должны воспитывать такое поколение молодежи, которое оберегало бы честь своей группировки, партии, класса и государства и никому не давало бы наплевать себе в морду, потому что это только в русской поговорке говорится: «дураку наплюй в глаза, ему все божья роса». Комсомольцы не должны этому следовать. Тут предстоит очень большая работа. И тот нигилизм, который проповедуется в этом отношении некоторыми старшими товарищами нашими, совершенно неуместен.

Коммунистическое образование.

Следующий пункт—относительно образования молодежи, интеллектуального, умственного образования.

Мне хотелось бы подчеркнуть некоторые вещи, которые составляют, мне кажется, ось этого дела. Во-первых, нам нужно ликвидировать окончательно безграмотность в рядах рабочей молодежи. Это есть элементарная задача, и без разрешения этой элементарной задачи очень трудно двигаться вперед. Затем нам нужно вести коммунистическое образование в двух направлениях: в направлении элементарно-коммунистического образования широких комсомольских масс и по линии более квалифицированного образования ваших так называемых активистов, то-есть ваших управляющих, администраторских кадров. На последнем я считаю необходимым остановиться потому, что из тех докладов и отчетов, которые я получил к теперешнему докладу, вытекает, что наши кадры, в среднем, политически весьма неграмотны и что марксистское образование в значительной мере отсутствует. Вы усердно справлялись на практических делах, и это очень хорошо, но, с другой стороны, нужно соединить этот самый величайший практицизм, который должен воспитываться в вас, с некоторыми обобщающими теоретическими знаниями. И вот эти-то теоретические знания нельзя выбрасывать, особенно для тех, кто призван волей истории сменять старые поколения в области управления страной. Ведь через некоторое время вы будете управлять страной, а для этого нужно уметь правильно ориентироваться в могущих быть исторических переворотах. Наша партия, пройдя через марксистскую школу, так держится потому, что ее кадровый состав, ее верхушка, проходя через марксистскую школу и имея хорошее образование, могла предвидеть события и легко лавировать на всех крутых поворотах. Новое поколение растерялось, а вам, может быть, в будущем предстоит еще целый ряд

поворотов, еще более крутых. У нас такой колоссальный размах событий вперед, такие неожиданности в мировом масштабе, что здесь нужна величайшая способность правильного ориентирования. Это делается только хорошей школой марксистского образования. Этому делу нужно уделить гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Коммунистическая молодежь представляет собой резервуар, который должен со временем поставлять работников в технической и других отраслях. Нужно помнить, что в текущий момент нельзя увлекаться общим универсализмом, когда человек думает, что он все знает и представляет собою все, на самом деле ничего не зная хорошо. Надо всемерно стремиться к более правильному разделению труда, к добросовестному изучению некоторых основных, более мелких отраслей. Вы должны точно и определенно сказать, что каждый выбирает себе определенную отрасль, которую он изучает досконально. Вы должны быть коммунистами, но вы должны получить определенную специальную квалификацию, вы должны быть или инженером, или техником, или педагогом по общественным наукам или профессором, или чемнибудь, но вы должны эту область знать, как следует. Если этого не будет, то у вас будет дилетантское управление, и это управление будет напоминать правителей из эпохи кочевого периода, когда никто ни за что не отвечал, никто ничего не знал, и все барахтались в перемещениях, как будто бы это может помочь делу. Сейчас необходимо специальное знание.

Перехожу к вопросу относительно умственной и физической тренировки. На эту сторону дела необходимо сейчас же обратить самое сугубое внимание. Такой задачей для скорейшей умственной и физической тренировки являются всевозможные игры и прочие штуки, которые отличаются состязательным принципом. Вам нужно обратить сугубое внимание на постановку всевозможных игр, решения задач, шарад, игру в шахматы и проч. Шахматы, между прочим, играют очень крупную роль. Один из крупных шахматистов написал специальную книгу «Общественные науки и шахматная игра», где он доказывает, что шахматная игра дает большую умственную тренировку. Крупные полководцы и общественные деятели почти все очень хорошо играли в шахматы. Всякая игра есть некоторая репетиция настоящего действия и есть подготовка, тренировка рук или психики. Вам нужно ввести принцип состязательности. Вам нужно придерживаться всевозможных конкурсов на быстроту решения задач, на всевозможные футбольные состязания и т. п., с призами и со всякой такой штукой. Во всех различных кружках—футбольных, научных или шахматных—необходимо сохранить

Коммунистам нужна специальная квалификация.

Умственная и физическая тренировка.

принцип соревнования, этот состязательный принцип должен быть положен во главу угла. Дело заключается в том, что очень часто буржуазия берет своей большей подвижностью, а мы отстаем, ибо, благодаря нашему централистическому бюрократизму, повернуться не можем. Нам необходимо создавать более мелкие подвижные ячейки, и вот поэтому нам и нужно образовать кружки, состоящие из людей, которые интересуются шахматами: одну группировку шахматистов, другую; одну футбольную команду, другую, третью; затем устраивать между ними состязания. Тогда у вас будет сочетание двух принципов: сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-то всероссийский глупакон. Состязательный принцип должен всемерно проявляться во всех играх, которые должны занять у вас большое место.

Участие
в обще-
ственной
работе.

Наконец я должен остановиться на таком пункте. Конечно, совершенно естественно, что огромная часть вашей воспитательной работы должна представлять воспитание в школе и непосредственно в Союзе, но такое воспитание должно выливаться в целый ряд практических работ членов вашего Союза на различных поприщах общественной жизни. И одна из самых важных общественных работ это—непосредственная работа на фабриках и заводах, пропаганда улучшения фабрично-заводской жизни и т. д. Затем организация борьбы с бюрократизмом, о чем очень часто говорилось и о чем вы тоже писали неоднократно резолюции; в деревне — борьба с кулачеством, отпор всевозможным организациям нашего противника, идейная борьба с ним, всевозможные диспуты и т. д. с различными идейными организациями вашего противника; борьба, защищающая интересы рабочей молодежи, приобретение здесь всяких товарищеских навыков и прочих организаторских добродетелей, имеющих громадное значение. Наконец всевозможного рода техническая помощь партии и профсоюзам. Вы должны приучиться к активной роли в партии и в профсоюзах. Должны выполнять ряд подсобных работ в них, хотя бы и технического характера, как, например, рассылка и распределение литературы и т. д. Эта сфера деятельности имеет огромное значение для вашего союза, если ставить ее в надлежащие рамки.

В заключение мне хотелось бы сказать, что в настоящее время целый ряд трудных проблем, очень часто в первый раз стоящих перед рабочим классом, перед партией и вами, целый ряд отрицательных явлений, которые связаны с этим, производят перетасовку наших рядов, временную нашу деморализацию. Но теперь это время прошло. Прошло время для криков по поводу отрицательных сторон нэпа, а эти крики

должны уже пройти безвозвратно, потому что есть у нас возможность победить, безусловно есть, так как у нас есть элемент человеческого кадра, который мы можем образовать и дообразовать при начавшемся оживлении экономической жизни. Все время наше международное положение упрочивается, и с точки зрения беспристрастного анализа ничего не может в нем измениться.

Поскольку мы имеем дело с молодежью, нам необходимо, чтобы она свой энтузиазм, который был на фронтах гражданской войны, целиком вложила в дело самоподготовки к будущей огромной государственной роли. Этот энтузиазм знания нужно всемерно поддержать в молодежи, нужно сделать его осью всей нашей борьбы.

Если мы кадр отличных борцов выработаем на поле культурной борьбы, то мы сможем его через несколько лет насадить на протяжении всей Республики, и эта новая сетка, новый кадр, с честью понесет то знамя, которое несло старшее поколение.

ИЗ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. БУХАРИНА

Тов. Т а р х а н о в. — Тов. Бухарин говорил о духе корпоративности, о необходимости создать честь своей организации и т. д. и т. д.—то, что писала тов. Крупская в своей брошюре¹. Между тем корпоративность и что бы то ни было другое может быть достигнуто в массовом масштабе не обсуждениями и теорией, а простым конкретным примером, простым показательным делом, каким является тот же союзный значок. Много примеров можно привести. Здесь искусственность не нужна, нужно исключительно то, что диктуется самой жизнью. В союзе в свое время было много кружков активных работников и т. д.,—это тоже корпоративность. Но корпоративность нигде никогда не прививалась: нужно предостеречь от искусственности в насаждении собственности, нужно совершенно иначе поставить вопрос, так, как в одном из номеров «Юного Коммуниста» этот вопрос ставился. Там никаких кружков и спайки этим не создавали, а дело ограничивали таким образом, что все то, что делали члены союза, старались проводить в жизнь общественно. Например, каждый комсомолец ежедневно ходит купаться. В Одессе, вместо того, чтобы каждый ходил отдельно, установили правило, что все ходят купаться вместе, и это было лучшей спайкой. Конечно, не в каждом городе есть море, и не везде можно

О корпоративности.

¹ Н. Крупская. «РКСМ и бойскаутизм».

себе позволить это, но необходимо подчеркнуть, что наша корпоративность должна заключаться прежде всего в том, чтобы организовать то, что является простой повседневной потребностью.

Комсо-
мольские
традиции.

Теперь несколько слов о том, на чем нужно было бы больше всего остановиться. Наш союз сможет развить это чувство общности, сможет создать спайку лишь в том случае, если помимо общей революционности и общих классовых традиций, которые мы должны развивать и всячески поощрять и укреплять, мы в союзе сумеем создать свои специальные комсомольские традиции, свои специальные комсомольские обычаи и т. д. У нас, в Москве, есть Красная Пресня. Спросите Красно-Пресненский район нашего союза, много ли там учли тех товарищей, которые когда-то, будучи молодыми рабочими, принимали участие в знаменитых Красно-Пресненских событиях, для того, чтобы их выставить в районе как героев этого района. А между тем это необходимая вещь — выставить каждой организации героя этой организации. Это — лучший подход для соревнования, так как в массе это накопление союзных традиций приводит к укреплению и связи с организацией в целом.

Совершенно правильно, товарищи, если бы мы, например, во всероссийском масштабе распропагандировали хотя бы Смородина, как вождя рабочей молодежи. И уверяю вас, что кроме пользы от этого ничего бы не было, потому что конкретность есть лучшая форма, и мы бы конкретно говорили о наших вождях, а не о каком-то ЦК. Прийти к молодому рабочему и сказать: «ЦК рабочей молодежи» — мало, а сказать, что такой-то парень, имеющий такие-то заслуги, сделал то-то и то-то, а вместе с ним другой и третий, это уже конкретность, конкретность понятия о ЦК.

Пролетар-
ская обще-
ственная
ность.

Тов. К а с и м е н к о (Украина). — Необходимо, говоря о коммунистическом воспитании молодежи в условиях новой экономической политики, особенно долго и особенно вдумчиво остановиться на самой основной проблеме, которая, по нашему мнению, выдвигается при создании целостной системы этого коммунистического воспитания. Это — проблема создания пролетарской общности в нашем союзе.

Когда мы на прошлой Всероссийской конференции выступали с предложениями об этой общности, то были некоторые придирки, в смысле того, что общность — якобы простой лишь термин, просто лишь слово, не больше, не меньше. Я считаю, что особенно последний период нашей работы летом, особенно наша массовая демонстрация во время пятилетия нашей организации, во время Международного Юношеского Дня, и то оживление, которое мы наблю-

дали в союзе, как нельзя лучше доказали необходимость этого лозунга, — лозунга создания пролетарской общественности в нашем союзе. Именно этот лозунг — квинт-эссенция всего того «нового», что привнесено в нашу политико-просветительную работу. Общественность есть квинт-эссенция всех новых методов. Чем страдала и чем страдает наша работа, чего у нас нет? Нет коллективной жизни нашей организации. У нас нет этой коллективной жизни, без которой нет и основной воспитательной среды, и без этого невозможно формирование коммуниста и того молодого рабочего, который руководился революционным инстинктом, революционным энтузиазмом, приходя в наш союз. Общественность — это есть та идея, которая зашивает все прорехи в нашей воспитательной работе.

Можно привести несколько практических примеров. Мы имеем на Украине нашу гордость, нашу лучшую организацию — Одесскую. Она в политически-просветительной области, может быть, делает меньше, чем другие, но благодаря тому, что там, начиная с ячейки, кончая клубами, есть эта живая, бьющая общественность, эта спайка между членами союза (не искусственно созданная, а благодаря тому, что весь курс работы был направлен на создание этой общественности), благодаря этому там от небольшой по размерам работы получается чрезвычайно большой результат. Конечно, до сих пор мы у себя на Украине не добились того, чтобы у нас общественность была сверху донизу в нашем союзе. Мы имеем довольно пеструю картину: в одних местах общественность была сильно развита в ячейках, в этих основных звеньях наших организаций, в других местах клубы живут коллективной жизнью. Сейчас, в связи с тем, что наступает самая пора углубления политической работы, мы взяли основной курс на общественность, тем более, что сюда необходимо отнести еще одно обстоятельство — роль общественности в борьбе с мелко-буржуазной идеологией. Только тогда, когда члены союза получают от общества впечатления, формируются и разворачиваются в силу тех воздействий, которые оказывает на них коллектив, — только тогда они могут быть изолированы от мелко-буржуазной стихии, а если не изолированы, то поставлены в такие условия, что вместе с коллективом борются активно с мелко-буржуазной стихией за создание новых форм жизни. Мы должны стремиться к тому, чтобы в коллектив перенести личную жизнь союза и организовать удовлетворение всех потребностей молодых рабочих в нашем союзе. Но те десяти тысячные демонстрации, которые прошли, факельные демонстрации у ресторанов с митингами против напманов (а не новой экономической поли-

тики), это все, может быть, неуклюже; может быть, по сравнению с тем, что должно быть, цена этому ломаный грош, но, во всяком случае, они вызывают могущественное действие в смысле формирования нужной психологии у членов союза.

Тов. Х и т а р о в.—Мне хотелось подчеркнуть место о коммунистической морали, о нормах поведения коммуниста.

Возьмем
пример с
герман-
ских то-
варищей.

Какая в этом смысле громаднейшая разница между РКСМ и, например, германской организацией: ибо, товарищи, как ставился в РКСМ этот вопрос? Сколько бы нам ни рассказывали, что в РКСМ уже давно ставился вопрос, что не надо курить и т. д., я, во всяком случае, знаю, что у нас этот вопрос в течение последних лет рассматривался, как вопрос совершенно ненужный, во всяком случае, чрезвычайно второстепенный. И это было понятно. Там вопрос о коммунистической морали играет колоссальную роль, там само собой разумеется, что активный работник, занимающий хотя бы самый незначительный пост, не пьет и не курит. О курении там законы еще не так строги, но насчет питья там поступают весьма строго, и не задумываются вышвырнуть из организации хоть сколько-нибудь ответственного работника. если он пьет. Это революционная традиция в Германии. Точно так же нужно поставить вопрос в РКСМ. Здесь один товарищ заявил о марксистской линии в половом вопросе, а кругом смеялись. Но этого не следовало делать. Марксист не только тот, кто знает законы обращения капитала. Марксист—революционер и коммунист. Воспитать таких коммунистов—важнейшая задача союза.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ТОВ. БУХАРИНА

О мето-
дах со-
здания
обще-
ственно-
сти.

Тов. Б у х а р и н.—Тов. Тарханов выставил против некоторых моих утверждений аргумент, что я предлагаю образовывать насильственно кружки, когда комсомолец идет купаться не один, а в компании. Я должен отдать справедливость тов. Тарханову, вряд ли можно найти комсомольца, который в грустном уединении идет купаться. Но я никогда не говорю, что нужно искусственно, силой тащить в кружки. Я не говорю, что нужно запереть десять человек в комнату, и пускай они там играют в шахматы. А тов. Тарханов это дело так изображает. Наоборот, я думаю и говорю о том, что надо развивать целый ряд влечений, которые существуют, и на основе этих влечений формировать кружки и другие организации. Всякое регулирование, давление—это обязанность каждой организации, это определенный признак руководства, который состоит в том, что вы, опи-

раясь на тенденцию движения, его усиливаете. Точно так же и здесь. Наоборот, возражая против искусственности, мой оппонент сам-то выдумал самую искусственную вещь — это культ стдельных лиц вашего ЦК, и это уже не корпоративная, а прямо индивидуалистическая точка зрения.

(На бюллетеней V с'езда РКСМ)

Буржуа относится к учреждениям своего общества, как еврей к закону: он обходит их, насколько возможно, в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все остальные повиновались им. Если бы все буржуа в массе сразу обошли все законы буржуазии, то они перестали бы быть буржуа, что, конечно, не приходит им в голову и нисколько не зависит от их желания. Развратный буржуа обходит брак и тайно занимается прелюбодеянием; купец обходит институт собственности других при помощи спекуляции, банкротства и т. д., молодой буржуа добивается независимости от собственной семьи, практически разлагает семью в свою пользу, но брак, частная собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, ибо они представляют практическую основу, на которой буржуазия воздвигла свое господство, ибо в своей буржуазной форме они — условия, которые делают буржуа буржуем точно так же, как всегда обойденный закон делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к своим условиям существования находит общее выражение в буржуазной нравственности.

К. Маркс.

В. И. ЛЕНИН

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников)

Коммунистическое строительство.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача: преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (в роде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каковом заговоре участвовали все, от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эс-эров включительно). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается—и чем дальше, тем больше—более существеннейшая задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим, и в речи 13-го мая на заседании Петроградского Совдепа, не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Капиталистический и коммунистический труд.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которым издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или заданных крестьян, которых грабила и над которыми изде-

валась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс—пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно—городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его).

От диктатуры пролетариата к коммунизму.

Ошибка Бернского желтого Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как-раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее—впредь до уничтожения классов, но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному

и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы—это такие группы людей, из которой одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность,—надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это—дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трулящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, ломарковского социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он—самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в третьих, потому, что в остальных капиталистических странах, в роде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, т. е. к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского желтого Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особым классом, именно—пролетариатом, и всей непролетар-

ской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, при чем эти отношения складываются не в фантастически гармоничной, «идеальной» обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России,—а трудящегося населения и подавно.—тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательства. Империалистическая война, т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелко-буржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую общественную связь, общественную дисциплину — дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуетединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелко-буржуазные слои на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Основная
задача
пролетариата.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства—замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

Коммунистические
субботники.

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие, вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в обычные, т. е. самые тяжелые, условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистической войной, болезни и недоедание. Последнее занимает первое по важности место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейцев) это — трудящиеся, которые живут в условиях отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного

повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда это, в последнем счете, — самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, неданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих «Коммунистические субботники» необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано совершенно справедливо в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достигающих не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и вселеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве вообще, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня — вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской

Самоотвер-
женный
труд — на-
чалом ком-
мунизма.

Вместо
пышных
фраз —
буднич-
ное дело.

революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эс-эров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к условиям труда. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобному: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «благородного человека», сразу и безошибочно определяет: «по всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались не торгашескими сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, безаветно героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу, повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

**Положение
женщины.**

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отношении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупяет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковылая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд

работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнerv-вливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, что особенно важно, либо торгашескими предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они начинают менять свой характер. Нет сомнения, что среди рабочих и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы не ухаживаем как следует за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что ей нужно! Как «образцовые» в глазах капиталистов предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров их газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости. Наша пресса не заботится или просто совсем не заботится о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать

Внимание
и забота
росткам
комму-
низма.

подробно; какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при образцовой коммунистической работе, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала — все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и каждой рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками — наша общая и первейшая обязанность.

Надо хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина всей громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

Всесторонняя поддержка этого почина — первый и главный урок. Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется «коммуной», и при этом передко забывается, что столь почетное название надо завоевывать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом.

В этом отношении «коммунистические субботники» — самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги сначала показали на деле, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину звание «коммунистических субботников».

Надо добиваться и добиться, чтобы и впредь все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, не доказывая этого тяжелым трудом и практическим успехом долгого труда, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля.

«Коммунистические субботники», между прочим, пролили необыкновенный яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата.

ЦК партии пишет письмо о «работе по-революционному». Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100—200

Что мож-
но назвать
«коммуни-
стиче-
ским».

Коммуни-
стической
работой
завоеваем
крестьян-
ство.

тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России и на Украине, до 4 милл. человек. Они в гигантском большинстве — за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200.000 и 4.000.000 — вот соотношение «зубчатых колес», если позволительно так выразиться.

А дальше идут десятки миллионов крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату — полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец весьма немногочисленная — кулаки, или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянтom. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эс-эра Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлебом. Но как труженик, крестьянин — друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещиков и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной многомиллионной массой поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами государства на свете еще не было.

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа, и только она, окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

В. И. ЛЕНИН

О КОМЧВАНСТВЕ

Не надо успокаиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах: толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, комчванство, выражаясь тем же великим русским языком. Коммунист, лучший, заведомо честный и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился, и не хочет учиться, и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот мы, товарищи, должны с этого съезда уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов. Все-таки мы не перестали быть революционерами, хотя многие говорят, что мы обюрократились. Мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз. Начали, уперлись в тупик, начинай снова, и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть, белогвардеец (и наверное, белогвардеец), но он умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий, и «кавалера» коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

(Из отчета ЦК на XI съезде РКП)

А. А. СОЛЫЦ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Вопрос о парт'этике как будто бы в последнее время за-
нимает чрезвычайно большое место в нашей партийной орга-
низации. Но я полагаю, что это никак не может быть понятно,
как какая-то боевая кампания по этому вопросу, как резуль-
тат того, что вот-де партия убедилась или усмотрела какие-то
элементы разложения, какое-то неблагополучие в партийной
жизни и именно в связи с этим подняла кампанию. Я думаю,
что все товарищи, имеющие дело с членами партии, даже со-
вершающими кое-какие ошибки, если подымали на послед-
нем пленуме ЦКК вопрос о парт'этике, то исходили совсем из
других оснований, в партии наметился более или менее уси-
ленный интерес к этим вопросам, и пленум ЦКК поставил
этот вопрос в свой порядок дня. Причины этому следующие:
к нам за последний год пришло очень много членов партии из
рабочей среды, для которых вопрос о том, как поступать
члену партии, что ему делать в повседневной жизни,—в виду
того, что мы переживаем теперь такой период, когда непо-
средственной активной борьбы не ведется,—играет не по-
следнюю роль, и этот интерес всюду увеличивается. И мы ни-
как не могли пройти мимо него. Но этот вопрос не нужно рас-
сматривать как какой-то боевой вопрос, который в боевом
порядке будет разрешен,—партия вынесет определенную резо-
люцию и на этом успокоится.

Товарищи, мы не напрасно говорим — партийная этика,
а не коммунистическая этика. Мы говорим—нужно члену
партии иметь суждение и выработать у себя общее мнение
о том, чем нужно быть члену партии, как вести себя члену
партии, а не о том, как вести себя в коммунистическом строе,
ибо коммунистическая этика может быть только тогда, когда
имеется коммунистический строй, а мы еще достаточно далеки
от него. Мы живем в переходное время, в которое у нас этика
должна рассматриваться с двух сторон.

Интерес
новых чле-
нов партии
и вопросам
парт'этики.

Что такое
этика?

Что такое этика? Это есть сумма нравов и обычаев, которые приняты в данном обществе, нарушение которых хотя и не преследуется законом, но все-таки соблюдение их как будто бы обязательно без карательной санкции. И в сегоднешнем обсуждении вопрос стоит не в той плоскости, за что нужно исключать из партии, за что нужно делать выговор, т. е. не этика членов партии, работающих в КК. Может быть, и об этом можно разговаривать, но сейчас я намерен говорить о том, как себя должны вести члены партии.

Основа для нашего поведения заключается в том, что мы, хотя переживаем эпоху строительства, эпоху, якобы мирную, остаемся на своих постах членов революционной боевой партии, для которых интересы борьбы, интересы революции являются, так сказать, мерилom, по которому мы оцениваем, хорошо ли мы поступаем, или плохо. Все, что облегчает нашу борьбу; все, что нас усиливает, как борцов; все, что нам помогает в этой борьбе,—то является этическим, хорошим. Всякий поступок с этой точки зрения и должен оцениваться, помогает ли он нашей борьбе или вредит во всех областях.

Надо со-
здать об-
ществен-
ное мнение.

Есть один очень интересный вопрос, который именно для массовых членов партии требует ответа—это вопрос о создании общественного мнения о поведении не только членов партии, но и тех, которые идут за ними. Мы собою представляем,—мы уверены в этом,—авангард трудящихся, т. е. крупнейших масс населения, и вот мы находимся в таком благоприятном положении, когда можем не только для себя решать вопросы, но и устанавливать, так сказать, моду, норму, по которой должно жить общество. Мы являемся господствующим классом здесь, в нашей стране, и жизнь строится по нас. По тому, как мы будем жить, одеваться, оценивать те или другие отношения, по тому, как мы будем вести себя,—по этому будут устанавливаться в нашей стране обычаи.

Надо сказать, что, кроме внешних препятствий, огромным препятствием для нас является то, что мы несем на себе очень большой капиталистический горб, который мы нажили, живя в капиталистическом обществе. Ведь Коммунистическая партия не с неба свалилась со своими мыслями и задачами. Она жила и росла при капиталистическом строе, она приобрела все навыки, которые свойственны этому строю, такому строю, в котором говорилось, что, только исходя из личных интересов, можно кое-что создать,—вне этого люди не в состоянии что-либо сделать. Мы воспитываемся в других условиях, но пока вынуждены жить так, что личный интерес играет колоссальную роль. Одним из моментов освобождения от капиталистического горба является установление новой оценки хорошего и дурного, всего того, что принято и не при-

нято в данном обществе. По нашему поведению начинается строительство нашей жизни, ибо мы являемся единственной страной, где мы, как господствующий класс, можем эти привычки, эту оценку привить новому подрастающему обществу и даже массе старого. Мы знаем, например, что наши революционные праздники постепенно становятся просто национальными праздниками, потому что ведь большое количество было таких праздников; например, раньше население, праздновавшее те или другие праздники, вовсе не связывало это с тем, во имя чего были созданы эти праздники, но оно знало, что в эти дни происходит общение с товарищами, в эти дни лучше едят и пр. Когда создаются новые праздники, когда создается новый тон жизни тех, кто является господами в строительстве нового класса, когда они создают новые нормы, то массы населения по этим нормам привыкают оценивать жизнь и отдельные поступки. Перед нами стоит задача сохранить себя как борцов, и с этим соразмерить наши нравы и обычаи и проводить новый порядок. Вот с этой точки зрения, в виду того, что мы не можем претендовать на какие-то абсолютные этические нормы, мы и должны подходить к тому, что мешает водворению нового порядка. Мы с точки зрения этики и должны создать такое общественное мнение, которое облегчит нам эту задачу.

Я перехожу к тем,—я бы не сказал: болезням партии, ибо болезнью называется нечто ненормальное и нечто свидетельствующее о каком-то неправильном росте нашей партии,—я бы лучше хотел сказать: к тем недостаткам, которые проявляются в нашей жизни, в нашем утверждении, в нашей борьбе, которые должны быть нами поняты и по мере сил и возможности изжиты:

Наши недостатки.

Так как мы не явились из какого-то совершенного мира, то естественно, что у нас имеется целый ряд таких явлений, которые неизбежны в обществе, растущем, развивающемся при тех колоссальных трудностях, которые у нас имеются, и в той борьбе, которая нам предстает.

Я прежде всего буду касаться товарищеских взаимоотношений. Величайшей основой и достижением в нашей партии является наличие партийной дисциплины. Почему? Потому что то, что у нас раньше было в теории, когда создатели партии говорили о необходимости боевой дисциплины, о сплоченности всех сил для достижения более быстрой победы, теперь получило подтверждение в жизни, стало несомненным для всех. Несомненно, что именно создание такой партии, сплоченной, с единой волей, облегчало нам возможность победы и обеспечивало нам тот успех в борьбе со всеми враждебными нам силами, который получился. Мы в эпоху революции ока-

Товарищеские отношения и партийная дисциплина.

зались единственной организованной партией, с единой волей, которая твердо знала, чего она хочет, к чему стремится, у которой слова не расходились с делом. Нашим любимым лозунгом было: не на словах, а на деле. Владимир Ильич буквально через каждые свои три выступления повторял его. Ценность дисциплины нашла свое оправдание не на словах, а на деле, потому что мы считались единственной партией, которая должна была революцию осуществить, а осуществить ее можно было только при большой и сознательной дисциплине. Конечно, вопрос не идет о такой дисциплине, при которой человек делает то, с чем не согласен. Вольная дисциплина, сознание ее необходимости и ценности должны быть у нас первой основой в нашей работе.

Может ли быть вольная дисциплина тогда, когда нет достаточно хороших товарищеских взаимоотношений? Нет. Тогда, во всяком случае, дисциплина может быть только казарменной. Только тогда, когда мы смотрим друг на друга как на товарищей, объединившихся для единой определенной действительной задачи, и можно создать ту дисциплину, которая нас выручала из всех бед. Чем дальше растет наша партия, тем труднее сохранить те товарищеские отношения, которые создались на почве совместной борьбы, но тем она необходимее, тем больше товарищи должны чувствовать, осознать все то, что требуется для такой вольной дисциплины. Легче сохранить товарищеские, хорошие отношения, когда мы составляем группу в 20 человек, чем когда нас 80 тысяч человек, как московская организация. Необходимые товарищеские отношения—любовь, дружба к товарищам—могут укрепиться от сознания того, что ведь он—мой помощник, через него я удержал все то, что мне дорого, во имя чего я член партии.

Я коснусь, например, вопроса, с которым приходится сталкиваться в контрольных комиссиях. Если товарищи ошибаются иногда в том или другом случае, поступают не так, как бы следовало, что должен делать товарищ, член партии, который это замечает? Если он к нему относится хорошо, если он его считает своим сочленом, с которым он вместе работает, он постарается исчерпать это в собственной среде. А у нас чрезвычайно развито по всякому пустяку таскание члена партии в КК. Это свидетельствует о том, что у членов партии недостаточно развиты товарищеские взаимоотношения. Ведь если, например, ошибку делает ваш брат, ваша жена, близкий вам товарищ, я убежден, что вы не тащите его в КК, а постараетесь исчерпать недоразумение в собственной среде, потому что странно было бы, если бы сын таскал отца в КК или судебное учреждение. Они постараются сделать все возможное, чтобы изжить это. У нас этого не замечается, потому что есть

формальное отношение, и многие члены партии считают своим коммунистическим долгом доносить в КК о погрешениях того или иного товарища. У нас бывает так—вам всем, вероятно, известно—собираются товарищи, выпьют вместе, а потом один на другого идут жаловаться в КК, и идет спор—кто больше выпил, кто меньше. При товарищеских взаимоотношениях разве может быть такая вещь? Это может быть только тогда, когда желают подсидеть. Это стремление подсидеть имеет своим источником борьбу за власть. Мы на это глаз закрывать не должны. Мы—правящая партия, и то, что мы—правящая партия, несомненно в известном направлении плохо на нас влияет. Но ведь мы—борющаяся партия и основой своей жизни ставим не святость, а интересы борьбы, и поэтому мы во имя святости никогда от власти не откажемся, ибо для нас важнее борьба и успех, чем та святость, которая в абсолютной форме больше вредит борьбе, чем приносит пользы. Если бы у нас появились такие настроения, при которых мы говорили бы чрезвычайно много о личном поведении, о личной святости, то я даже забеспокоился бы и сказал: тут что-то нездоровое в нашей партии, мы перестали быть борцами, а стали интересоваться личной жизнью. Что такое толстовство? Это есть такое движение, которое оказывается бессильным бороться во имя утверждения хорошего порядка и говорит: давайте углубляться в самих себя и сохранять свою собственную святость. Это свидетельствует об отказе от борьбы, это знаменует разочарование в революции и в борьбе. Если такие настроения начнут господствовать в нашей партии, ей придет конец. Мы знаем, что в интересах рабочего класса—чтобы мы, как здоровая борющаяся партия, имели власть. Мы знаем, как марксисты, что власть портит, и мы время от времени производим чистку, пересматриваем наши ряды, имеем контрольные комиссии, которые того члена партии, который испортился, который перестал быть борцом, который перестал принимать участие в нашей борьбе,—изгоняют из партии; мы от таких членов партии отказываемся. И в этой самой борьбе элементы подсиживания, элементы выдвижения себя и т. д. имеют место. Надо, чтобы у нас создалось такое общественное мнение в партии, что нельзя определенных вещей делать, что товарищей подсиживать нельзя, что обязанность всякого товарища даже в ячейке не разбирать этих вопросов, потому что и там бывает формальное отношение к поведению товарищей, а проступки отдельных партийцев в возможно большем количестве изживать путем личных дружеских отношений; тогда моему ведомству будет гораздо легче, будет меньше работы для КК, а партии будет легче жить, потому что карательная система, как мы знаем,

сама никогда цели общего исправления не достигает. Она только помогает выбирать все то, что вредно, но с точки зрения исправительной она не дает положительных результатов.

О само-
убийствах.

Теперь имеется довольно большое количество самоубийств. Товарищи, не надо от этого тоже приходить в какую-то панику. Это естественно и понятно: мы переживаем такую эпоху, когда нервы у очень большого количества людей столько испытали, пережили, что у них нет сил дальше делать то, что требует от них партия. Имеются молодые партийцы, которые уже пережили гражданскую войну, которые были на всех фронтах, которые работали в наших карательных органах ГПУ и т. д. и совершенно издергали себя, ибо от них требовалась колоссальная выдержка: наиболее невыдержанному казалось, что вот последнее усилие, и он входит в коммунистический рай, и когда он видит, что дело более серьезно и требует более длительной работы, у него начинается некоторое разочарование, он ищет выхода и тут, когда он встречает формальное отношение, даже среди членов партии не встречает дружеского подхода, а встречает глухую стену формальных отношений, он не выдерживает и кончает самоубийством. То, что он кончает самоубийством, говорит, что какая-то червоточина у него имеется, что он член партии плохой, ибо мы требуем от своих членов партии выдержанности, умения оценивать события и умения бороться с теми препятствиями, которые встречаются на пути. Ведь каждый самоубийца, когда он решает вопрос о самоубийстве, приходит к выводу, что вот, дескать, выхода нет. Это—непормальные переживания, и люди в этом всегда ошибаются—в оценке положения. Я могу указать на такого самоубийцу, как Максим Горький, который, прежде чем стать знаменитым писателем, в один прекрасный день пытался покончить с собою; к счастью, ему это не удалось. Но в тот момент ему казалось, выхода нет из положения. Это говорит о том падении, так сказать, его воли, его настроения, которые, как борцу, дают ему плохую оценку. У нас часто бывает, что члены партии, когда они получают решение КК об исключении, заявляют: ну, товарищи, у меня остался только один выход—покончить с собою. Как же, мол, когда моя партия меня выбросила, я могу дальше жить? Я думаю, что в таких случаях приходится так отвечать.—я лично так отвечаю и думаю, что другие товарищи так же должны отвечать и, вероятно, отвечают: что ты плохой член партии, и КК не ошиблась.

Об ошибках КК.

КК состоит из людей, которые могут ошибаться, и может исключить такого, которого не нужно исключать, который в худшем случае заслуживает только выговора, указания или товарищеского убеждения. Ну, что же,—из-за того, что тот или дру-

гой орган или та или другая КК плохи, надо кончать с собой? Нет, надо доказать партии и КК (КК больше всего), что она ошиблась. Как это можно доказать? Напряжением своей воли и таким поведением, такой работой, которая убедила бы, потому что если КК кого-нибудь исключает из партии, а через полгода товарищ через ячейку, через рабочий кружок доказывает, что он хорошо работает, то я от имени КК должен сказать, что нет большего удовольствия для КК, как убедиться в своих ошибках, ибо дело вовсе не состоит в том, чтобы доказать свою абсолютную непогрешимость. Какая же это КК, которая будет думать, что всегда и беспорочно верно ее мнение? Наоборот, чем больше грешных сыновей возвращается обратно в свою партию после того, как они находят в себе силы все преодолеть, тем лучше. Мы запретили всем КК принимать постановление об исключении навсегда. Нет такого человека, про которого можно сказать, что он не может исправиться. Такой вещи быть не может и иногда может быть обратное; иногда может быть так, что член партии, который в данном положении должен быть исключен, через год, если он все преодолеет, и некоторые товарищи это подтвердят, он становится лучшим членом партии, чем так называемые безукоризненные члены партии, ибо безукоризненных членов партии нет. Все мы—живые люди и делаем все кое-когда ошибки. Но когда это возможно? Когда может быть такое положение? Когда у нас будут товарищеские взаимоотношения, а мы очень часто в тех случаях, когда товарищ раньше исключается, а потом нами восстанавливается,—мы губим товарищей только потому, что нет у нас дружеских, товарищеских отношений. Когда мы восстанавливаем, то ячейка иногда говорит, что ЦКК добрая, она его восстановила, но за ним этот грех остался, и по всяким пустякам тянет его к ответу. Если бы товарищи относились к этому вопросу как нужно—ЦКК восстановила, он равноправный член партии и он встретил бы внимательное отношение, такое же, как и прежде,—то, конечно, все было бы изжито. Бывает и обратное: члена партии восстановили, разобрали этот случай, он приходит и говорит: вот видите, хотя вы меня исключили из партии, а ЦКК восстановила, и потому плевать мне на всех, кроме ЦКК. Обратное тогда положение создается: здесь нет товарищеского желания исправиться. ЦКК должна внимательно подходить, потому что мы—последняя инстанция и естественно, что на нас лежит большая ответственность, на нас некому жаловаться; а низшая инстанция может думать: на всякий случай исключим его, чтобы очистить нашу партию, а ежели это неправильно, ЦКК восстановит, пусть его еще проверят. Мы, последняя инстанция, должны более внимательно подходить. Там товарищи думают,

что он не может исправиться, а мы надеемся, что он может исправиться. Но тот товарищ, который думает, что он гоголем вышел потому, что ЦКК его восстановила, и будет плевать на свою ячейку,—такой товарищ никуда не годится; тогда окажется, что права была низшая ячейка, которая его исключила. Только при товарищеских взаимоотношениях, только тогда, когда все поймут, во имя чего мы все являемся членами партии, когда это убеждение будет господствующим элементом в нашем друг к другу подходе, по каждому вопросу не будет таскания в КК.

«Онэпивание».

Переходя к другим явлениям, имеющимся в нашей партии, к тому, что тов. Ярославский называл «онэпиванием», т. е. к тому скверному влиянию, которое замечается у некоторых членов партии, недостаточно твердых, недостаточно устойчивых, вследствие нашего соприкосновения с чужими элементами, с классовыми врагами, с теми, которые строят свою жизнь вне советского строительства, исходя только из личных интересов,—я должен подтвердить, что известное количество таких людей должно быть, и мы должны от них освободиться. Мы должны знать, что соприкосновение с этим нэповским строем не может не влиять пагубно на недостаточно устойчивых членов партии, и мы должны различать тот период или тот момент, когда он по существу перестает быть нашим товарищем и должен быть удален из партии. Что тут происходит, особенно с точки зрения первого нашего требования—сохранения борца? Такой товарищ перестает быть борцом, с точки зрения «моды», он мешает нам вести такую форму жизни, которая соответствует нашему новому строительству, новой эстетике, новой красоте. Эстетика говорит, что красивым считается полное соответствие между внешностью и внутренним содержанием. Когда моду создавал класс эксплуататоров, то естественно, что для него ценны были всяческие внешние отличия, свидетельствующие о его успехах в жизни, как представителя этого самого капиталистического строя. И одежда, и манеры, и внешность считались красивыми, возбуждали зависть, желание подражать, потому что свидетельствовали о его успехе в жизни, о том, что он действительно представитель вот этого самого господствующего класса. А у нас что? Мы не только рабочее правительство, у нас все формы жизни основаны на уважении к труду, на стремлении поставить трудящегося впереди всего. Мы говорим, что у нас первое место принадлежит труду. Если внешний облик члена партии говорит о полном отрыве от трудовой жизни, то это должно быть некрасивым, это должно встретить такое отношение, после которого член партии не захочет так одеваться и иметь такой внешний облик, который осуждает

среда трудящихся, который вызывает в среде трудящихся возмущение. Такой товарищ думает, что существует какая-то личная жизнь, в которой он, дескать, вполне свободен и имеет право следовать своим вкусам, а вкусы его таковы, что он хочет подражать тому, что считает буржуазное общество изящным, иметь тот облик, который говорит о другой партии, о других нормах, о другой оценке человека. Если у нас такого отношения к внешности не будет, к тому, что возбуждает осуждение в рабочих массах, в массах трудящихся, и если человек внешне будет, так сказать, резко отходить от тех масс, которые он представляет, то мы сами затрудним себе борьбу и отдадим время проведения наших идей в жизнь. Некоторые задают ядовитые вопросы при моих выступлениях: а что же вы думаете—нужно быть грязным, неряхой, лучше ходить в тряпках? Конечно, задают такие вопросы обыкновенно очень грамотные, культурные люди, которые думают, что вот, видите ли, может быть, вследствие того, что я сам большой неряха и хочу служить образцом, я и выступаю так в вопросе о внешнем облике, — я совершенно от этого далек, я вовсе не проповедую следовать по моему пути. Можно одеваться красиво, даже хорошо одеваться, но красота должна быть другая.

Я считаю, что некрасиво, если человек носит кольца, браслеты, золотые зубы, по моему это должно возбуждать эстетическое возмущение.

Я был недавно на одном собрании в Рогожско-Симоновском районе и мне приходилось там наблюдать новые формы красоты, новые радости, потому что мы опять-таки не партия святош, мы не говорим, что нужно отказываться от радостей жизни, и я должен повторить то, что мне всегда приходится говорить. У Михайловского, хотя он был народником, чрезвычайно удачно отмечено, что среди протестантов имеются вольники и подвижники. Имеются две формы людей, которые протестуют против существующего строя. Одни говорят: массы народные не имеют возможности радоваться, давайте и мы будем отказываться от радостей жизни, давайте в качестве протеста будем постниками, будем соблюдать святость. И вот, если все люди будут по нас равняться, то в конце концов получится очень хорошо. И есть вольница, которая говорит: жизнь на радость нам дана, мы должны получить от жизни все доступные радости и мы должны возможно больше расширить жизнь, чтобы получить возможно больше радостей. Большевики принадлежат к вольнице, а не к подвижникам. Конечно, не в том дело, чтобы отказываться от удовольствий, отказываться от радостей, а в том, чтобы эти радости не распределялись так: половину дня в роли благочестивого члена

партии, а другую половину—он живет личной жизнью. Нельзя отделять личную жизнь от партийной жизни. Хороший член партии тот, которому работа в партии, борьба дает во всяком случае больше радостей и больше личного удовлетворения, чем то, что при капиталистическом строе называлось личной жизнью. Раньше каждый рабочий, если он вступал в партию, если он боролся, знал, что лично он мало получит. Каждый человек хочет жить, чтобы говорить то, к чему он стремится. В революции он хочет такого порядка, во имя которого он борется, и эта борьба доставляет ему наслаждение. Это ясно. Разве можно говорить о том, что, скажем, посещение театра—это личная жизнь, а вот работа в кружке или лекции—общественная жизнь. Если человек не чувствует личного удовлетворения, а выполняет общественную работу, как казенную обязанность, он себя насилует, он тянет на себе это бремя как член партии. Надо, мол, ничего не поделаешь! Если он лично удовлетворен, то этого не получается, значит—он цельная натура. Онепивание должно встретить у нас осуждение. Стремление членов партии и класса, который мы представляем, подражать даже во внешней жизни всему тому, что считал красивым и что считал хорошим, в чем находил удовлетворение тот класс, который мы свергли, должно встретить осуждение. С этой точки зрения мы должны подходить и к целому ряду наших поступков. Я прежде всего останавлиюсь на семейном вопросе.

**Семейный
вопрос.**

Семейный вопрос это—вопрос о том, как должен жить член партии в своей семье. Лучшие всего об этом сказала Н. К. Крупская. Я от нее первой услышал такую удачную, можно сказать, формулировку: что семья члена партии должна быть в известном смысле ячейкой содействия. Это должна быть такая группировка товарищей, когда один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи, и все члены семьи должны всей своей работой и жизнью представлять нечто похожее на ячейку содействия. Это то, к чему мы должны стремиться. Что у нас должно встретить особенно строгое осуждение в этой области? Я не касаюсь тех проступков, которые встречают осуждение всякого общества и которые являются преступлениями, преследуемыми судом, ибо, конечно, это не моя и не ваша задача и, конечно, не интересно вам слушать о всем том, что наказывается судом. Ясно, конечно, что член партии не может делать того, что является наказуемым, когда это делает не-член партии. Это ясно. Ведь у нас очень много членов партии, которые отказываются содержать своих детей. Это уже область преступления. Но вопрос у нас возникает на почве, во-первых, того, что довольно значительное число членов партии, занимающих более

или менее ответственные места, берут себе жен из чужого класса. Я к этому вопросу подхожу прежде всего с точки зрения эстетики, с точки зрения красоты, и нахожу, что у этих людей очень дурной вкус. Этот дурной вкус в том заключается, что вот это должно быть воспринято так, как раньше, в прежнем обществе представляли себе женитьбу графа на горничной. Общество было страшно скандилизовано: как это так, он забыл папи традиции; ведь это некрасиво, ведь этого нужно стыдиться! Такое тогда было отношение. Мы являемся господствующим классом, и у нас должно быть такое же отношение. Сближение с членом враждебного нам лагеря, когда мы являемся господствующим классом, — это должно встречать такое общественное осуждение, что человек должен 30 раз подумать, прежде чем предпринять такое решение. Конечно, всякое чувство индивидуально, в личную жизнь не всегда можно вмешиваться, но осуждать мы это можем, точно так же, как осуждало это прежде общество, когда член этого общества отказывался подчиняться его требованиям. Мы называем это предрассудком, но для сохранения себя это вовсе не было предрассудком. Нужно много раз продумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса. При чем нужно отметить, что когда я говорю о классе враждебном, то я это понимаю в буквальном смысле, что не нужно рассматривать себя с точки зрения комчанства, что мы, дескать, избранные люди, члены партии. Нет, мы представители трудящихся и, конечно, отделять себя от массы и выдавать себя за форменную аристократию, которая не желает ни с кем смешиваться, нельзя: это неправильно; но говорить, что нельзя пить воду с беспартийным вместе потому, что он беспартийный, нельзя. Речь идет не о трудящихся, не о той массе населения, которую мы представляем, а речь идет о враждебном нам элементе, потому что побежденный класс естественно ищет возможности, где и как подкрепиться, а выйти за комиссара довольно лестно: через него получается связь с этим обществом, устраиваются родственники и проч. Если это будет встречать среди членов резкое осуждение, этого будет мало.

Старое общество считало, что нужно построить семью главным образом на принципе собственности, чтобы сохранить собственность в определенных руках. В Англии у аристократии это доходило до того, что собственность вся переходила в руки старшего сына. Основной считали крепость семейного брака. Как представители меньшинства, они, конечно, стремились воздействовать на большинство путем обмана — брак окружали какой-то святостью, участием в нем сверхъестественных божественных сил. Это им было необходимо

потому, что их этика должна была прикрываться ложью и обманом. Ведь этика есть то, что принято в данном живущем обществе. Когда меньшинство желает вести за собою большинство, оно должно скрыть свое лицо. Мы этой надобности не имеем, и поэтому нам нечего врать и говорить, что вот, дескать, в браке, в сближении людей на половой почве, принимают участие какие-то сверхъестественные силы. Но когда мы взяли власть, то получили некоторое увлечение в обратную сторону: получилось такое отношение, что, дескать, вообще никаких семейных вопросов — с точки зрения Коммунистической, борющейся в данный момент партии — нет и что, дескать, свои семейные отношения можно каждый день изменять, разнообразить и т. д. Это уже тесно связано вообще с половым вопросом. Тут у нас имеются тоже две стороны, которые мы должны рассматривать прежде всего: во-первых, беспорядочная половая жизнь несомненно ослабляет каждого члена партии как борца, во-вторых, несмотря на то, что область эта вполне законная, что мы не аскеты, проповедующие воздержание, отказ от каких бы то ни было радостей жизни, мы говорим, что между нами должна быть такая пропорция, которая все-таки в основе оставляет человека борцом, а вот большое разнообразие в этой области должно отнимать у человека слишком много силы, чувства и ума. Если исключить моменты, когда половые взаимоотношения бывают только на почве физиологической потребности, которые уже показывают известную приниженность человека в этой области (ибо человек в этом отношении от животного несколько отличается, он ищет более утонченных форм наслаждения в этой области), если это отбросить, так все остальное требует большого количества энергии, чувства, нервов и т. п., — и по-иски в этой области за разнообразием показывают, что эта область жизни слишком много у него отнимает времени и сил, и голова его этой стороной жизни гораздо больше занята, чем интересами борьбы.

Пьянство.

С такой же точки зрения надо подходить и к вопросу о пьянстве. Вопрос о пьянстве в старом обществе понимался тоже как нарушение каких-то известных, одним словом, установленных чуть ли не свыше норм. Почему мы тоже боремся против пьянства? Прежде всего пьянство нас ослабляет как борцов, излишество в пьянстве несомненно ослабляет волю, и человек за себя отвечать не может. Несомненно, что пьющий скорее может подвергаться всяким другим элементам разложения в области преступления и перехода на сторону бывших господ, и потому это встречает всяческое осуждение. Но откуда взялась потребность у человека пить? Товарищи, жизнь была скучной, мы были рабами, все громаднейшее количество

населения выполняло, так сказать, только волю господствующих классов? Просвета в жизни не было, а человеку хочется радостей и, если реальная жизнь ему их не доставляет, он ищет по крайней мере иллюзий этих радостей. Когда человек выпьет, ему лучшей кажется жизнь, и люди ему кажутся лучше, чем они есть, нервы возбуждаются, и он, так сказать, отдыхает от той скучной жизни, в которой ему приходится пребывать. И вот на этой почве создалась эта привычка у части товарищей. Конечно, им трудно отвыкнуть. Но это должно встречать осуждение, и когда мы решаем вопрос о том, что он собою представляет как член партии, то мы, конечно, не можем измерять только тем—пьет ли он или не пьет, потому что вообще когда оценивается человек, нельзя исходить формально из того поступка, который он совершил. Человек отдельными поступками не измеряется; надо знать всего человека, что он из себя представляет. Если он, как борец, себя сохранил, то ему нужно указать только на тот недостаток, который имеется. Мы—строители жизни, по нас строится жизнь, а теперь строится такая чудесная жизнь, мы живем в такую эпоху величайшего творчества человечества, что если человек даст себе возможность и время подумать над этим, то он найдет такую массу применения своим силам, своим нервам, своему стремлению проявлять себя, что ему не нужно будет никаких иллюзий; зачем нам иллюзии, когда жизнь так прекрасна, зачем иллюзии такой партии, которая творит столь огромное дело, о котором будут легенды рассказывать. Человек так устроен, что какие бы чудесные вещи при нем ни совершались, он привыкает к ним. Вот летает в воздухе аэроплан—посмотрел, а потом уже лень и голову поднять. Мы не можем оценить тех новых форм, той новой жизни, которую мы создаем. Члены партии, живя в такой период, живя в такой стране, работая, имеют наибольшую возможность утверждать и развивать то, за что они берутся. Когда соединенными силами они могут все это делать, тогда незачем себе иллюзий строить и забываться. Мы живем во время такой жизни, когда нужно не забываться, а, наоборот, помнить и помнить, где и когда мы живем, и в этом находить высокое наслаждение. И мы особенно заинтересованы в том, чтобы молодому поколению доставить такую жизнь и воспитывать в таких условиях, чтобы оно при приближении старости не искало этого забвения. Мы являемся партией, создающей моду: если мы не пьем, все отказываются, а если мы пьем, если коммунисты, имеющие возможность себя проявлять, которым больше доступны всевозможные развлечения, как клубы, как возможность выступать, говорить, если они ищут забвения, то что же другим делать? Значит, так на роду написано человеку?

Это чепуха. Это есть известное историческое наследие, которое имеется в России и от которого нужно уйти.

Хозяйственное обр-ание. Не стоит, по-моему, говорить о хозяйственном обр-ании. Хозяйственное обр-ание—это превращение человека в такое существо, которое значительную часть своих сил отдает на личное обогащение. Конечно, это недопустимо, конечно, он перестает тогда быть членом партии. Но нужно смотреть на то, как в жизни это бывает. Мы должны наметить границы. Мы знаем, что у нас в данный момент коммунистического строя нет и что требовать равенства нельзя. Самый рабочий класс имеет градации в оплате труда. Но мы должны говорить: ты должен жить вот в пределе таком-то, вот тебе 17-й разряд: если он больше получает, он подвергается изысканию, с него требуют отдачи. Вот только литературный труд у нас оплачивается вне всяких границ, но почему это делается? Потому что пока еще трудно добиться, чтобы литераторы-коммунисты так же охотно писали бесплатно, как за плату, и мы вынуждены делать эту уступку. Но у нас общественное мнение должно быть таковым, что всякий, который получает максимум дозволенного заработка в какой бы то ни было области, выше этого максимума получать не может. Когда мы создадим это мнение, этому литератору станет совестно получать больше. Надо создать у партии такое мнение, что коммунист должен жить так, чтобы его жизнь не слишком отличалась от жизни того класса, который он представляет, ибо это создает не только отрыв от массы, но и отрыв от партии, потому что мы не можем терпеть такого положения, чтобы жизнь наша, как представителей рабочего класса, значительно отличалась от жизни самого класса. Мы требуем: всеми своими обычаями, всеми своими нравами ты должен быть близок той массе, которую представляешь. Раз у тебя другая жизнь, то ты с червоточиной—и можешь уйти из партии.

Религиозные обряды. Я еще скажу несколько слов о религиозных обрядах. Несколько слов потому, что ясно совершенно, что члену партии нельзя совершать религиозных обрядов ни в каком случае. Почему? Во-первых, это показывает, что у него есть расхождение между словами и делом. Иногда товарищи говорят: «я ведь не религиозен, какое же значение имеет то, что я венчаюсь в церкви или крещу детей, потому что жена этого хочет?». Это недопустимо потому, что это затрудняет нашу антирелигиозную пропаганду, ибо—повторяю—мы создаем моду. Какая может быть пропаганда, если в деревне крестьянин-коммунист венчается в церкви, а потом пойдет против попов агитировать? По нашей мерке поступают все трудящиеся. Какой же это член партии, который совершает религиозные обряды? В деревне, например, он должен знать, что с точки зре-

ния партийной он наносит величайший вред, если он венчается в церкви. Но когда нам приходится обсуждать уже совершившийся поступок, нужна сугубая осторожность. Бывают такие условия, что у крестьянина-коммуниста выхода нет вследствие отсталости крестьянства; ему нужна женщина, ему нужна хозяйка дома, а женщина и хозяйка дома считает, что только после венчания в церкви брак их будет крепким, и поэтому она не соглашается иначе; вот каждый случай, с точки зрения того, что из себя представляет этот член партии, нужно рассматривать отдельно, считаясь с тем, когда он это делал, при каких обстоятельствах. Даже оставляя в партии, необходимо все же признавать, что товарищ совершает большой серьезный партийный проступок. Но, как я уже говорил, человек не измеряется отдельными поступками, а измеряется весь в целом; такой и должен быть подход.

Вот, товарищи, о чем я хотел вам сказать. Чрезвычайно важно, чтобы мы здесь обменялись мнениями, потому что мы должны создать общественное мнение, а вовсе не выслушивать доклады.

(Доклад в Комуниверситете имени Я. М. Свердлова)

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого, и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться.

В. И. Ленин—«Лучше меньше, да лучше».

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

КЛАССОВЫЕ НОРМЫ ПРОЛЕТАРИАТА ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ

Пролетариат у власти. Он достиг той из своих целей, которой была подчинена его борьба и слагавшиеся в процессе этой борьбы классовые нормы. Теперь положение существеннейшим образом изменилось. Поскольку чисто политическая борьба еще не кончилась и перенеслась территориально на другую арену, остаются в силе все те нормы и все те навыки, которые нужны для сплочения класса и дальнейших побед. Но часть этих норм уже закреплена в законодательстве советского государства, превратилась в советское право. В то же время созданные им боевые классовые организации, профсоюзы и партия, также отчасти превратились в столбы его государственного здания. Но в новых условиях его нормы дополняются новыми образованиями. Какие это новообразования?

Трудовая
дисциплина.

Начнем с трудовой дисциплины. В буржуазном обществе рабочий не заинтересован в поднятии производства и увеличении выработки за ту же заработную плату. Больше он зарабатывает—больше получит хозяин, больше растратит на роскошь, больше отдаст буржуазному государству и его прихлебателям, больше сгноит при промышленном кризисе перепроизводства, больше загубит наконец бессмысленно в очередной империалистической войне. Откуда здесь взяться трудовому энтузиазму, откуда и зачем могли бы возникнуть самопроизвольные трудовые нормы у работающего пролетариата при капиталистическом строе? Даже в тех редких случаях, когда у трудящихся просыпается непроизвольно энтузиазм к труду¹, этот предвестник будущего свободного труда всех для всех, им еще ясней практическая бесполезность этого

¹ См. прекрасное описание одного из таких эпизодов в „Автобиографических рассказах“ Горького („Красная Новь“, март, стр. 15).

порыва перед лицом эксплуататорских пиявок, в карманы которых неизменно текут все плоды бескорыстного трудового вдохновения. Рабочему приходится тогда не вырабатывать свою собственную добровольную дисциплину труда, а обороняться от навязанной ему извне принудительной трудовой дисциплины. Она поддерживается капиталистом и посредством подчинения работника надзору надсмотрщиков всякого рода, и системой заработной платы, и заинтересованностью в прибылях предприятия, и увольнением за небрежность в работе и т. д. Но капиталистическое общество не довольствуется этим: оно пытается залезть в душу рабочего и посадить там у него внутреннего надсмотрщика, в виде принципов своей морали, принципов своих, хозяйских взглядов на производственный процесс и на обязанности рабочего. И за границей капиталисты достаточно успели в этом деле. Стоит лишь вспомнить о психологии среднего английского трэд-юниониста или члена американской Гомперсоновской конфедерации.

С этой стороны сознание рабочего в капиталистическом обществе представляет из себя постоянное поле сражения между нормами и представлениями, навязываемыми пролетарию буржуазными эксплуататорами, и нормами, которые диктует ему его классовый интерес, не считаясь с тем, как это отразится на производстве. Когда же пролетариат становится у власти, когда он с чувством глубочайшего облегчения освобождается от капиталистических норм и всего буржуазного наследства в этой области, он немедленно должен перейти к выработке своих собственных классовых норм, регулирующих хозяйственный процесс на заводе и в цехе. Отношение к хозяйственному процессу теперь у него меняется в корне. Стачкой он добивался для себя большей доли из продукта своего труда. Теперь большую долю он может получить, если сам больше создаст. Отношение к стачке меняется также. Теперь стачка рабочих на предприятиях рабочего государства недопустима. Нормы, создавшиеся вокруг стачки, энергия, которая шла на этот способ борьбы, трансформируется в корне. Там, где для улучшения жизни рабочих служила стачка, теперь должна служить новая, добровольная, освещенная классовым сознанием общетоварищеская трудовая дисциплина. Эта дисциплина у нас родилась уже; она развивается и крепнет; она должна распространиться не только на всех рабочих, но и на всех служащих специалистов и т. д. Эти слои должны подчиняться производственным нормам рабочего класса. Трансформируются все отношения рабочего к имуществу фабрики, которая теперь рабочая, к аккуратности и точности в работе, к прогулам и т. д. Уже теперь в советской России отношение нашего рабочего к своей фабрике и к результатам своего труда сильнеешим образом отличается

от того, что наблюдается на капиталистических фабриках за границей.

Но этот процесс изменения норм рабочего-раба в нормы рабочего-хозяина происходит не сразу и требует известного времени. Старые привычки и представления будут давать о себе знать не один год после победы пролетарской революции. Вот один красочный пример такого рода. В Москве на одной портняжной фабрике заведующий фабрикой при переработке новой партии сырья, требовавшей в одном отделении более высокой квалификации, заменил там одного работника другим, более подходящим. Тогда этого последнего часть рабочих назвала штрейкбрехером. Я не буду здесь рассказывать, чем кончилось это весьма интересное с принципиальной стороны дело, но из сказанного уже видно одно: как силен еще автоматизм старых пролетарских норм, представлений и способов выражения, в какое резкое противоречие со всем строем нашей государственной промышленности вступают эти старые представления. Ведь теперь штрейкбрехер, с точки зрения общепролетарских интересов, это—тот, кто портит производство; штрейкбрехер в обстановке пролетарской власти превратился в «трудбрехера». Таковым же в нашем примере является отнюдь не второй рабочий.

Формиро-
вание но-
вого че-
ловека.

В непосредственной связи с этим вопросом стоит также более общий вопрос о формировании нового человека для нового общества. Советская Россия вплотную подошла к этому вопросу. Перед какой огромной проблемой мы здесь стоим, показывает опыт военного коммунизма и нэпа. Стимулами к труду в капиталистическом обществе, как мы уже говорили, является для рабочего и служащего, кроме общеэкономического принуждения (не пойдешь на фабрику работать—с голоду помрешь), соответствующая система заработной платы. Рабочий капиталистической фабрики, как правило, мелко-буржуазного происхождения. Если он сам в большинстве сын или внук рабочего, то прадед его почти всегда бывший ремесленник или разорившийся крестьянин. Капиталист поощряет в нем чисто индивидуалистические стимулы к труду (больше заработаешь—больше получишь), и, поскольку развитие техники не препятствует этому, он в основу трудового нажима на рабочего кладет сдельную заработную плату. Поэтому рабочий класс входит в революцию и начинает строительство нового хозяйства, будучи глубоко испорченным капитализмом в этом отношении. В сущности, капитализм не столько сам создал индивидуалистические стимулы к труду, сколько использовал мелко-буржуазное наследство в психике самого рабочего. Эти стимулы к тому же гармонируют со всей социальной психологией и бытом капиталистического периода вообще. С этим-то наследством нам пришлось налаживать

хозяйство в период военного коммунизма. Многие неудачи наши тогда объяснялись военными и экономическими причинами, но одну из главных причин надо видеть также и в том, что за новое хозяйство, на основе новых принципов, взялся старый человек. Прыжок же сразу вперед был сделан огромный, и быстро подогнать психику старого рабочего к новому строю мы в год—два не могли. Между тем как только пролетариат начинает строить свое государственное хозяйство, ему нужен не просто рабочий, не старый рабочий, а рабочий государственного хозяйства, служащий и инженер государственного хозяйства. Вспомните, что получилось, когда от рабочих и служащих потребовались совершенно новые, коллективные стимулы к труду, а они могли предложить лишь старое барахло, оставшееся от старого режима, от разрушенных прежних отношений. Вспомните, как неудобно, грязно было в каком-либо распределителе Наркомпрода, как грубо обращались с публикой служащие, как расхищали государственные запасы. А почему? Старые стимулы к труду остались неиспользованными, они оказались ненужными и вредными, а новые еще не создались. Старого хозяина прогнали, а новый, коллективный хозяин еще, как следует, не пришел. Сознание общего интереса было слабо, оно не могло побороть и заменить старые навыки, индивидуалистические стимулы при распределении, «не мое дело» при работе. Новые формы производства и распределения оказались в вопиющем противоречии со старой психикой и старыми привычками. Как будто к рулю автомобиля посадили не шофера, а впрягли в машину пару быков.

Но зато как все изменилось, когда начался нэп! Как вежлив приказчик в магазине нэпмана или М. П. О., который отталкивал вас своей грубостью и несознательностью в распределителе Наркомпрода! Как безучастен, ленив, высокомерен был он у последнего и как предупредительно вежлив теперь. Как быстро «коммунистическая» грязь и пыль сменилась буржуазной нэповской чистотой и аккуратностью. Что же произошло? На ряду с прочим и то, что военный коммунизм не мог опереться на те стимулы к труду, которые еще не пустили корней в рабочей массе, старые же стимулы губили дело; стояли ему поперек дороги. Наоборот, нэп установил смычку с этими старыми стимулами и поставил их к себе на службу. Поэтому машина так хорошо завертелась с тем же людским материалом. Но тогда ведь выходит, что эта машина-то как будто бы буржуазная.

Да, она во многом старая, но во многом и новая. При нэпе государственное хозяйство в известной мере может опереться на старые стимулы к труду, потому что оно само и во многом другом работает капиталистическими методами. Но уже теперь, а в еще большей степени в ближайшем будущем госу-

дарственное хозяйство не сможет развернуть все свои выгоды, свойственные объединенному хозяйственному кораблю социализма, и не сможет начать душить капиталистические ростки, если не будет обладать кадром новых людей, которые могут вести именно государственное хозяйство и работать в нем. Уже теперь мы не можем быстро продвинуться в некоторых областях, например, в государственной торговле, где все экономические преимущества на нашей стороне, прежде всего из-за недостатка кадров новых, не развращенных капитализмом и в то же время знающих дело работников. Индивидуальные стимулы, эти заскорузлые, жалкие стимулы прошлого, за которыми чудится мещанин с выпученными от испуга глазами за «мое», эта приманка досоциалистического человека, которого гегелевский «List der Vernunft» (хитрость абсолютного разума) загонял на работу пряником под носом, как заманивают в хлев корову, — эти индивидуальные стимулы должны смениться сознанием общего интереса и способностью работника впитать это сознание в качестве почти стихийного, коллективного стимула к труду на новых началах. Конечно, это не удастся сразу. Индивидуалистические стимулы будут отмирать постепенно. Известное время будут существовать комбинированные индивидуально-коллективные стимулы. Это отразится и на системе заработной платы. Рабочий будет получать за индивидуальную перевыработку больше, а вся фабрика за коллективную перевыработку из фонда премирования еще дополнительно. В дальнейшем фонд премирования или новая плата в другой форме будет идти дальше, тем больше оттеснять старую форму, и это будет идти одновременно с воспитанием в рабочем классе коллективных стимулов к труду. Весь этот процесс пойдет тем быстрее, чем скорей наша рабочая молодежь выработает в себе, благодаря новой системе воспитания и по мере сознания своих исторических задач, совершенно новое отношение к труду в своем государстве и чем скорей она, если употреблять старое слово, усвоит новую производственную мораль.

Но как бы далеко мы ни погрязли в прошлом в смысле психологии, новые экономические отношения делают свое дело. Отсталая психика рабочего, которая медленно ковыляет за техникой и экономикой и тормозит их бег вперед, начинает понемногу выравниваться под структуру государственной промышленности. Чем дальше, тем больше самые широкие слои рабочих масс начинают с величайшим вниманием следить за тем, как работает их предприятие, выполняет ли производственную программу и т. д. Они начинают чувствовать себя хозяевами, и это ведет к резким изменениям в общественном мнении рабочего класса, поскольку дело касается таких явлений, как самовольное расхищение заводского имуще-

щества, прогулы, надувательство администрации с целью больше получить, наконец оценка качеств директора (какой лучше). Раньше общественное мнение рабочих мирилось с расхищением, особенно при обострении продовольственного положения: все покрывали друг друга при нарушениях трудовой дисциплины. Лучшим директором был тот, который на все это смотрел сквозь пальцы и потакал массе во всем. Теперь все в корне изменилось. Общественное мнение среднего рабочего уже осуждает все нарушения трудовой дисциплины, небрежное или преступное отношение к имуществу и т. д., потому что все это может поставить под удар все предприятие. Лучшим директором теперь считается тот, кто лучший хозяин, кто лучше ведет производство, кто бережет фабрику. Этот переворот в общественном мнении, с которым связан переворот в нормах поведения, имеет колоссальное значение. Строительство социализма в той его части, где дело идет о человеке, о его привычках, инстинктах, классовых нормах, это строительство начинается именно с началом этого переворота в психологии среднего рабочего-массовика. Теперь промышленность рабочего государства начинает приобретать рабочего, которого она заслуживает, без которого она не социалистическая промышленность. Разумеется, после пролетарской революции на Западе этот процесс подгона человеческого материала под исторически более высокую систему хозяйства будет протекать быстрее и естественней, чем в нашей крестьянской стране, где процент чистого наследственного пролетариата в сравнении с недавними выходцами из деревни невелик.

Создание нового человека для новой системы хозяйства в России должно означать одновременно перерождение национального характера русского человека, по крайней мере, на пролетарском участке. Это относится не только к приемам труда, но и ко всему быту. Современный тип русского рабочего есть в сущности продукт крепостного права, несколько исправленный российским капитализмом. Наш жалкий капитализм не смог настолько переродить характер нашего рабочего—вчерашнего крестьянина, чтоб он больше соответствовал запросам крупной промышленности и ее высокой технической базе. Этот процесс в самом разгаре был пресечен войной и революцией. Эту работу приходится доделывать новому строю. Эта переработка характера должна идти прежде всего под дисциплинирующим прессом «царицы-машины». В этом советский период будет лишь автоматически продолжать работу капитализма. Наоборот, поскольку раньше перевоспитание происходило под прессом хозяйского наблюдения и давления, а теперь такого прёсса нет, здесь на смену выступает особый фактор. Хозяйский пресс сменяется процессом перевоспитания

всей рабочей массы давлением ее передового авангарда, который ставит себе задачей подтянуть к себе всю массу, который перевоспитывается сам на основе сознанный социальной необходимости такого перевоспитания. Это перевоспитание уже происходит не только как незаметный молекулярный процесс; наоборот, «старому человеку» объявляется открытая война.

Пройдет немного времени, и общественное мнение рабочего класса в результате этого великого сдвига будет преследовать вплоть до бойкота всех, которые посмеют, скажем, на 16—20-м году пролетарской диктатуры благоухать на работе и в общественной жизни всем ароматом старого русского характера: ленью, разгильдяйством, неточностью, беззаботностью насчет будущего, неисполнением взятых на себя обязанностей, враньем по отношению к товарищам по классу и т. д. Все эти качества не мирятся ни с электрификацией и техническим прогрессом крупного производства вообще, ни с социальным бытом нового работника на основе более высокой формы хозяйства и более высокой техники.

Необходимо здесь сказать несколько слов об обмане и лжи.

Ложь и обман являются часто весьма необходимым оружием в борьбе угнетенного класса с врагами. Достаточно напомнить, что вся подпольная работа революционных организаций покоится на обмане окружающих и правительственной власти. Для рабочего государства, со всех сторон окруженного враждебными капиталистическими государствами, ложь в иностранной политике бывает нередко необходима и полезна и т. д. Поэтому рабочий класс и его партия ко лжи и открытому признанию права на ложь относятся совсем не так, как какая-либо мистрисс Сноуден и другие благочестивые мещане, систематически надуваемые и оставляемые в дураках представителями крупного капитала. Эти господа, как и аналогичная с ними и довольно распространенная порода мелко-буржуазных «социалистов», всегда за «правду», всегда за «честность». Они забывают лишь, что можно обманывать рабочий класс, оставаясь лично честным. Быть честным с буржуазными жуликами и прохвостами в политике и, считая себя верхом честности, при этом социально обманывать, т. е. подставлять под удары врагу представляемый тобою класс,—вот верх социальной мудрости этих господ, вот цена их честности и их отвращения ко лжи. Они отвертываются таким образом от исторической правды о лжи, предпочитая ей ложь о правде, убаюкивающую их мещанскую душу. Мы стоим в этом вопросе таким образом совсем на другой позиции.

Ложь и
обман.

Но ложь превращается во вреднейшую привычку в общении и во всей общественной работе, когда она не только не вызывается интересами классовой борьбы, а, наоборот, вносит разложение в рабочий класс. Будущее принадлежит, разумеется, правде, поскольку будущее принадлежит внеклассовому, а не классовому обществу. Ложь есть продукт порабощения человека человеком—продукт классовой и групповой борьбы. Она исчезнет вместе с делением общества на классы. Но уже и до этого момента ложь должна быть изгнана из взаимоотношений внутри рабочего класса и тем более из взаимоотношений коммунистов друг с другом.

Недопустимо в групповых интересах использовать ложь внутри партии так же, как мы используем ее в борьбе с нашими классовыми врагами; это разлагает партию изнутри и ослабляет ее боеспособность. Производственный вред от лжи слишком очевиден, чтоб на этом долго останавливаться. Хорошо организованное изнутри государственное хозяйство нельзя построить, если не будет из всего механизма и его колес удален этот вреднейший песок, тормозящий беспрепятственный ход машины.

Между тем ложь в ее изживших себя вредных проявлениях глубоко проникла в наш национальный характер. В нашей литературе уже достаточно много писалось, что русский человек врет слишком много, врет без нужды для себя и с огромным вредом для других. Для русского крепостного мужика ложь была орудием защиты против барина и царской полиции. И барин, и царь, и буржуазное господство похоронены, но привычка лжи в национальном характере, воспитанная всем прошлым, еще осталась. Здесь надо много и долго «мыть, скрести и подчищать», как по другому поводу выразился как-то тов. Ленин. Маленький пример из жизни. Вы идете по улице и спрашиваете у проходящего, как пройти туда-то. Тот, кого вы спрашиваете, сам как следует не знает, но прикидывается, что знает, и направляет вас в противоположную сторону, отнюдь не думая сознательно вам вредить, и так в целом ряде областей. Таким образом внутри государственного аппарата составляются у нас «справки», цифровые таблицы и т. д. Такое высасывание из пальца и обман, даже часто без корыстных намерений,—явление обыденное, оно связано с отсутствием чувства ответственности за свои слова, за свои обещания, сообщения и т. д. и наносит огромный вред во всем нашем строительстве. Может показаться чудовищным, но это факт: если б теперь в советской России образовалось специальное общество, члены которого поставили бы себе задачей говорить правду, честно выполнять взятые на себя обязательства и внедрять эти принципы в широкие массы, то это общество нашло бы богатейшую

почву для своей работы и сослужило бы большую службу в деле воспитания нового советского человека, на которого сейчас пред'являет колоссальный спрос новая система хозяйства.

Бюрократизм, взятка, разгильдяйство.

Начавшееся перерождение типа нашего рабочего в случае быстрых успехов в этом направлении приведет, и приведет снизу, к благодетельному перерождению всего нашего государственного аппарата. В частности, только давление общественного мнения рабочего класса на массу служащих и одновременно широкое движение навстречу этому из среды самих служащих может ликвидировать всю азиатчину и царское наследие в нашем государственном аппарате, и прежде всего ликвидировать самое отвратительное, позорящее, уничтожающее всю республику явление: уничтожить взятку. Административная борьба с этим злом никогда не приведет к полному успеху, если взятка на ряду со всеми перечисленными наследиями позорного прошлого не будет окружена и сжата со всех сторон и выброшена из рабочего государства вновь слагающимся и крепнущим пролетарским общественным мнением, которое распространит свои нормы поведения на все, работающее под крышей советского государства. Добросовестность и точность в работе, точность во взаимоотношениях работников нового строя друг к другу и к своему государству производственно необходимы; переворот здесь нужен, он назрел. Теперь прямо в золотой валюте и в десятках миллионов рублей можно подсчитать те убытки, которые терпит государственное хозяйство во всех своих областях от слишком медленного роста и воспитания нового человека¹. Здесь главное слово за нашей молодежью. Именно она, не развращенная капитализмом и получившая первые уроки социального воспитания под треск романовского трона и гул нашей красной артиллерии, с той же энергией и тем энтузиазмом, с каким она шла на окопы белых, ринется скоро на помощь нашей промышленности и нашему государственному кораблю, чтоб вышибить романовское и колушаевское наследство и, поддерживая друг друга и связываясь друг с другом принципами социалистического труда и социалистическими стимулами к труду, сразу подвинуть вперед нашу замешкавшуюся стройку. Она должна помнить, что многие из взрослого поколения уже безнадежны, их переучивать и перевоспитывать уже поздно. Драгоценные реликвии из эксплуататорского строя, от которых они не в силах отказаться, они понесут с собой в могилу.

¹ Тов. Троцкий чрезвычайно ярко и убедительно показал в своих речах и статьях, как от небольших неточностей, как от пренебрежения мелочами проигрываются сражения. Следовало бы подсчитать, сколько ежегодно теряет республика на так называемой нашей „халатности“ и не достаточно ли теряемая сумма для покрытия дефицита в нашем бюджете.

Но общественные связи рабочего не ограничиваются его отношениями к своему государству, к своей промышленности, к своим товарищам в процессе труда и в общественной работе. Он сталкивается уже в границах советского государства с другими классами, прежде всего с наиболее близким к нему классом—крестьянством. А с другой стороны, он сталкивается с такими общественно-го характера вопросами, как вопросы семьи, половой вопрос, задача сохранения расы. Как должно обстоять дело с нормами пролетарского класса во всех этих областях?

Общественные
отношения
с другими
классами.

Что касается других классов, то, например, с напманом мы можем покончить скоро. Он может быть спокоен: на него классовые нормы пролетариата не распространяются. Мы должны заставить его повиноваться пролетарскому государству путем внешнего принуждения, беспощадно подавлять его сопротивление и не питать никаких надежд заставить его работать на рабочее государство по совести. С точки зрения своих, т. е. буржуазных норм, с точки зрения своей морали он прав, когда обкрадывает советское государство и создает условия для капиталистической реставрации. Думать о том, чтоб его приучить, значит заниматься вредной маниловщиной и давать ему только возможность больше красть у нас и нас обманывать. Это враг. С ним будет и покончено в конце концов как с врагом.

Другое дело стомиллионная крестьянская масса. С этим классом рабочему придется жить бок-о-бок десятки лет. Без кооперирования крестьянского хозяйства невозможна в широких размерах социализация земледелия. С ростом промышленности крестьянская молодежь будет неиссякаемым резервом для самого пролетариата, как класса. С другой стороны, именно в виду предстоящего длительного сожительства этих двух классов необходим не только хозяйственный переплет крестьянского хозяйства с государственным (смычка), но и известная слаженность в области социальной психологии. Рабочий класс весьма заинтересован в том, чтоб и крестьянство приняло деятельное участие в улучшении государственного аппарата и смотрела на него, как на свой аппарат. Поэтому, и по другим еще причинам, перевоспитание крестьянства пролетариатом, как более передовым классом, приобретает огромное значение. Мы должны оторвать от мелкого производства и заскорузлой и ограниченной мелко-буржуазной психологии все наиболее талантливое, чуткое, социально-передовое и жизненное, что есть в крестьянской массе. Рабочий класс вместе с тем заинтересован в том, чтоб давление его общественного мнения, воспитательное и организующее давление этого общественного мнения распространялось постепенно также и на крестьянские массы. И хотя распространение

пролетарских норм на крестьянство там, где это будет ясно противоречить классовым интересам последнего, является делом безнадежным, однако оно не является безнадежным всегда и на весь период существования этого класса. Наоборот: из истории других классов мы знаем, что господствующий класс может подчинять своему идейному влиянию, своей культуре и своей морали не только отсталые классы, но даже целые группы более передового, но еще не проснувшегося и социально не самоопределившегося класса. Вспомним, как дворянский класс в период своего блеска и силы держал на вытяжку перед собой другие общественные слои, каким совершенством казался этим другим быт и культура дворянства и аристократии, как добивался в переднюю этой культуры даже чумазы. Далее вспомним, как эмигрировали наиболее прогрессивные элементы дворянства в лагерь буржуазных вольнодумцев. У нас в крестьянской стране с диктатурой пролетариата все это также будет иметь место, но только, разумеется, в других формах и в гигантских размерах, потому что дело будет идти о десятках миллионов. И у нас будет при быстрых успехах промышленности повальное бегство в города лучшей крестьянской молодежи, и у нас пролетарская культура победившего и на экономическом фронте рабочего класса будет манить к себе самые подвижные, социально-чуткие слои деревни, которые будут стыдиться своего варварства, и с серпом в руке, либо бросив его совсем, будут догонять далеко рванувшийся вперед молот. Тогда рабочий класс превратится в законодателя над деревней и в области своих классовых норм и на этом участке пожнет плоды, возвращенные его победоносной промышленностью.

Так будет. Пока же дело идет о привлечении на сторону пролетариата лишь передового меньшинства деревни. Это лишь ручейки, лишь первые предвестники тех потоков, которые потекут в пролетарскую реку с крестьянских полей тогда, когда крестьянство, как класс, и весь теперешний крестьянский быт будут подточены с корня новой экономикой.

Важнейшей подпочвой для всех классовых норм пролетариата является не только ясное сознание классовых интересов со стороны рабочей массы, но и полубессознательная классовая спайка, чувство класса, родство со всеми своими по классу и враждебность по отношению к представителям чужих классов. Это психологическое единство пролетариата играет очень важную роль во всей его борьбе как до, так и после пролетарской революции. В частности, оно особенно важно и ценно в период нэпа, когда государственное хозяйство вступает в переплет с капиталистическими формами

хозяйства, и работники государственной промышленности вынуждены находиться в непрерывных деловых связях с представителями капиталистического мира и буржуазными специалистами. В тех случаях, где у наших коммунистов и беспартийных рабочих эта спайка с классом бывает слаба, они легко поддаются влиянию враждебной среды, которая пока еще (правда, не надолго) в культурном отношении выше пролетарской среды¹.

В результате мы наблюдали уже и продолжаем наблюдать такие факты опутывания наших хозяйственных рабочих буржуазными дельцами, как это имело место, например, в печальной памяти Орехово-Зуевском тресте. И наоборот, там, где чувство своего класса у рабочих крепко, там им гораздо легче противостоять разлагающим влияниям нэповской среды. Отсюда практический вывод: усиление классовой спайки между всеми рабочими во всех отраслях работы и беспощадное осуждение всех дезертиров из пролетарской семьи, тянувшихся к буржуазным элементам и предпочитающих среде рабочих общество наших классовых врагов².

Рассмотрим еще один актуальный вопрос, вопрос о материальном равенстве внутри пролетариата и внутри Коммунистической партии при советской власти. В период военного коммунизма мы далеко провели принципы равенства, и это было необходимо и экономически и политически. Когда продуктов было мало и нужно было поддержать обороноспособность в гражданской войне всего рабочего класса, это равенство нищеты не ослабляло, а усиливало нас перед лицом врага. Когда же мы перешли на мирное положение и надо было с тем человеческим материалом, который у нас был, и с теми стимулами к труду, которые сохранились у рабочих от мелко-буржуазного и капиталистического периода (т. е. глав-

Материальное неравенство.

¹ Это влияние враждебной нам культуры заметно кое-где на рабочих факультетах, где рабочая молодежь нередко подпадает под влияние чуждых нам элементов из преподавательской среды. С этими идеологическими шаптаньями нашей молодежи нам придется еще не один год бороться.

² В коммунистической среде в последнее время много говорят о браках коммунистов с лицами из других классов и много спорят о том, насколько это допустимо. В сущности, здесь нет проблемы, рассуждая принципиально. Это область частных дел, хотя, понятно, неудачный брак может влиять вредно на деятельность коммуниста. Но так же, как может влиять и многое другое, чего мы обыкновенно не привлекаем к обсуждению, как дело личное. Вообще же, если член партии поступает не коммунистически, то надо его судить за объективные поступки по существу, не вдаваясь в изыскания, почему так вышло. Но что социально важно в рассматриваемом вопросе, так это следующее. Если коммунист женится на женщине из буржуазной среды, то к этому как-то стихийно, бессознательно отношение будет гораздо более снисходительно, чем когда бы коммунистка вышла замуж за нэпмана. На таких фактах легче всего проверить, как глубоко сидит у нас в „нравах“ азиатчина женского неравенства и двойной морали.

ным образом индивидуалистическими стимулами), поднимать производство, мы вынуждены были восстановить во многом капиталистическую систему заработной платы, т. е. систему неравенства в оплате, в зависимости как от квалификации рабочих, так и в зависимости от норм выработки. А к этому присоединилось еще неравенство отдельных предприятий и отдельных трестов в связи с тем, какие из этих предприятий оказались лучше, какие слабо связанными с рынком. Неравенство оказалось для нас производственно необходимым на данной ступени развития, при данном людском материале. Это неравенство рассекало по тем же линиям и Коммунистическую партию, вызывая в ней недовольство «низов» против лучше оплачиваемых так называемых «верхов». Поэтому, что касается положения внутри всего рабочего класса в целом, то протест здесь против неравенства есть, в сущности говоря, протест против того, что социализм вырастает из капитализма. Этот протест реакционен, если в основе его лежит стремление к мелко-буржуазной уравнилельности, не считающейся с нуждами производства. Он может быть прогрессивным в той мере, в какой представляет из себя протест выросшего социалистического сознания рабочих против остатков капиталистических отношений и направляется прежде всего против таких форм неравенства, которые совсем не вызываются производственной необходимостью. Этот протест будет тем более прогрессивным, чем быстрее будет расти уровень квалификации всего рабочего класса, и закрепление неравенства и всяких привилегий для одной группы рабочих будет становиться производственно ненужным. Что же касается Коммунистической партии, то именно потому, что эта партия является массовой, было бы вряд ли возможно оторвать ее от условий существования всего рабочего класса в целом и превратить в материальном отношении в «общество равных».

Вообще мы слишком поддались автоматическому движению и автоматической стройке госаппарата. В области оплаты государственный аппарат равнялся по буржуазному специалисту, которого надо было привлечь, удовлетворяя его запросам и привычкам, а в период напа началось равнение также по квалифицированному рабочему «старого призыва». На известном этапе это для госаппарата было исторически неизбежно. Но чем быстрее будет идти подготовка и влияние в производство и аппарат специалистов из рабочих, чем быстрее будет идти, с другой стороны, подготовка в школах фаб-завуча и другими путями нового поколения квалифицированных рабочих (а квалифицированных в будущем должно быть большинство среди всего пролетариата), тем менее оснований будет у государства держаться старой системы оплаты и связанного с ней разбухшего вне всякой меры и смысла мате-

риального неравенства внутри государственного круга. Этот новый этап начнется, вероятно, через полдюжины лет. Но уже и теперь пора поднять голос против таких размеров неравенства в оплате, которое есть продукт лишь обезьяньего копирования буржуазных отношений и никакими интересами дела не вызывается. Ближайшее будущее принадлежит, несомненно, равенству в области материальных условий существования государственных работников. И хотя равенство само по себе, равенство во что бы то ни стало, не представляет из себя самостоятельной цели нашего строительства, однако оно будет постепенно достигаться на основе потребностей самого развивающегося хозяйства и на основе новой психологии молодого поколения рабочих.

Вообще же и вопрос о равенстве в материальных условиях и все аналогичные вопросы надо ставить не с точки зрения какой-то абсолютной и абстрактной социалистической справедливости, а с точки зрения интересов развития, движения вперед всей нашей социалистической стройки. И в каждом отдельном случае надо решать вопрос конкретно, что на данной ступени способствует движению вперед и увеличивает силы и сплоченность борющегося пролетариата, что уменьшает, что наконец безразлично для того и другого. Неравенство было и пока остается производственно-необходимым, и в пределах производственно-необходимого мы должны с ним мириться. Мы будем против неравенства, когда развитие новых производственных отношений при наличии нового поколения рабочих не только не будет требовать такого неравенства, но будет иметь в нем преграду для движения вперед.

В заключение еще один вопрос, очень волнующий крестьянские слои нашей партии. Насколько совместима работа в собственном индивидуальном хозяйстве (со всеми вытекающими отсюда последствиями) с работой в Коммунистической партии? Не стоит ли вопрос так: либо самостоятельное хозяйство, либо Коммунистическая партия? Такое «или, или» совсем не обязательно. Коммунист-крестьянин должен лишь помнить, что, вступив в партию, он тем самым на свое индивидуальное хозяйство должен смотреть не как на цель, а как на средство к нашей коммунистической цели. Иными словами: если он может быть образцовым хозяином и вести пропаганду новых способов обработки земли делом, оставаясь добрым коммунистом, то это хорошо. Если он может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в худого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход. Хозяйство для деревенского коммуниста, если он хочет оставаться коммунистом, должно быть на втором месте, а партия на первом. На хозяйство тогда нужно смотреть лишь как на средство к жизни, не более. Перефразируя известные стихи, можно

Частно-
собствен-
ническое
хозяйство.

сказать: хорошим хозяином ты можешь и не быть, а хорошим коммунистом быть обязан. Разумеется, в практической жизни бывает крайне трудно провести грань, с какого момента увлечение собственным хозяйством начинает явно вредить выполнению коммунистических обязанностей, но принципиально непреодолимого тут ничего нет. Умели же члены нашей партии, когда были в подпольи, совмещать самую разнообразную работу для добывания материальных средств с деятельной работой в партии, как работой основной, которой первая была подчинена, как средство. С этой точки зрения решается и целый ряд других проблем, стоящих перед деревенским коммунистом: в каких формах и в каком объеме можно прибегать к торговым операциям и т. д.

Об „аморализме“.

Приведенные нами примеры из области пролетарских классовых норм доказывают, что, во-первых, эти нормы реально существуют и, во-вторых, что они неизбежно будут существовать до тех пор, пока существуют классы. Было бы совершенно невероятным, если б в период диктатуры пролетариата и существования социалистического государства сохранились эти важнейшие атрибуты классового общества, а классовые нормы, играющие столь важную роль в деле сплочения класса, поддержания в нем внутренней связи, боевой спайки и воздействия целого на свои части, чтобы эти нормы неизвестно по каким причинам прекратили свое существование. Мы привели несколько примеров. В задачу нашу не входит дать систематическое описание всех классовых норм пролетариата, потому что главная задача этой работы — правильно поставить самый вопрос о морали и классовых нормах. Но уже из сказанного видно, какую позицию следует занять в отношении того стихийного «аморализма», который довольно распространен среди части пролетарской молодежи и который не знает, докуда простирается его действие. Если понимать под этим аморализмом отрицание правил буржуазной и мелкобуржуазной морали в теории и на практике, этого «внеклассового» тумана над классовыми нормами, то такой «аморализм» есть, в сущности, марксистское, историко-материалистическое отношение к морали других классов. Если же этот аморализм переходит в отрицание всяких норм вообще, следовательно, и пролетарских классовых норм, то такой аморализм в обстановке незаконченной классовой борьбы является в лучшем случае утопической маниловщиной и теоретической путаницей, в худшем — продуктом влияния на пролетариат мелкобуржуазного, анархического индивидуализма. Но скорее всего здесь перед нами не какое-либо «нездоровое», «опасное» и т. д. явление, а просто часть нашей молодежи не свела еще концы с концами. Освобождаясь от моральных пут, навязанных эксплуататорскими и исторически отсталыми клас-

сами, она с разбегу замахивается на словах на нормы вообще, хотя в своей практике в огромном большинстве добросовестно подчиняется основным нормам своего класса.

(Е. Преображенский. „О морали и классовых нормах“)

Буржуа, разумеется, свято чтит закон, потому что он создал его, потому что он издан с его согласия для защиты его самого и его интересов. Он знает, что если даже отдельный закон может оказаться специально для него вредным, то все законодательство в целом служит для охраны его интересов. Потому же и палка полицейского, которая в сущности является его собственной палкой, имеет для него такую удивительную умиротворяющую силу. Но для рабочего это поистине не так. Рабочий прекрасно знает и очень часто уже испытывал, что для него закон—плеть, сплетенная буржуазией, и рабочий, когда необходимость не заставляет его подчиняться закону, игнорирует последний.

Какие есть основания у пролетария не воровать? Очень красиво и очень приятно звучит для слуха буржуазии, когда говорят о «святости собственности». Но для того, кто ее не имеет, само собой, не существует и святости собственности. Бегом этого мира являются деньги. Буржуа отнимает у пролетария деньги и превращает его таким образом в атеиста-практика. Неудивительно, что пролетарий обнаруживает свой атеизм, что он не признает святости и могущества земного бога. Когда бедность пролетария достигает степени настоящей нужды в самых необходимых средствах к жизни, степени нищеты и голода, уважение к общественному порядку еще более падает.

Ф. Энгельс.

С. ХЕГЛУНД

КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ

Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Должна ли наша партия проповедывать войну с религией и должна ли она отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями?

На все эти вопросы мы должны ответить решительно: нет.

Коммунистическая партия не заставляет своих членов об'являть, что они не верят в бога или загробную жизнь. Она не требует, чтобы они покидали свои нынешние верования—христианские, буддийские или еврейские. Она не утверждает также, что это верование—контр-революционно или является помехой для участия в пролетарской классовой борьбе¹. Партия требует лишь принятия и разделения программы деятельности и организационных уставов. Но эта программа и эти уставы занимаются лишь вопросом изыскания метода и средств освобождения пролетариата из капиталистического рабства, но не пытаются давать никакого об'яснения вечной тайны жизни и смерти. Коммунизм стремится создать для всех достойную человека обстановку жизни на земле. Установить, каков будет распорядок на небе,—это не входит в круг наших задач. Об этом каждый может думать, что ему угодно, лишь бы только его забота о небе не мешала его работе по улучшению условий человеческой жизни на земле.

Другое дело, что Коммунистическая партия непримиримо воюет с обращением религии в классово-политическое учреждение, каким является государственная церковь. Государственная церковь является ничем иным, как духовной полицией правящего класса, и не имеет ничего общего с настоящей верою, и даже предпочитает расправляться с нею. Другое дело также, что мы боремся со всякими церковными чудесами в роде знаменитого «и начали говорить на иных языках» (Дея-

¹ Во всей статье курсив редакции.

ния апостолов, гл. 2, ст. 4) и т. п. духовных зараз, очевидно, болезненного свойства. И другое дело, что мы протестуем против каждой попытки той или иной религии защищать рабство, эксплуатацию рабочих масс или несправедливость, или, выражаясь библейским языком, освятить религией грехи мира и очески господние.

Есть люди, ссылающиеся на марксизм, как на защиту основоположения, что наша партия должна взяться за анти-религиозную агитацию. Правда, что марксизм, как миросозерцание, как универсальная философия, не соединим ни с какой религиозной системой, хотя материалистическое понимание истории не ставит себе задачей разрешать проблему существования и связанные с нею вопросы. Но хотя мы, марксисты, рассматриваем божество, как создание людей, а не наоборот, хотя мы принимаем рай, как мечты поработенных о лучшей жизни, как фантазмагорию духовных видений, как идеальную реакцию против печальной действительности,—из этого вовсе не следует, что мы должны начинать войну с религией. В основе марксистских воззрений лежит положение, что лишь с изменением материальной обстановки изменятся или исчезнут нынешние формы представлений; поэтому менее важно критиковать небо, чем землю, менее важно бороться с теологией правящего класса, чем с его политикой, менее важно ниспровергать небо, чем капитализм. Это настоящий марксистский ход мыслей: сам Маркс сказал, что с разрушением ложного реализма, чьей теорией служит религия, она сама собой уничтожится. Поэтому прежде всего нужно изменить условия производства, тогда начнется и духовная эмансипация. Так же, как физика уничтожила веру в чудеса, как громоствод сделал больше для истребления предрассудков, нежели самая усиленная пропаганда, так же социальный переворот, к которому стремится Коммунистическая партия, освободит людской дух от постылой веры, чтобы сделать сносным его существование. Но Коммунистическая партия не требует от каждого сочлена марксистского миросозерцания. Мы требуем лишь, чтобы каждый сочлен принимал участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Все дело в практической борьбе, а не в философских или религиозных мировоззрениях.

Поэтому неверно,—мягко говоря,—считать христианство или какое-нибудь другое религиозное убеждение контр-революционным и сразу же заштемпелевывать его, как недопустимое в рядах Коммунистической партии. Если бы революционером можно было стать лишь при условии разделения теоретической платформы марксизма, значит, не было революционеров до Маркса. Если бы религиозные представления

исключали революционные мысли и поступки, не было бы никогда религиозных возмущений или социальных восстаний в религиозном облачении. История бесконечными примерами опровергает эту болтовню, и опыт сегодняшнего дня дает новые практические доказательства того, что религиозное сознание и революционная политика вовсе не несовместимы. И в нашей партии и в братских коммунистических партиях за границей есть много членов-приверженцев христианского и других вероучений, которые в бою идут с нами рука об руку.

Интересный довод в пользу того, что христианство не только не исключает помыслов о социальной революции, но даже их мотивирует, дает нам известный швейцарский священник Герман Куттер в своей книге «Они должны». В этой книге Куттер утверждает, что «живой бог применяет насилие». «Живой бог—самый ярый революционер и самый бесшабашный бунтовщик». Так звучит глас господень: «Я готовлюсь освободить мой порабощенный народ, я сниму с его членов язвы, оставленные пытками Мамоны. Я буду бить тех, кто бил моих нищих, я простру мой гнев над теми, кто гневно и несправедливо судил малых сих. Ибо я — господь». Это — по словам Куттера—революция; но в революции есть тот, кто направляет и ведет ее. Мамона создала из революции историческую необходимость.

Пусть Куттер и его присные видят в революции посредственное или непосредственное участие бога,—это дело их верований; важно то, что они с революцией. Несомненно. опрометчиво со стороны Коммунистической партии то, что она себя во всеуслышание называет антирелигиозною и тем отталкивает от нас такие элементы, которые могут быть полезны в нашем движении. Мы должны помнить, что существует масса рабочих, мелкой буржуазии, крестьянства, которые, по самой своей классовой сущности, рано или поздно придут к революционной точке зрения, т. е. нашей партии, но которые неминуемо будут остановлены в своем приближении к нам «войной с религией», ведомой партией, ибо они закоснели в религиозных тенденциях: мы должны помнить, что есть много других, индифферентных к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна. Коммунистическая партия, как всякое воинствующее движение, выискивает себе легчайший путь к победе. Потому она должна бережно избегать всего, что ей может затруднить дорогу, если это только не противоречие ее задачам. Отдельные коммунисты, как частные лица, могут заниматься антирелигиозной пропагандой—это их право, и в это никто не будет вмешиваться, поскольку это не причиняет вреда политиче-

ской программе и деятельности Коммунистической партии. Но если только партия объявит атеизм необходимым элементом коммунистического мировоззрения, она безусловно упадет до уровня секты так же достоверно, как если бы она себя объявила анабаптистской или эпраммистской.

«Истинные боги те, что нам помогают высоко держать голову в жизненной борьбе», — сказал один великий мыслитель. Этим богам и служим мы — коммунисты, и нам совершенно безразлично, что один их видит на небесах, а другой — в земном обличьи. Самое главное — это то, что они нам помогают высоко держать голову в жизненной борьбе, что они нас учат бороться за социальную революцию, — во имя бога или человека — это, право, все равно.

(Из журнала „Молодая Гвардия“)

Е. ЯРОСЛАВСКИЙ

АНТИРЕЛИГИОЗНО ЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Ответ С. Хеглунду)

По всей вероятности, статья Хеглунда, напечатанная в центральном органе шведской Коммунистической партии без всяких примечаний редакции, вызовет, мягко выражаясь, недоумение не только среди русских товарищей из РКП, в программе которой сказано, что «партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организациями религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду! По всей вероятности, эта статья встретит должный отпор и в среде французских коммунистов, которые издают специальный журнал для антирелигиозной пропаганды среди крестьян и солдат и порвали с франк-масонами. Тов. Хеглунд стремится в этой статье доказать гораздо больше даже, чем это требуется, судя по заголовку его статьи. У него здесь ряд вопросов:

1) Антирелигиозно ли коммунистическое движение?

2) Должна ли наша партия проповедывать войну с религией?

3) Должна ли она отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями?

4) Должны ли коммунисты иметь марксистское материалистическое миросозерцание или они могут быть и идеалистами? Или — другими словами — безразлично ли нам, чем руководствуются члены Коммунистической партии в своей борьбе: идеалами небесного блаженства или человеческими, земными

задачами? Все ли равно, во имя бога или человека борется коммунист?

Как,—спросят товарищи коммунисты,—разве могут быть еще об этом споры? Вероятно, тов. Хеглунд—очень недавний коммунист и пришел к нам из какой-нибудь чуждой нам среды, сохранив пережитки поповского мирозерцания, которое он и стремится отстаивать в Коммунистической партии. Или это очень мало сознательный товарищ. Но товарищи должны знать, что Хеглунд—это член Центрального Комитета шведской Коммунистической партии, что к его голосу прислушивается вся партия и весь рабочий класс в Швеции. И если центральный орган Коммунистической партии Швеции, «Политикен», печатает статью тов. Хеглунда без всяких примечаний, то, значит, взгляды тов. Хеглунда не встречают решительного отпора в среде шведских коммунистов. А так как по этой части существует путаница в головах не только некоторых шведских товарищей, то мы считаем необходимым дать отпор такого рода некоммунистическим, немарксистским взглядам, целиком унаследованным от II Интернационала.

«Коммунистическая партия не требует от каждого члена марксистского мирозерцания. Мы требуем лишь, чтобы каждый сочлен принимал участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Все дело в практической борьбе, а не в философии или религиозных мировоззрениях». Так пишет тов. Хеглунд. Это его утверждение является основным, из него вытекает все остальное. Конечно, если не требовать от коммуниста, чтобы его теоретические воззрения находились в полном согласии с программой его борьбы, тогда Хеглунд прав. Тогда коммунистом может быть не только марксист, но, скажем, ученик совершенно враждебного Марксу Прудона, бакунист, ученик Виктора Черпова или попа Бердяева, или какого-нибудь другого идеалиста-попа. Самой собой, конечно, разумеется, что когда к нам приходит рабочий и заявляет о своем желании вступить в партию, мы не устраиваем ему экзамена по части знакомства с теорией марксизма, для нас важно, чтобы это был товарищ, который действительно хочет активно принимать участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Но мы все-таки спрашиваем товарища, знает ли он программу нашей партии, и требуем знания программы партии. Если мы принимаем товарища с недостаточным знанием этой программы, то мы ставим себе задачей воспитать каждого члена партии в коммунистическом духе, т. е. воспитать его как марксиста, потому что мы уверены в том, что чем лучше такой рабочий, проникнутый

Коммунизм
и марксизм.

желанием бороться с капитализмом, усвоит теорию марксизма, тем успешнее будет наша борьба. Мы никак не можем отделить теорию нашу от практики. Двадцать раз были биты те партии и те организации, которые об этом забывали и которые были беззаботны насчет теории. Что такое наша программа? Наша программа есть практическое применение марксистской теории к конкретной действительности. Поэтому понятно, что если кто-нибудь хочет заучить программу не как попугай, а сознательно отнестись к ней, то должен знать теорию марксизма. Хороший коммунист—это тот, у кого действительно марксистское миросозерцание, и плоха та коммунистическая партия, которая считает марксистское миросозерцание посторонним делом, и хуже всего тот вождь революции, который отмахивается от теории и заявляет, что марксистское миросозерцание не имеет никакого отношения к практической борьбе коммуниста.

Как-то даже совестно писать об этом в 1923 году. И пусть простит это сравнение тов. Хеглунд, но оно напрашивается невольно русскому читателю. Если бы не знать, что эту статью писал Хеглунд, то можно было бы подумать, что ее писал кто-нибудь из руководителей так называемой теперешней русской «древнеапостольской церкви», например, протоиерей Введенский. На недавно состоявшемся церковном собрании были приняты резолюции чрезвычайно радикальные в вопросах политических, а перед этим на съезде «Живой церкви» еще более радикальные. Там можно было узнать о полнейшем признании коммунизма, при чем попы объявляли, что они всецело принимают коммунистическую пропаганду, за исключением пункта об антирелигиозной пропаганде. Часты случаи прихода попов в партком с заявлением о желании вступить в РКП. Если бы партия отворила двери подобным элементам, она бы, наверное, насчитывала в своих рядах несколько сотен попов и даже поповские ком'ячейки. По смыслу статьи тов. Хеглунда мы должны были идти по этому пути и широко отворить двери людям, рассматривающим капитализм, как злейшего врага христианства. Тов. Хеглунду безразлично. Он говорит: «Во имя бога или во имя человека—совершенно все равно».

Нет, это вовсе не все равно.

«Вся наша программа построена на научном и к тому же материалистическом миросозерцании. Таким образом раз'яснительная роль нашей программы ведет и к раз'яснению действительных исторического и экономического корней религиозного тумана. Следовательно, в нашу пропаганду вхо-

дит пропаганда атеизма; издание известной научной литературы, которая до сих пор строго запрещалась и преследовалась абсолютически-феодальным правительством, должно стать важной деятельностью партии. Мы, по всей вероятности, должны последовать совету, который Энгельс дал однажды немецким социалистам: переводить и возможно шире распространять французскую атеистическую просветительную литературу XVIII века».

Такие строки принадлежат не товарищу Хеглунду, а товарищу Ленину, и увидели свет в декабре 1905 г. в № 28 от 3-го декабря газеты «Новая Жизнь». Эти строки увидели свет в момент, когда рабочие массы подымались к вооруженному восстанию и когда было весьма важно привлечь на нашу сторону возможно большее количество рабочих. Товарищ Ленин не устранился и не сомневался в том, что нужно привлечь рабочих, честно им об'явив, что вся наша программа построена на научном, ярко выраженном материалистическом мировоззрении и что в состав нашей пропаганды неотъемлемой частью входит атеистическая пропаганда.

«Религия—это способ духовного угнетения, тяготеющий повсюду на подавленных работой и нуждой народных массах. Беспомощность эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами также неукоснительно ведет к вере в лучшую потустороннюю жизнь, как бессилие дикарей в борьбе с природой ведет к вере в богов, чертей, чудеса и тому подобное. Тех, кто тяжело работает и испытывает нужду в продолжение всей жизни, религия учит смирению и терпению и обещает утешение в небесном вознаграждении. А тех, кто живут с чужой работы, религия призывает к благотворительности, предлагая им билеты на небесное блаженство по весьма умеренным ценам. Религия—опиум для народа. Религия—духовный алкоголь, в котором рабы капитала топят свой людской облик, свои стремления достойной человека жизни.

Что такое
религия.

Но раб, который осознает свое рабство, который подымается на бой для того, чтобы освободиться, уже наполовину перестает быть рабом. Сознательный рабочий нашего времени, который воспитан на большой фабрике, отбрасывает от себя тьму, находящуюся в услужении попов и буржуазных ханжей, для того, чтобы создать себе здесь, на земле, лучшую жизнь. Пролетариат наших дней становится сторонником социализма, который зовет на помощь науку, чтобы вести борьбу против религиозной тьмы, который освобождает рабочих от веры в другую жизнь, ведя к борьбе за лучшую земную жизнь».

Эта характеристика религии целиком совпадает с характеристикой, которую дал ей Маркс. Верна ли эта характеристика? Пусть тов. Хеглунд докажет, что эта характеристика

не верна. Правда, он это пробует в своей статье, но очень неудачно.

Тов. Хеглунд пишет: «Неверно, мягко говоря, считать христианство или какое-нибудь другое религиозное убеждение контр-революционным и сразу же заштемпелевать его, как недопустимое к соединению с Коммунистической партией». Значит, утверждение Маркса, что религия есть опиум для народа, утверждение тов. Ленина, что религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и всюду на народных массах,—неверно («мягко говоря», по Хеглунду). А если говорить не мягко, то это, вероятно, вредное заблуждение, и тов. Хеглунд старается это вредное заблуждение опровергнуть прямо удивительными ссылками. «Если бы,—говорит он,—революционером можно было стать лишь при условии разделения теоретической платформы Маркса, значит не было революционеров до Маркса». Если тов. Хеглунд хочет сказать, что теоретическая платформа марксизма не нужна Коммунистическому интернационалу, то это надо сказать прямо, потому что одно дело революционное движение вообще, вне времени и пространства (такого не существует), а другое дело пролетарская революция, совершающаяся на наших глазах. История тысячу раз оправдала наше название партии с.р. партией социалистов-революционеров, а эти эсэры стояли как-раз на точке зрения Хеглунда в этом вопросе. «Если бы,—говорит тов. Хеглунд,—религиозные представления исключали революционные мысли и поступки, не было бы никогда революционных возмущений или социальных восстаний в религиозном облачении». И это пишет коммунист, перед которым стоит задача уничтожить основы капиталистического строя. Мы рекомендовали бы тов. Хеглунду прочесть произведение Фридриха Энгельса о Людвиге Фейербахе: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Если тов. Хеглунд не знает этого в действительности, то он узнал бы у Фридриха Энгельса, что из себя представляет в настоящее время религия в процессе классовой борьбы. Энгельс писал по поводу французской революции: «Христианство вступило в свою последнюю стадию. Оно утратило способность на будущее время служить идеологическим покровом для стремлений какого-либо прогрессивного класса. Оно все более и более превращалось в монополию правящего класса, обративши его в орудие управления, с помощью которого сдерживаются низшие классы. При этом различные классы пользуются своей собственной, подходящей для них религией; незуитско-католическую или ортодоксально-протестантскую исповедуют

землевладельцы; либеральная и радикальная буржуазия исповедует рационализм. При этом совершенно безразлично, верят ли эти господа в ту религию, которую они официально исповедуют».

Что же противопоставляет этому тов. Хеглунд? Швейцарского священника Германа Куттера, который утверждает, что «живой бог—самый ярый революционер и самый беспашанный бунтовщик». Для Томаса Мюнцера, для восставших против архиепископов и помещиков франконских крестьян библейские тексты были уместны. Какой-нибудь патер Амброзиус триста лет тому назад мог поднять крестьянские массы евангельскими и библейскими текстами. Но в 1923 году члену Центрального Комитета Коммунистической партии искать опору в священнике Куттере и др. и считать их на стороне революции—это, «мягко выражаясь», высшая степень наивности.

Теперь мы можем ответить на вопросы, поставленные в статье тов. Хеглунда. Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Тов. Хеглунд говорит решительно: «Нет». Но вместо того, чтобы доказать, что коммунистическое движение не антирелигиозно, он доказывает совершенно другое. Он доказывает, что в прошлом имелись религиозные движения с революционной окраской; а вслед за этим он доказывает, что в наше время имеются верующие, которые сочувствуют борьбе нашей партии. С изумительной смелостью стремится тов. Хеглунд к тому, чтобы доказать, что Коммунистическая партия не враждебна религии. Он пишет: «Было бы глупостью со стороны Коммунистической партии назваться антирелигиозной и этим самым отчуждать от себя те элементы, которые можно было бы привлечь на нашу сторону. Если партия, как таковая, объявит атеизм чем-то необходимым для коммунистического мировоззрения своих членов, она опустится до уровня секты так же верно, как если бы она объявила себя баптистской».

Разве это верно? Понятно, это совершенно неверно. Второй Интернационал дает большую свободу не только в вопросах религии. В руководящих писаниях социалиста Гуго Штегмана можно найти следующее заявление, под которым может подписаться и Хеглунд: «Социализм, как таковой, вообще не является врагом христианского вероисповедания, даже наоборот: одной из причин его возникновения можно, по всей вероятности, считать осознание разительного противоречия между действительностью и учением Христа». И даже в наше время Паси (Гог) стремится к тому, чтобы доказать, что «новый завет» заключает в себе «основоположения социализма». Как всем ясно, способы доказательства—те же, что и Хеглунда. Ссылки на духовных и «на новый завет»?

Религия и коммунизм.

Ну, а как обстоят дела с коммунизмом, однако даже Гуго Штегман должен признать, что коммунизм явно враждебен религии. Он пишет: «Коммунизм, представителем которого является Маркс, имеет явно выраженный противорелигиозный характер... У Маркса атеизм является неизбежным следствием его глубоких научных изысканий».

Товарищ Хеглунд чувствует, что нельзя соединить марксизм с религией. Он называет сам себя марксистом и пишет: «Быть может, и верно, что марксизм — мирозерцание, как универсальная философия, не соединим ни с какой религиозной системой, хотя материалистическое понимание истории не задается разрешением проблемы существования связанными с нею вопросами. Но хотя мы, марксисты, рассматриваем божество, как создание людей, а не наоборот, хотя мы принимаем рай, как мечты поработенных о лучшей жизни, как фантазмагорию духовных видений, как идеальную реакцию против печальной действительности, из этого вовсе не следует, что мы должны начинать войну с религией». «Мечты поработенных» — «фантазмагория духовных видений», «идеальная реакция», так выражается тов. Хеглунд, «род духовной сивухи», «опиум народа, один из видов духовного гнета» — так характеризуют религию т. Ленин и Маркс. Но как бы ни характеризовать, какими словами ни называть религию, для нас совершенно ясно, что с этой сивухой, с этим опиумом, с этой фантазмагорией, с этой идеальной реакцией каждый коммунист обязан бороться. Тов. Хеглунд с этим решительно не согласен. «Есть люди, — жалуется он, — ссылавшиеся на марксизм, как на защиту основы положения, что наша партия должна взяться за антирелигиозную агитацию». Мы уже видели, что к этим зловердным людям, ссылающимся на марксизм, относится такой коммунист, как тов. Ленин и другой, не менее авторитетный коммунист, как Фридрих Энгельс. Тов. Ленин в недавно сравнительно написанной статье (см. журнал «Под знаменем марксизма», № 3, март 22 г.) «О значении воинствующего материализма» дает следующие указания: «Журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных» лакеев поповщины, все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими публицистами». Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма».

Из того факта, что «лишь с изменением материальной обстановки изменятся или исчезнут нынешние формы пред-

ставления, Хеглунд делает прямо чудовищный вывод, что до тех пор, покуда эта материальная обстановка не изменилась, покуда условия производства не изменились, нет надобности бороться и с теми формами представления и с теми вреднейшими и грубейшими заблуждениями, с тем религиозным фетишизмом, который вырастает на почве существующих производственных отношений, ибо, по выражению Маркса, «товарный фетишизм есть мистическое покрывало религии»¹.

Если бы мы стали рассуждать подобно Хеглунду, то мы могли бы перенести эти рассуждения не только на вопросы религии, а также на вопросы, например, и о национализме. Разве национализм не возрастает на почве существующих производственных отношений? Однако мы все считаем необходимым вести борьбу с национализмом. Не напрасно ли мы тратим силы? Тов. Хеглунд может сказать: национализм мешает объединению пролетариата, религия же не мешает. Чтобы опровергнуть это положение, достаточно было бы вспомнить борьбу различных религиозных общин, групп и течений. По меньшей мере наивностью пахнет от утверждений, будто бы религиозные предрассудки сами собой упадут, как только исчезнет основа их существования и что разрушать их особой антирелигиозной пропагандой и агитацией нет никакой надобности. Мы уже указали на то, что такое понимание марксизма, что идеологические надстройки сами собой упадут, как только будет изменена их материальная основа, чересчур упрощено и потому неверно. Поль Лафарг в своей работе «О причинах религиозности буржуазии и безбожия пролетариата» указывает на то, что современное положение пролетариата само по себе делает его безбожным, но никто столько не сделал из социалистов для антирелигиозной пропаганды, как именно Поль Лафарг. Г. Гортен в своем труде «Исторический материализм» также останавливается на вопросе о причинах живучести старых религий.

«Но почему, в таком случае,—спрашивает он,—раз старые производственные отношения должны уступить место новым, еще так долго сохраняются старые религии?»

На этот вопрос необходимо дать ответ, потому что наши противники пользуются этим фактом, как выражением против нас. Ответ не представляет затруднений.

¹ «...Религиозный мир есть только рефлекс реального мира. Для общества товаропроизводителей, характерное общественное производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме, как одинаковый человеческий труд,—для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.» (Карл Маркс. «Капитал», т. I.—«Товарный фетишизм и его тайна»).

Во-первых, старый способ производства никогда не отмирает разом. В прежние столетия отмирание происходило до чрезвычайности медленно, и даже теперь, когда крупная промышленность так быстро вытесняет старую технику, проходит очень продолжительное время, пока не исчезнет мелкое производство. Следовательно, еще очень долго достаточный простор для старой религии остается.

Во-вторых, человеческий дух отличается инертностью. Хотя бы тело уже находилось в новых отношениях труда, мысль недостаточно быстро воспринимает новые формы. Традиция, предания оказывают давление на мозг живых. Рабочий легко может наблюдать это на окружающих. Вот два человека на одной и той же фабрике, с одинаковой нуждой, в одинаковой бедности, и тем не менее один слабый, тупой человек, который не хочет борьбы, он не может усвоить свободного мышления и следует за священником в политике, в религии, в профессиональном союзе. А другой—полон жизни, весь жаждет борьбы, вечно он говорит, вечно пропагандирует, вечно возбуждает. Ни бога, ни хозяина—вот его лозунг». (Г. Гортер. «Исторический материализм»).

А как же достигнуть того, чтобы лозунгом всех примыкающих к нам в работе было: «Ни бога, ни хозяина»? Или, может быть, не нужно этого достигать? По мнению тов. Хеглунда, в этом нет надобности. Конечно, участие в коммунистической борьбе само по себе помогает уже пролетариату освободиться от религиозного дурмана. Сколько было в нашей партии рабочих, которые приходили к нам, еще будучи религиозными, и которые потом становились убежденными атеистами. Но ведь всегда было так, что их религиозность мешала их борьбе, а не помогала. Тов. Ленин писал в 1905 г.: «Раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что оплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь». Следовательно, социализм для того, чтобы бороться с религией, должен привлечь для этой борьбы науку, а не полагаться на то, что все само собой образуется

и что религия сама исчезнет. Больше того, тов. Ленин резко нападает на тех, кто воображает, что без антирелигиозной пропаганды рабочие освободятся от религиозного обмана.

«Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, — писал он, — которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные, особенно крестьянские и ремесленные массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из разных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. д.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в 100 раз более подходящей для того, чтобы разбудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (ничего греха таить) часто марксизм искажают...

Самое важное это — суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий».

(Н. Ленин, «О значении воинствующего материализма»).

Теперь, надеемся, ясно, почему наша партия должна проповедывать борьбу с религией.

Партии II Интернационала провозглашали лозунг: «Религия — частное дело». И многие из сторонников этой теории понимали дело так, что можно быть членом Рабочего Интернационала и в то же самое время служителем религиозного культа, религиозным проповедником. Мы знаем во II Интернационале социалистов, которые в воскресенье отправляются в церковь и читают там поповские проповеди, а оттуда направляются на рабочие собрания. Товарищ Хеглунд считает, что это вообще еще вовсе не так скверно, так как он ищет способов доказать то, что «христианство вовсе не исключает революционных помыслов, но даже наоборот, может их мотивировать». Но в каком же смысле является религия частным делом? Товарищ Ленин писал в 1905 году: «Религия должна быть частным делом» — этими словами стараются выразить отношение социализма к религии: все же пужно точно установить значение этих слов, чтобы они не вызвали никаких

Религия —
частное
дело.

недоразумений. Мы требуем, чтобы религия являлась частным делом по отношению к государству. Государство не должно заботиться о религии; религиозные сообщества не должны иметь никакого отношения к государству. Каждому должен быть предоставлен свободный выбор религии или отказ от всяческой религии, то есть признание себя атеистом, каким и должен быть всякий социалист. Должно быть строжайшим образом запрещено какое бы то ни было неравенство граждан в правах, базирующееся на религиозных различиях. Даже отметка о вероисповедании гражданина не должна стоять на его документах. Не должно быть никаких государственных расходов на церкви, государственные средства не должны тратиться на какие бы то ни было церковные или религиозные сообщества. Они должны существовать лишь на добровольные пожертвования одинаково мыслящих граждан.

Требование пролетариата от нынешних церкви и государства формулируется так: полнейшее отделение церкви от государства.

С точки зрения партии социалистического пролетариата, религия вовсе не является частным делом. Партия является союзом сознательных передовых бойцов за освобождение рабочего класса.

Такой союз не может и не должен держаться безразлично по отношению к несознательности, невежеству и обскурантизму, представляемым духовными видениями. Мы требуем полнейшего отделения церкви от государства, дабы могли бороться против религиозного невежества чисто идейным путем и чисто идейными средствами, представляемыми нашей прессой и нашими словами.

Но мы основали свой союз, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Тов. Хеглунд в вопросе об отношении Коммунистической партии к религии занимает целиком точку зрения II Интернационала. Для него религия не только частное дело по отношению к государству, но и по отношению к Коммунистической партии. С такими взглядами, крайне вредными для рабочего класса, мы должны вести решительную борьбу.

«Менее важно критиковать небо, чем землю, менее важно бороться с теологией правящего класса, чем с его политикой, менее важно ниспровергать небо, чем капитализм», — пишет тов. Хеглунд. Такая постановка вопроса прежде всего крайне метафизична, не соответствует действительности. Небо и земля:

небесные и земные дела у религиозного человека между собою связаны очень часто, как причина и следствие. Теология правящего класса очень часто (почти всегда) является орудием политики правящего класса, капитализм держит на своей службе слугителей культа, использует религию как орудие порабощения. Но мы можем согласиться с тем, что мы считаем правильным: антирелигиозная борьба не должна выпячиваться на первое место. Мы, русские коммунисты, которых изображают пугалами, безбожниками, неоднократно подчеркивали в своих решениях и сказали это на VI съезде партии, что антирелигиозная агитация и пропаганда ни в коем случае не должны выпячиваться на первое место. И сближаться пролетариям, сохранившим еще религиозные предрассудки, с нашей партией мы не препятствуем. Наоборот, в специальном постановлении Центрального Комитета нашей партии мы допускаем в отдельных случаях пребывание в нашей партии товарищей из рабочих и крестьян, которые на деле доказали, борьбою доказали свою преданность пролетарской революции, несмотря на их религиозные предрассудки. 18 лет тому назад тов. Ленин опять-таки дал вполне исчерпывающую правильную постановку вопроса: «Но мы ни в коем случае не должны при этом сбиваться на абстрактную идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», внеклассовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма».

Не следует забывать однако, что это написано было 18 лет тому назад, когда борьба пролетариата происходила в иной обстановке, когда мы еще не переживали периода пролетарской революции. Перед нами всюду почти стояли задачи борьбы в рамках буржуазного общества. Вот почему теперь, в эпоху пролетарской революции, все наши лозунги против учреждений буржуазного общества, против идеологии, поддерживаемой буржуазными классами, в том числе и против религии, должны быть гораздо более заостренными, чем 18 лет тому назад. Мы уже сказали, что по отношению к рабочим или батрацко-крестьянским элементам мы допускаем исключение, допускаем участие их, как членов партии, даже тогда, когда они не вполне еще порвали с религиозными

мировоззрениями. Но для того чтобы они порвали свою связь с религией, мы ставим антирелигиозную пропаганду. Конечно, кое-кого антирелигиозная пропаганда от нас отталкивает. Тов. Хеглунд боится, что эти люди неминуемо «будут остановлены в своем приближении к нам войной с религией, ведомой партией, ибо они закоснели в религиозных тенденциях, что есть много других индифферентных (безразличных) к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна. Коммунистическая партия, как всякое воинствующее движение, выискивает себе легчайший путь к победе. Поэтому она должна бережно избегать всего, что ей может затруднить дорогу, если только это не противоречит ее задачам. Отдельные коммунисты, как частные лица, могут заниматься антирелигиозной пропагандой—это их право, и в это никто не будет вмешиваться, поскольку это не причиняет вреда политической программе и деятельности Коммунистической партии».

Вот с этим мы никак не можем согласиться, что заниматься или не заниматься той или иной отраслью партийной работы—это не обязанность всех членов партии, а только «их право, и в это никто не будет вмешиваться». Это—чисто интеллигентское рассуждение. «Есть много, других индифферентных к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна». Не напоминает ли это вам людей, которые стоят за социальную революцию, но которым прямое участие в вооруженной борьбе противно, которые просто не хотят вида крови? Или, например, некоторые ничего не имеют против того, чтобы применять насилие по отношению к буржуазии, но смотрят презрительно на работу Ч. К.? Против такого отношения к партии мы должны бороться самым решительным образом. Если ты член партии, то для тебя всякая работа партии не только право, но и обязанность, и от этой обязанности тебя может спасти только неумение ее выполнять, но и тогда ты обязан научиться выполнять ее.

Теперь мы можем кратко формулировать свой ответ тов. Хеглунду.

Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Да. Коммунистическое движение, которое направлено против основ буржуазного государства, антирелигиозно, потому что религия есть одно из учреждений буржуазного государства, которому не будет места в коммунистическом обществе. И это надо сознать ясно.

Должна ли наша партия проповедывать войну с религией? Да. Она должна вести войну с религией пропагандой, агитацией, проповедью атеизма, разоблачением связи рели-

гии с эксплуатацией господствующих классов, заменой религиозного мировоззрения научным, материалистическим мировоззрением, широкой и глубокой естественно-научной и атеистической просветительной деятельностью.

Должна ли Коммунистическая партия отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями? Как общее правило—да, потому что религиозные люди будут путаться, мешать борьбе рабочего класса, вносить идеалистическую мешанину там, где нужна ясность материалистического понимания мира. Отдельные же пролетарии, доказавшие свою преданность пролетарской революции, но еще не порвавшие с религией, в отдельных случаях могут допускаться в партию. Если такой пролетарий из-за религии не пойдет рука об руку с партией пролетарской революции, это будет означать, что для него пролетарская революция—не главное.

Должны ли коммунисты иметь марксистское материалистическое мировоззрение? Да. Все ли равно, во имя бога или человека борется коммунист? Нет, не все равно. Хорошо усвоенная масса марксистская теория сама по себе является огромной материальной силой. А люди, которые не знают даже, во имя чего бороться,—во имя бога или человека,—не только не могут быть стойкими вождями авангарда пролетарской революции, но могут в решительный момент борьбы серьезно затормозить пролетарскую революцию.

(Из журнала „Молодая Гвардия“)

В самых свободных странах народ и рабочие отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построенного боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией,—именно поэтому это—самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и заразы физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки.

В. И. Ленин—«Письма Горькому».

П. ШУБИН

МОЛОДЕЖЬ ГОРИТ

Организм
молодых
револю-
ционеров
подорван.

Молодежь горит! Мы часто повторяем этот возглас с революционной гордостью. Это чувство законно и понятно. В разгаре гражданской войны, в трудные дни отступлений, в славные дни наступлений, когда рабочий народ собирал все силы и без оглядки, без счета бросал их в пламя сражений, ярко вспыхивающая молодежь, сгорая, освещала героический путь нашей борьбы.

В те критические дни, когда решалась судьба трудящихся на полях битв, не могло быть и речи об экономном, расчетливом, планомерном израсходовании сил.

То были дни, когда история «безумству храбрых цела славу». Наша Красная армия тогда еще не достигла той степени организованности, когда можно практически поставить вопрос о понижении затрат энергии и сил при разрешении боевых заданий.

Массовый, безрасчетный, неизбежно ведущий к излишним жертвам напор характеризовал революционную работу молодежи в этот период.

Период военного коммунизма не мог не отразиться тяжело на состоянии организмов коммунистической молодежи, бывшей на тяжелых фронтах и в еще более тяжелом Петлюровском, Деникинском и Врангелевском подпольи. Он закалял боевой дух юного революционера, но подорвал в серьезнейшей степени его здоровье.

К сожалению, мы, по причинам, о которых будет сказано ниже, так поверхностно относимся к этой стороне нашего революционного резерва, что до сих пор нет даже более или менее обстоятельного обследования физического состояния членов Комсомола. Но тем, кому приходится участвовать в непосредственной, практической работе юных революционеров, известно, как серьезны, даже жутки, размеры той разрухи, которая причинена гражданской войной на фронте здоровья.

Между тем обстановка нашей борьбы изменилась до неузнаваемости. От атаки, которая требует мгновенного напря-

жения сил и обещает немедленно полный успех, мы переходим к методической осаде, которая требует продолжительной выносливости, накопления сил и, планомерного, экономного, скупого их израсходования.

Часть старых задач оставлена революцией позади, зато на их место выдвинулись другие, не менее сложные, требующие новых приемов в работе. И вот к этим новым задачам, для которых прежде всего нужна продолжительная выдержка и внутренняя устойчивость, тонкий слой Комсомола подходит со здоровьем, серьезно надорванным.

Но опаснее преждевременной физической надорванности тот безразличный «наплевательский» взгляд на здоровье, который вынес комсомолец из бури гражданской войны. До тех пор, пока этот взгляд не будет признан ошибочным, вредным для правильного развития пролетарской молодежи, подрывающим корни Коммунистической партии, до тех пор мы не будем иметь настоящих, доподлинных резервов. Вот почему лозунг «внимание резервам» должен быть расшифрован в том смысле, чтобы комсомолец научился смотреть на себя, как на инструмент революции, очень дорогой и ценный, который не должен изнашиваться без полезного результата, который должен содержаться в максимально лучших условиях и небрежное отношение к которому есть прежде всего преступление против рабочего класса.

Поздняя осень. Сыро и холодно. На совещание Комсомола съезжается молодняк «губернского или уездного масштаба». Присмотритесь: сколько из них без шинелей, в легких косоворотках с развалившейся обувью?

Посиневший от холода подросток взасос затягивается папирской. Он — делегат, должен был сделать доклад, но вот потеплял голос в дороге.

«Юный товарищ, резервный боец, почему без шинели?»

На этот вопрос, который предлагается, увы, слишком редко, может последовать один из трех возможных ответов:

«До сих пор не дали шинелей, да и обещают не много».

Или:

«Не успел захватить, да и к чему? Авось и так как-нибудь обойдусь»...

Или:

«Товарищ взял, обещал до отъезда принести — не принес. Мало аккуратности у наших ребят».

Каждый из этих ответов обнаруживает одну из причин, хищнически подрывающих здоровье нашей будущей гвардии. Рассмотрим в отдельности каждую из них.

«Не дали шинелей». Это — упрек, больше — обвинение, обращенное уже прямо к взрослым партийцам. Как ни скудны

„Наплева-
тельный“
взгляд на
здоровье
опасен.

Неряшли-
вость, бес-
печность
должны
быть уни-
чтожены.

запасы республики, как ни тяжело бывает среди всех кричащих потребностей выбрать наиболее неотложное, все же ясно для всех, что молодняк Комсомола в этом вопросе должен занять первое место.

Нужны ли еще доказательства? Достаточно посмотреть процент туберкулезных на рабфаках и процент нервно-издерганных в харьковской организации Комсомола, чтобы на эту тему больше распространяться не было нужды.

Гораздо сложнее другой вопрос: как добиться, чтобы отпущенная шинель—1) попала без волокиты и канцелярщины на те плечи, которым она предназначена, 2) чтобы шинель исполняла свою службу на все 100%, не выйдя в тираж раньше положенного срока, и не очутилась через два-три месяца без пуговиц где-нибудь под кроватью!

Главным препятствием для разрешения этой задачи является то наплевательское отношение самого комсомольца, отголоски которого слышатся во втором ответе: «Как-нибудь, обойдусь, дело привычное».

Что это? Аскетизм, требовательность к самому себе, переходящая границы разумного? Нет, не это или, во всяком случае, не только это. Из периода военного коммунизма комсомолец вынес до-зарезу необходимое тогда, нужное также и теперь качество—не возиться с собой. Но, как напомнил тов. Ленин, достоинство, переходящее определенную границу, превращается в свою противоположность—в недостаток.

Непритязательность комсомольца превращается в небрежность, в разлехайство, в какую-то стариковскую, ленивую неряшливость. Она заключается в том, что комсомолец не только не научается с минимальным вредом для своего здоровья обходиться без недостающей вещи, а разучивается с максимальным результатом использовать то, что у него имеется.

Я предвижу возражения и опровержения. Но пусть любой работник Комсомола вспомнит, как он распоряжается теми средствами, которые составляют его доходный бюджет. Не правда ли: несколько дней слишком густо, зато потом весь остаток месяца сразу пусто. Такое отсутствие плановости не имеет ничего общего с подготовкой своего организма к физическим лишениям и трудностям, оно бьет самым чувствительным образом не только по здоровью, но и по психике.

Мы хотим научиться подчинить себе слепые силы природы и стихийные противоречия, возникающие внутри производства. Мы этого достигнем. Но раньше надо научиться заставлять каждую вещь, в том числе и шинель, служить себе по крайней мере не хуже, чем она служит английскому или американскому спортсмену.

Возьмем квартирный вопрос. Прикинув на глаз (статистического материала нет), можно сказать, что большая часть работников Комсомола живет отдельно от родственников. Этот уход подсказан здоровым инстинктом подростка, чувствующего, что ему легче будет ковать из себя нового человека, если он отойдет хотя бы для начала от стариков. Неповзрелость и рост мещанства среди отцов должны еще усилить этот процесс.

Тем важнее сейчас же присмотреться к тому, как устраиваются работники Комсомола в своей личной жизни, предоставленные собственным силам. Здесь снова мы видим полное неумение использовать имеющиеся ресурсы,—мало того, нежелание тому научиться; разнехайство возведено если не в добродетель, то, по крайней мере, в систему.

Комсомолист умеет работать — мы этим гордимся. Но умеет ли он отдыхать или, что еще важнее, умеет ли он ценить отдых товарища?

Здесь мы подходим к третьему ответу, указанному выше: мало аккуратности у наших ребят.

В комнате накурено, вещи разбросаны, приходит один товарищ, другой. Гости свободны, но живущим в комнате нужно работать.

Есть ли товарищеская предупредительность, выражающаяся в желании прежде всего не мешать?

В крупных центрах или среди той части комсомолов, которые проходят дисциплину в школе, на рабфаках или в техникумах, эта черта начинает прививаться. Но в массе «лагерный» дух неэкономного расходования своего собственного времени и, вследствие этого, невнимательное отношение ко времени товарища сидят еще крепко. Комсомолист умеет работать, но в громадном большинстве случаев не он планомерно распределяет эту работу, а наоборот, она насккивает на него внезапно, непредвиденно и заставляет также скачкообразно трудиться.

Отсюда эта ненормальная смесь перегруженности с праздностью и, в результате, отсутствие внимательного отношения к планомерной работе товарища.

«Ладно, успеешь потом».

На это иногда беспомощное замечание должен последовать ответ:

«Успеть-то успею, но работа будет сделана хуже и сил будет потрачено больше. Хочу научиться работать по плану, а ты не мешай».

В области личной жизни комсомолец не может руководствоваться нигилистическим, гнилым лакейски-мещанским лозунгом: «все позволено».

Наоборот, он постоянно чувствует над собой дыхание высшего судьи—революции.

Революция требует, чтобы резервы были в бодром, крепком, психически и физически устойчивом состоянии. Поэтому то, что подрывает эту устойчивость, что истощает эти силы, что разряжает энергию юности, должно быть отброшено как преступное. Поэтому и преждевременно выкуренная папироса, и бесцельное бравирование своим здоровьем, и усвоение дурных привычек—все это преступления прежде всего перед революцией.

Молодежь горит. Нельзя делать революцию, не истрачивая себя. Но восходящий класс в процессе революции получает больше, чем тратит.

Новые источники сил, новые залежи энергии он открывает в себе в процессе борьбы, а потому:

Молодежь горит, но не сгорает.

(Из журнала „Юный Коммунар“ № 5—6 за 1922 г.)

Л. ТРОЦКИЙ

ВОПРОСЫ БЫТА

От старой семьи к новой.

Внутренние отношения и события в семье, по своей природе, труднее всего поддаются объективному обследованию или статистическому учету. Вот почему нелегко сказать, насколько ныне семейные связи разрушаются (в жизни, а не на бумаге) легче и чаще, чем прежде. Здесь приходится в значительной мере удовлетворяться суждениями на глаз. При этом разница между дореволюционным временем и нынешним состоит в том, что прежде конфликты и драмы в рабочей семье проходили совершенно незаметно даже для самой же рабочей массы, а ныне, когда широкий слой рабочих-передовиков, занимающих ответственные места, живет у всех на виду, каждая семейная катастрофа становится предметом обсуждения, а иногда и просто судачения.

С этой серьезной оговоркой необходимо однако признать, что семья, в том числе и пролетарская, расшаталась. Этот факт считался на собеседовании московских агитаторов твердо установленным, никем не оспаривался. Расценивали его во время беседы по-разному: одни—более тревожно, другие—сдержанно, третьи—недоуменно. Во всяком случае для всех было ясно, что мы имеем перед собою какой-то большой процесс, весьма хаотический, принимающий то болезненные, то отталкивающие, то смешные, то трагические формы и еще почти совершенно не успевший обнаружить скрытые в нем возможности нового, более высокого семейного уклада. Указания на распад семьи проникали и в печать, хотя крайне редко и в чрезвычайно общем виде. В одной статье мне пришлось даже читать объяснение, сводящееся к тому, что в распаде рабочей семьи нужно видеть просто-напросто проявление «буржуазного влияния на пролетариат». Такое объяснение неверно. Дело глубже и сложнее. Конечно, влияние буржуазного прошлого и буржуазного настоящего налицо.

Но основной процесс состоит в болезненной и кризисной эволюции самой пролетарской семьи, и мы присутствуем сейчас при первых очень хаотических этапах этого процесса.

Глубоко разрушительное влияние войны на семью известно.

Война действует в этом направлении уже чисто механически, разводя людей надолго в разные стороны или сводя их случайно. Это влияние войны революция продолжила и закрепила. Годы войны вообще расшатали все то, что держалось только силой исторической инерции: царское господство, сословные привилегии, старую бытовую семью. Революция построила прежде всего новое государство, т. е. разрешила наиболее неотложную и простую свою задачу. С экономикой дело оказалось гораздо сложнее. Война расшатала старое хозяйство, революция его опрокинула. Ныне мы строим новое, пока что главным образом из старого, но организуемого нами на новый лад. В области хозяйства мы разрушительный период только недавно оставили позади и начали подниматься. Успехи еще очень слабы, и до новых, социалистических форм еще чрезвычайно далеко. Но из полосы разрушения и распада мы вышли. Самая низкая точка приходится на 20—21-й годы.

В области семейного быта первый разрушительный период далеко не закончен, расшатка и распад идут еще полным ходом. В этом нужно прежде всего отдать себе отчет. В сфере семейно-бытовых отношений мы проходим еще, так сказать, чрез 20—21-й годы, а не через 23-й. Быт гораздо консервативнее хозяйства между прочим и потому, что он еще мало осознается, чем это последнее. В области политики и экономики рабочий класс действует, как целое, и потому выдвигает на первое место свой авангард—Коммунистическую партию и через нее, в первую голову, осуществляет свои исторические задачи. Из области быта рабочий класс раздроблен на клеточки—семьи. Перемена государственной власти, даже перемена экономического строя—переход фабрик и заводов в собственность трудящихся—все это, разумеется, влияет на семью, но лишь извне, косвенно, не затрагивая непосредственно унаследованных от прошлого бытовых ее форм. Коренное преобразование семьи и вообще повседневного уклада жизни требует высоко сознательных усилий со стороны рабочего класса во всей его толще и предполагает в нем самом могущественную молекулярную работу внутреннего культурного подъема. Тут нужно глубоким плугом поднять тяжелые пласты. Установить политическое равенство женщины с мужчиной в советском государстве—это одна задача, наиболее простая. Установить производственное равенство рабочего и работ-

ницы на фабрике, на заводе, в профессиональном союзе так, чтобы мужчина не оттирал женщины,—эта задача уже много труднее. Но установить действительное равенство мужчины и женщины в семье—вот задача неизмеримо более трудная и требующая величайших усилий, направленных на то, чтобы революционизировать весь наш быт. А между тем совершенно очевидно, что без достижения действительного бытового и морального равенства мужа и жены в семье нельзя серьезно говорить о равенстве их даже в государственной политике, ибо если женщина прикована к семье, к варке, к стирке и шитью, то уже тем самым возможность ее воздействия на общественную и государственную жизнь урезывается до последней крайности.

Самой простой задачей было овладение властью. Но и эта задача поглощала в соответственный период революции все наши силы. Она потребовала неисчислимых жертв. Гражданская война сопровождалась мерами крайней суровости. Мещанские пошляки кричали об одичании нравов, о кровавом развращении пролетариата и пр. На самом же деле пролетариат навязанными ему мерами революционного насилия вел борьбу за новую культуру, за подлинную человечность. В хозяйственной области мы проходили в первые четыре—пять лет через период убийственного развала, полного упадка производительности труда, при ужасающей качественной низкопробности производимых продуктов. Враги видели или хотели видеть в этом полное гниение советского режима. На самом же деле это был лишь неизбежный этап разрушения старых хозяйственных форм и первых беспомощных попыток создать новые.

В области семьи и быта вообще тоже есть свой неизбежный период распада всего старого, традиционного, завещанного прошлым и непродуманного мыслью. Но здесь, в области быта, критически разрушительный период приходит с запозданием, длится очень долго и принимает самые тяжкие и болезненные формы, хотя, вследствие своей мозаичности, далеко не всегда заметные поверхностному взору. Эти перспективные вехи переломов в государстве, хозяйстве и быту нам необходимо установить для того, чтобы самим не пугаться наблюдаемых нами явлений, а правильно оценить их, т. е. понять их место в развитии рабочего класса и сознательно воздействовать на них в сторону социалистических форм общежития.

Не пугаться самим,—говорю я,—ибо испуганные голоса уже раздавались. На собеседовании московских агитаторов некоторые товарищи с большой и понятной тревогой приводили примеры той легкости, с которой разрываются старые

семейные связи и завязываются новые, столь же непрочные. Страдающим элементом являются при этом мать и дети. С другой стороны, кому из нас не приходилось слушать в частных беседах прямо-таки причитания по поводу «распада» правых среди советской молодежи, в частности комсомольцев. В этих жалобах не все, конечно, состоит из преувеличений, есть и правда. С отрицательными сторонами этой правды борьба необходима и будет вестись—борьба за поднятие культуры и человеческой личности. Но чтобы правильно подойти к азбуке вопроса, не впадая в реакционное морализаторство или в сентиментальное уныние, нужно прежде всего знать, что есть, и понять, что происходит.

На семейный быт обрушились, как уже сказано, колоссальнейшие события: война и революция. А по их следам по-полз подземный крот: критическая мысль, сознательная переработка и оценка семейных отношений и бытового уклада. Сочетание механической силы великих событий с критической силой пробужденной мысли порождает в области семьи ту разрушительную стадию, через которую мы ныне проходим. Русскому рабочему приходится в разных областях своей жизни сознательно проделывать первые, культурные шаги лишь теперь, после завоевания власти. Под влиянием могущественных сотрясений личность впервые вырывается из бытовых, традиционных, церковных форм и отношений,—мудрено ли, если ее индивидуальный протест, ее восстание против старины принимают на первых порах анархические или, грубее выражаясь, разнузданные формы? Мы это наблюдали и в политике, и в военном деле, и в хозяйстве: анархо-индивидуализм, всех видов «левизна», партизанщина, митингование. Мудрено ли наконец, если этот процесс находит свое наиболее интимное и потому наиболее болезненное выражение в области семейной? Здесь пробужденная личность, которая хочет строить свою жизнь по-новому, а не по-старинке, ударяется в «разгул», «озорство» и прочие грехи, о коих говорилось на московском собеседовании.

Муж, вырванный мобилизацией из привычных условий, впервые стал на гражданском фронте революционным гражданином. Он пережил величайший внутренний переворот. Его горизонт расширился. Его духовные потребности повысились и усложнились. Это уже другой человек. Он возвращается в семью. Застает все или почти все на старом месте. Старая семейная смычка порвана. Новая не создается. Удивление с обеих сторон переходит во взаимное недовольство. Недовольство—в озлобление. Озлобление ведет к разрыву.

Муж, коммунист, живет активной общественной жизнью, растет вместе с ней и в этом находит смысл личной своей

жизни. Но и жена, коммунистка, стремится принять участие в общественной работе, посещает собрания, работает в совете или союзе. Семья либо незаметно сходит на-нет, либо же конфликты на почве отсутствия семейного уюта накапливаются, вызывают взаимное ожесточение и—разрыв.

Муж—коммунист, жена—беспартийная. Муж поглощен общественной работой, жена попрежнему замкнута в семейном кругу. Отношения—«мирные», основанные в сущности на привычном отчуждении. Но вот ячейка постановила: коммунистам снять у себя иконы. Муж считает это само собой разумеющимся. Жена видит в этом катастрофу. По такому случаю, в сущности, поводу обнаруживается духовная пропасть между мужем и женой. Отношения обостряются, и в результате—разрыв.

Старая семья, десять—пятнадцать лет совместной жизни. Муж—хороший рабочий, семьянин, жена предана очагу, всю энергию свою полагает на семью. Случай сводит ее однако с женской организацией. Перед ней открывается новый мир. Энергия ее находит новое более широкое применение. В семье упадок. Муж ожесточается. Жена чувствует себя оскорбленной в своем пробужденном гражданском достоинстве. Разрыв.

Число таких вариантов семейной драмы, приводящих к одному и тому же результату—к разрыву, можно было бы умножить без конца. Но основные случаи мы привели. Все они в наших примерах разыгрываются на линии стыка между коммунистическими элементами и беспартийными. Но распад семьи (старой) не ограничивается только этой верхушкой класса, наиболее открытой действию новых условий, а проникает глубже. В конце концов коммунистический авангард проделывает лишь раньше и резче то, что более или менее неизбежно для класса в целом. Критическая проверка собственной жизни, предъявление новых требований к семье—эти явления распространяются, разумеется, гораздо шире той линии, по которой Коммунистическая партия соприкасается с рабочим классом. Уже одно введение института гражданского брака не могло не нанести жестокого удара старой, освященной, показной семье. Чем меньше в старом браке было личной связи, тем в большей мере роль скрепы играла внешняя, бытовая, в частности обрядовая, церковная сторона. Удар по этой последней оказался тем самым ударом по семье. Обрядность, лишенная как объективного содержания, так и государственного признания, держится лишь силой инерции, продолжая служить одной из опор бытовой семье. Но если в самой семье нет внутренней связи, сама она держится в значительной мере силой инерции, то каждый внеш-

ний толчок способен развалить ее, ударяя тем самым и по церковности. А толчок в наше время несравненно больше, чем когда бы то ни было. Вот почему семья шатается, распадается, разваливается, возникает и снова рушится. В жестокой и болезненной критике семьи быт проверяет себя. История рубит старый лес—щепки летят.

А готовятся ли элементы новой семьи? Бесспорно. Но нужно уяснить себе природу этих элементов и процесс их формирования. Как и в других случаях, тут необходимо различить материальные условия и психические или объективные и субъективные. В психическом смысле подготовка новой семьи, новых человеческих отношений вообще означает для нас культурный рост рабочего класса, развитие личности, повышение ее запросов и внутренней дисциплины. С этой точки зрения революция сама по себе означает, конечно, громадное движение вперед, и самые тяжкие явления семейного распада представляются лишь болезненным по форме выражением пробуждения класса и личности в классе. Вся наша культурная работа—та, которую мы делаем, и особенно та, которую мы лишь должны делать,—является с этой точки зрения подготовкой новых отношений и новой семьи. Без повышения индивидуальной культурности рабочего и работницы не может быть новой, более высокой семьи, ибо в этой области речь может идти, разумеется, только о внутренней дисциплине, а никак не о внешней принудительности. Сила же внутренней дисциплины личности в семье определяется содержанием внутренней жизни, объемом и ценностью тех связей, которые соединяют мужа и жену.

Подготовка материальных условий нового быта и новой семьи опять-таки в основе своей не может быть отделена от общей работы социалистического строительства. Рабочему государству нужно стать богаче для того, чтобы возможно было уже всерьез и как следует быть приступить к общественному воспитанию детей и к разгрузке семьи от кухни и прачечной. Обобществление семейного хозяйства и воспитания детей немыслимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и разрушают ее. Стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить—хороший общественный ресторан. Обшивать—швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устана-

вливается наконец подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением. Но именно потому она приобретает внутреннюю устойчивость—конечно, не для всех одинаковую и ни для кого не принудительную.

Таким образом путь к новой семье двойной: а) культурное воспитание класса и личности в классе и б) материальное обогащение класса, организованного в государстве. Оба эти процесса тесно связаны друг с другом.

Сказанное выше никак не означает, разумеется, будто существует известный момент материального развития, начиная с которого семья будущего сразу вступает в свои права. Нет, известное движение в сторону новой семьи возможно уже и сейчас. Правда, государство еще не может на себя взять ни общественного воспитания детей, ни создания общественных кухон, которые были бы лучше семейной кухни, ни создания общественной прачечной, где бы не рвали и не порвали белья. Но это вовсе не значит, что наиболее инициативные и прогрессивные семьи не могут группироваться уже сейчас на коллективной хозяйственной основе. Такие опыты должны делаться, разумеется, очень осторожно, так, чтобы технические средства коллективного оборудования сколько-нибудь соответствовали интересам и потребностям самой группировки и давали бы явные для всех ее членов выгоды, хотя бы и скромные на первых порах.

«Задачу эту,—писал недавно тов. Семашко по поводу необходимости перестройки нашего семейного быта,—лучше всего вести показательным путем: одними распоряжениями и даже одной проповедью здесь мало чего достигнешь. Но пример, показательный образец здесь сделают больше, чем тысячи хороших брошюр. Эту показательную пропаганду лучше всего вести по тому методу, который хирурги в своей практике называют «трансплантацией». При обнаженной от кожи большой поверхности (от ранения или ожога), когда нет надежды, чтобы кожа покрыла такое большое пространство, они вырезают кусочки кожи со здорового места и островками прикладывают ее к обнаженной поверхности: кожа приживает и от этих островков начинает разрастаться по сторонам; таким образом островки делаются все больше и больше и наконец вся поверхность покрывается кожей.

То же произойдет и при этой показательной пропаганде, если фабрика или завод установят у себя коммунистический быт, за ними потянутся и другие фабрики»¹⁾.

Опыт таких семейно-хозяйственных коллективов, представляющих первое, очень еще несовершенное приближение

¹ «Известия ВЦИК», № 81, от 14 апреля, 1923 г. Н Семашко. «Мертвый хватает живого».

к коммунистическому быту, должен тщательно изучаться и внимательно продумываться. Комбинация частной инициативы с поддержкой государственной власти, прежде всего местных советов и хозяйственных органов, должна стоять на первом плане. Новое домостроительство—а мы начнем же все-таки строить дома!—должно быть заранее сообразовано с потребностями семейно-групповых общежитий. Первые сколько-нибудь явные и бесспорные успехи в этом направлении, хотя бы и очень ограниченные по масштабу, вызовут неизбежно стремление более широких кругов строиться таким же образом. Для плановой инициативы сверху вопрос еще не созрел ни со стороны материальных ресурсов государства, ни со стороны подготовленности самого пролетариата. Сдвинуть дело с мертвой точки можно в настоящий момент только созданием показательных общежитий. Почву под ногами придется укреплять шаг за шагом, не зарываясь слишком вперед и не впадая в бюрократическую фантастику. В известный момент этим процессом овладеет государство при содействии местных советов, кооперации и пр.—обобщит сделанную работу, расширит и углубит ее. Таким путем человеческая семья совершит, говоря словами Энгельса, «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Борьба за культурность речи.

На днях я прочитал в одной из наших газет: «На общем собрании рабочих обувной фабрики «Парижская Коммуна» решено уничтожить ругань, за «выражения» штрафовать и пр...»

Факт маленький в вихре нашего времени и в масштабе «выражений» лорда Керзона, за которые его нельзя еще пока оштрафовать, но факт знаменательный. Значение его определится однако вполне лишь в зависимости от того, какой отклик найдет эта инициатива.

Брань есть наследие рабства, приниженности, неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному, наша российская брань—в особенности. Надо бы спросить у филологов, активистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, лишняя и скверная брань, как у нас. Насколько знаю, нет или почти нет. В российской брани с н и з у—отчаяние, ожесточение и, прежде всего, рабство без надежды, без исхода. Но та же самая брань с в е р х у, через дворянское, исправническое горло, являлась выражением сословного превосходства рабовладельческой части, незыблемости основ... Пословицы, говорят, выражение народной

мудрости, — не только мудрости однако. но и темноты, и предрассудков и рабства. «Брань на ворота не виснет», — говорит старая русская пословица, и в ней отражается не только факт рабства, но и примиренность с ним. Два потока российской брани — барской, чиновницкой, полицейской, сытой, с жиром в горле, и другой: голодной, отчаянной, надорванной — окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция.

А революция ведь есть прежде всего пробуждение человеческой личности в тех местах, которым ранее полагалось быть безличными. Революция, несмотря на всю иногда жестокость и кровавую беспощадность своих методов, есть, прежде всего и больше всего, пробуждение человечности, ее поступательное движение, рост внимания к своему и чужому достоинству, рост участия к слабому и слабейшему. Революция — не революция, если она всеми своими силами и средствами не помогает женщине, вдвойне и втройне угнетенной, выйти на дорогу личного и общественного развития. Революция — не революция, если она не проявляет величайшего участия к детям: они-то и есть то будущее, во имя которого революция творится. А можно ли изо дня в день творить — хотя бы по частицам и по крупичкам — новую жизнь, основанную на взаимном уважении, самоуважении, на товарищеском равенстве женщины, на подлинной заботе о ребенке в атмосфере, где громыхает, рыкает, звенит и дребезжит ничего и никого не щадящая барско-рабская всероссийская брань? Борьба с «выражениями» является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вошью — предпосылкой культуры материальной.

Искоренить словесную разнузданность — совсем не простая и не легкая задача, потому что корни этой разнузданности не в слове, а в психике и в быту. Почин фабрики «Парижская Коммуна» надо, конечно, всячески приветствовать, но, главное, надо пожелать инициаторам выдержки и упорства, ибо психические навыки, переходившие из поколения в поколение и по сей день насыщающие всю атмосферу, искоренять нелегко, а мы ведь часто рванемся вперед, надорвемся, махнем рукой и оставляем все по-старому.

Надо надеяться, что женщины-работницы и прежде всего коммунистки поддержат инициативу «Парижской Коммуны». Можно сказать, что по общему правилу — конечно, исключения бывают, — сквернослов и ругатель презрительно относится к женщине и без внимания к ребенку, и это не только в отсталых маассах, но нередко и среди передовиков, а встречается иной раз и у очень «ответственных». Нельзя

ведь отрицать того, что старая отечественная фразеология (Щедрин называл ее митирогнозией) развита у нас и ныне, на шестом году после Октября, и притом даже на так называемых «верхах». За пределами города, особенно столичного, иные «сановники» считают даже как бы долгом своим «выражаться» направо и налево, видя в этом, очевидно, один из путей смычки с крестьянством...

Жизнь наша крайне противоречива в хозяйственной своей основе и в культурных своих формах. У нас, в центре страны, под Москвой, огромные болотные пространства, непроездные проселки и тут же, рядом, заводы, поражающие своей техникой европейского или американского инженера. Такие же контрасты и в наших нравах. И не только в том смысле, что бок-о-бок с Кит Китычем-младшим, прошедшим через революцию, экспроприацию, мошенничество, подпольную спекуляцию, спекуляцию легализованную и сохранившим почти в неприкосновенности свое утробно-замоскворецкое естество, мы видим лучший тип рабочего-коммуниста, живущего изо дня в день интересами мирового рабочего класса и готового в любой момент сражаться за дело революции в любой стране, которой он сам, может быть, не сыщет на карте. Рядом с этим социальным контрастом—тупого свинства и высочайшего революционного идеализма—мы можем нередко наблюдать психические контрасты в одной и той же голове, в одном и том же сознании. Искренний и преданный коммунист, но женщины для него — «бабье» (словцо-то какое гнусное!), о котором серьезно говорить не приходится. Или в национальном вопросе заслуженный коммунар нечаянно отрыгнет вдруг так^{ит} утрюм-буркеевщиной, что хоть из комнаты беги. Происходит это оттого, что разные области человеческого сознания изменяются и перерабатываются вовсе не параллельно и не одновременно. Тут тоже есть своя экономия. Психика весьма консервативная, и под влиянием требований и ударов жизни изменяются в первую голову лишь те области сознания, которые непосредственно под эти удары поставлены. Наше же социальное и политическое развитие последних десятилетий шло в совершенно небывалом и невиданном темпе, с небывалыми и невиданными переломами и скачками. Оттого-то так глубоки наши Разруха и Неразбериха. Но было бы неправильно думать, будто эти две сестры хозяйничают только в производстве или в госаппарате. Нет, нечего греха таить, они действуют и в головах, порождая самые невероятные сочетания передовых искренних и продуманных убеждений (тут мы Европу и Америку кое-чему учим!) с настроениями, навыками и отчасти взглядами, истекающими прямохонько из Домостроя. Выравнивать идейный

фронт, т. е. проработать все области сознания марксистским методом,—такова общая формула воспитания и самовоспитания прежде всего для нашей собственной партии, начиная с ее верхов. И опять-таки задача эта страшно сложная, и одними школьными или литературными средствами она не разрешима, ибо последние корни противоречий и несогласованности психики—в разрухе и неразберихе быта. Сознание-то, в конце концов, определяется бытием. Но зависимость тут не механическая и не автоматическая, а действенная или взаимодейственная. Подходить к разрешению задачи нужно поэтому с разных концов, в том числе и с того, с какого подошли рабочие фабрики «Парижская Коммуна».

Пожелаем же им успеха!

Р. С. Борьба с ругательствами есть в то же время составная часть борьбы за чистоту, ясность и красоту речи.

Реакционные тупицы утверждают, что революция если не погубила, то губит русский язык. В обиход у нас действительно вошло необъятное количество новых случайного происхождения слов, иногда явно лишних, провинциальные выражения, иногда в корне враждебные духу языка, и пр. Реакционные тупицы ошибаются однако насчет судеб русского языка так же, как и насчет всего остального. Из революционных потрясений язык выйдет окрепшим, омоложенным, с повышенной гибкостью и чуткостью. Наш предреволюционный, явно окостеневший, канцелярский и либерально-газетный язык обогатится—уже обогатился в значительной мере—новыми словесно-изобразительными средствами, новыми, гораздо более точными и динамическими выражениями. Но несомненно, что и засорение языка произошло за эти бурные годы немалое. Рост нашей культурности должен и будет выражаться, между прочим, и в извержении из словаря нашей речи всех ненужных или чуждых ее природе слов и выражений, с сохранением неоспоримых и неоценимых языковых завоеваний революционной эпохи.

Язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть необходимое условие правильности и точности самой мысли. К власти у нас пришел впервые в истории рабочий класс. Он принес с собой богатый запас трудового жизненного опыта и речи, на этом опыте выросшей. Но он же принес с собой недостаточную грамотность, не говоря уже о литературной образованности. Вот почему правящий рабочий класс, дающий всей своей социальной природой гарантии дальнейшего могущественного развития русской речи, не всегда оказывает пока что необходимый отпор проникшим в обиходный и газетный язык словам и выражениям—лиш-

ним, ненужным, неправильным, а иногда и отвратительным. Когда у нас говорят теперь—и даже пишут!—«пара недель», «пара месяцев» (вместо: несколько недель, несколько месяцев), то это безобразно, нелепо, не обогащает язык, а делает его беднее, так как слово «пара» лишается при этом своего необходимого значения (в смысле: пара сапог). У нас употребляется теперь вкривь и вкось слово «выявить» вместо десятка других гораздо более точных русских слов: обнаружить, вскрыть, проявить, обозначить и пр. У нас говорят: «фиксировать» вместо: условиться, закрепить, установить, определить, назначить и т. д. У нас в обиход речи вошли грубые неправильности, происходящие от переделки иностранного слова на более или менее близкий звуковой лад. Так, у нас нередко прекрасные рабочие ораторы говорят: к о н с т а н т и р о в а т ь вместо: констатировать; и н ц и д е н т, вместо инцидент; и наоборот, и н с т и к т, вместо инстинкт; л е г у л и р о в а т ь и л е г у л я р н ы й вместо р е г у л и р о в а т ь и р е г у л я р н ы й. Эти искажения в рабочей среде были в ходу и раньше, до революции. Но теперь они как бы приобретают право гражданства. Такие и подобные ошибочные выражения никем не исправляются по соображениям, очевидно, от ложного самолюбия. Это не годится; борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости. Первым условием для этого должно быть извержение из живой повседневной речи неправильных, чужеродных слов и выражений. Язык тоже нуждается в своей гигиене. А рабочий класс нуждается в здоровом языке не меньше, а больше всех других классов, ибо впервые в истории рабочий класс начинает продумывать своей мыслью всю природу, всю жизнь до самых ее основ: для этой работы нужен инструмент ясного, чистого, отточенного слова.

Работа женщин совершенно разрушает семью. Действительно, если жена проводит на фабрике 12—13 часов в день, а муж работает тут же или в другом месте, то какой же толк может выйти из детей? Вырастают они дикими, как сорная трава, отдают их под надзор чужих за один или полтора шиллинга в неделю; как с ними обращаются, нетрудно себе представить. Вот почему в фабричных округах так часты несчастные случаи с маленькими детьми вследствие недостатка надзора.

К. Маркс.

Л. БАЛАБАНОВ (Л. ТОЛЬМ)

ЗАТЕРЯННАЯ ЦЕННОСТЬ ¹

Всякий, кто хоть немного знает жизнь нашей коммунистической молодежи, должен признать, что у нас нет твердых этических понятий, что нередки случаи полового разврата, венерических болезней.

Как могло случиться, чтобы у партии и ее молодежи, ставящей себе великие идеалы человечества, не было своей новой морали?

Этот вопрос возвращает нас к старому спору о пролетарской культуре, имеющему уже свою историю. Еще до революции в социал-демократических кругах шла ожесточенная полемика между Потресовым, Луначарским, Булкиным и др.

Потресов писал тогда, что пролетариат войдет в царство социализма не в праздничных одеждах, а в разорванных блузах. Потресов отрицал возможность создания пролетарской культуры в недрах капиталистического строя и считал занятие ею праздным делом. Только при социализме ожидал он расцвета новой культуры. Характерно, что понятие о социализме в статьях Потресова крайне расплывчато, эпоха диктатуры ускользает из его расчетов.

В теориях идеолога меньшевизма Потресова видно полное непонимание тех великих и могучих сдвигов психологии, которые назревали внутри пролетариата.

А новую мораль предсказывал ведь еще Маркс, обронив в I т. «Капитала» несколько замечаний о неизбежности новых форм взаимоотношений между полами, как следствие новой роли женщины и детей в производстве.

И крупинки новой жизни залегали в пластах классового сознания. Психология боевого товарищества переходила в коллективную психологию, которая, создаваясь на заводах сырой и мощной, переходила в высшие формы в великих органах пролетарской борьбы: политических партиях и профессиональных союзах.

¹ Этой статьей, появившейся еще в 1921 г., фактически была начата в Комсомоле дискуссия о вопросах брака и половой жизни.

«Сказки» Максима Горького рисуют удивительные были итальянских стачек, где ярко видны уже чувства нового человека.

В тяжелой борьбе, в горнилах капитализма выковывалась рабочая культура и этика.

Революция взметнула наверх прежде сжатые подпольем ряды сознательного пролетариата.

Небольшое количество пролетарской культуры, оформлявшееся профессиональными революционерами, распространилось на массы.

«Надстройка» не только зеркало «базиса», но имеет и свои законы развития. Реакцией на разгул аристократии была суровая добродетельность великих буржуазных революций. Не даром одна из них проходила под гипнозом образов библии, а другая—Римской республики.

Точно так же откровенная распущенность сегодняшнего дня—протест и революционное отрицание буржуазного лицемерия.

Эта распущенность эпохи, разрушившей старые нравственные нормы, но не создавшей еще новых, захватила все слои общества.

Но для нас особенный интерес представляет психология и быт подрастающего поколения. Ясно, почему.

Наше поколение рождено Октябрем. Оно первое поколение в русской истории, не имеющее предшественников.

Дети без отцов. Оборвалась преемственная цепь русской интеллигенции.

Мы знаем, что Онегина сменил Рудин, а Рудина—База-ров, мы знаем народников-марксистов, Вересаева и наконец последнее звено—утонченные декаденты, которые под свист пуль танцуют «кэк-уок», подбрасывая ноги под самый потолок (Андрей Белый). Это поколение предчувствовало надвигающуюся революцию.

Мы, дети страшных лет России,
Пути не знаем своего.
Испепеляющие годы...

И уже у этого поколения

От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть.

Но у тех был только «ответ»; из самого пламени вышло поколение Октября.

Редкие отщепенцы-интеллигенты, люди из гущи крестьянства, рабочие, красноармейцы, отбিরавшиеся от семьи и родины—вот она новая молодежь.

Она не приняла никакого наследства и сама пробивает себе дорогу. Тяжелую печать наложила на нее солдатчина. Дав ей железную твердость и спайку, она вместе с тем приучила к «бивуачному» отношению к жизни.

Вот еще одна причина половой распушенности. А коммунистическая этика создавалась до сих пор стихийно, и ее некоторые элементы уже вошли в жизнь. Но этого слишком мало. Нужно сознательно строить новый быт и новую мораль. Несмотря на окружающее нас море враждебного мещанства, если верим в победу социальной революции, значит, знаем подземные течения, отрицающие действительность для более высоких форм.

Наши союзы мы должны обратить в ячейки коммунизма, среди вбаламученного быта переходной эпохи сделать из него то в отношении быта и психологии, чем будет государственная крупная промышленность при новой экономической политике.

Сохранить основные предпосылки коммунизма—политические и экономические и, наравне с ними, психологические—такова наша основная задача.

Отсюда вывод, что соглашательская политика, личная жизнь—частное дело, должна быть ликвидирована в Союзе, и мы должны взять курс на уничтожение ее самое.

Личный пример комитетов и контроль их над жизнью членов Союза—таков первый шаг в целом ряде практических мероприятий в долгой и трудной борьбе.

Но практическая борьба со старой психологией, этикой и бытом предполагает теоретическую разработку, ею должны заняться наши клубы и печатные органы. Нужно изучать будущее и прошлое, находя в нем материал, пригодный для нашей стройки.

В этом отношении еще ничего не сделано.

Я уверен, что если нам так много дают мысли и образы великих художников периода революционных стремлений буржуазии, если так близки нам формы якобинской диктатуры, то так же обогатит нашу этику пример людей 1793 г.

А внутренняя жизнь и переживания Софьи Перовской и Желябова, какой это неисчерпаемый родник для коммунистического перерождения.

Много есть в прошлом, что, очищенное острием пролетарской критики, становится близким и родным пролетариату.

Главное—понимание серьезности задач КСМ в этом направлении, не даром Ленин посвятил этике большую часть своей речи на III съезде РКСМ.

М. НЕЗНАМОВ

О ЗАТЕРЯННОЙ ЦЕННОСТИ

(Ответ тов. Л. Тольму)

В статье «Затерянная ценность» тов. Л. Тольм ставит вопрос о необходимости твердых этических понятий. Их в Союзе нет. И потому нередки случаи полового разврата, венерических болезней. А между тем эти принципы нужны, ибо нужно сознательно строить новый быт и «новую мораль». Но как строить? Наша беда в том, что мы—«первое поколение в русской истории, не имеющее предшественников». Мы—«дети без отцов», потому что «оборвалась преемственная цепь русской интеллигенции».

Мы сами, без наследства, по усеянной колючками дороге, волоча ноги в крови, но с железной выдержкой и электричеством в крови пробиваемся вперед.

Нужно обратиться к отцам, а то и к дедам—к Великой Французской Революции, нужно зачерпнуть живой воды из родника внутренней жизни и переживаний Софьи Перовской и Желябова, окропить себя этой животворящей влагой, и тогда коммунистическое перерождение, если оно и не совершится, то будет на грани совершения.

Его практические выводы не столь желательны. Нужен личный пример комитетов и контроль их над жизнью Союза, нужно подводить итоги опыту как прошлому, так и настоящему, и учиться строить будущее. Приблизительно таково содержание статьи Л. Тольма. Статья, несомненно, интересная, интересна не выводами, не теоретической постановкой, не логикой своих рассуждений—в этом отношении автор без зазрения совести грешит против логики и формальной, и диалектической—интересна статья темой. Тема животрепещущая. Не то, что он говорит и не как говорит, а о чем говорит—вот что заинтересовывает читателя. Тов. Тольм вплотную подошел к вопросу о половой этике. И именно в этой области он считает необходимыми твердые этические правила, «их же не

прейдени», ибо за ними начинается сфера полового разврата, половой распушенности.

Именно в этой области ведь в других «этических губерниях» дело обстоит благополучно. Рожденные Октябрем, мы не останавливаемся на полдороге, не любимся украинскими ночами, не утешаемся доступным, а молча, с суровостью старых пуритан времени английской революции (которые, кажется, так понравились Л. Тольму), с железной настойчивостью бредем вперед. Только в этой территории, в вопросе о взаимоотношениях между полами—неблагополучно. Тема, действительно, интересная. Вопрос о половой этике заинтересовал в последнее время общественное мнение нашей партии, стал актуальным в Союзе. На этом вопросе остановиться и по мере сил и возможности разобраться безусловно нужно.

Теоретическая постановка вопроса нам кажется, пусть простит тов. Толм, детской. Правда ли, что нет у нас в Союзе, по крайней мере, среди активных работников, твердых этических правил? И да и нет. Если искать такие этические правила, на основе которых можно было бы, как желает тов. Толм, сознательно строить новый быт и новую мораль, то таковых, конечно, нет. Не только нет, но и искать их, безусловно, вредно. В заоблачных высях или земных глубинах искать подземные течения, отрицающие действительность для более высоких форм, и пока что отрицать действительность, авось, подземные течения потекут по руслу Толмовских этических понятий,—значит заниматься интеллигентщиной самой чистой воды и в самом скверном смысле этого слова. А действительность такова, что никаких положительных норм в области половой этики мы не имеем. В этом вопросе мы вооружены только отрицательным критерием. Все, что в области половых взаимоотношений идет против нашей коммунистической этики, т. е. все то, что мешает нашей пролетарской борьбе, должно быть безжалостно отвергнуто. С этой точки зрения и половой разврат, вплотную подводящий к сифилису, и обывательская тина мелкого семейного уюта и комфорта одинаково вредны. И тот и другой одинаково партии и революции вредны. И сифилитик, сеющий яд физического разложения, и обыватель, духовно растлевающий боевые пролетарские ряды, опасны—должны быть выброшены из рядов. А у нас в Союзе есть не только такие, которые репили, что все дозволено и можно быть мародерами духа и тела, есть не только махновщина духа, но есть и стремление поспокойнее, поуютнее устроиться. «Столько намаялись—пора и отдохнуть». К тому и другому явлениям, с большими крайностями, представляющими собой две стороны одной и той же медали среди союзного общественного мнения, существует определенное отношение.

Нет, правда, положительных правил, не укажет их и т. Тольм, если только он не сведет своих твердых этических понятий о том, что нужно делать, к не столь твердым представлениям, чего не нужно делать.

Еще на одном моменте хотели бы мы остановиться—это на вопросе оборвавшейся цепи преемственности русской интеллигенции. «Мы — дети без отцов». Нет, простите, тов. Тольм, из того, что наше поколение рождено под знаком Октября и Октябрем вскормлено, из этого вовсе не следует, что мы—дети без отцов. Если мы рождены Октябрем, то наши отцы и старшие братья впоены кровью декабрьских дней, когда будущие жирондисты и версальцы Великой Русской Революции, во мгле будущего тумана пророчески предвидя свою будущую политическую карьеру, кидали мешанские слова: «не надо было браться за оружие».

Нам об этом незачем плакаться, незачем, отрываясь от настоящего, обрывать свою преемственную цепь и устремлять волю, мысли и желания к героическому периоду русского народничества—к Софьи Перовской и Желябову. От разночинца Белинского через героические 70-е годы к революционной социал-демократии, к большевикам—от этого наследства мы не отказываемся.

И понапрасно выругал он Потресова. Никогда он не отрицал, что крупинки новой жизни, зачатки новой психологии рождаются на фабриках и заводах при капиталистическом строе. Он только отрицал возможность создания пролетарской культуры в недрах капитализма. Это верно. Верно и то, что не в белоснежных одеяниях, а в разорванных блузах мы войдем в пролетарское царство коммунизма. Понапрасно досталось Петресову. Хотя если за то только, что он идеолог меньшевизма и выкинул из своих расчетов пролетарскую диктатуру, то оно, конечно, следует, только очень уже скучно.

Подведем итоги.

Товарищ Л. Тольм поставил вопрос о половой этике. Но он его не продумал. Его поиски новой морали, его ссылки на то, что должны же быть подземные течения, отрицающие действительность во имя более высоких форм, характерны. «Сова Минервы вылетает только ночью». А это относится не только к общественным течениям, но и к отдельным лицам.

А мы во имя подземных течений не покидаем почвы действительности. Почва эта не сухая, растрескавшаяся почва, ждущая грозы обновления. Нет, илуг революции глубоко ее вспахал, обильный дождь пролил благодатную влагу, солнце согрел землю.

УНИЧТОЖЕНИЕ СЕМЬИ

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции.

Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и оба они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые задушевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. п. Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание, они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен!—кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование, и, естественно, приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи.

Они не подозревают, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоко нравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собой разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

И. СТЕПАНОВ

ПРОБЛЕМА ПОЛА

Новые формы брака, созданные новым строем общественно-экономических отношений, должны отразиться на новых социальных учреждениях. Иначе женщина обрекается на рабство, не менее тяжелое, чем прежнее.

Мы совершенно забыли о женщине и детях. Настолько забыли, что для нас было неожиданностью, когда мы узнали, что женщины составляют всего 10 проц. членов РКП и что этот процент, несмотря на всю работу женотделов, повышается медленно.

Мы очень просто отмахнулись от досадного факта: «женская отсталость—известное дело».

И не спросили себя, делается ли все необходимое для того, чтобы преодолеть консерватизм женской психики.

Теперь мы все чаще узнаем, что среди учащейся молодежи, иногда захватывая и рабочую молодежь, складывается затхлая атмосфера, в которой начинают усиленно трактовать вопросы, казалось бы навсегда похороненные с недоброй памятью 1907 и 1908 годами, и среди этих вопросов на видное место выдвигаются пресловутые «проблемы пола».

И опять мы отделяемся психологическими объяснениями: реакция величайшего первого напряжения, некоторая упадочность, охватившая элементы, неспособные к упорной, настойчивой работе и т. д. А если хотим идти «глубже», то, воображая, будто окончательно вбиваем осиновый кол в «упадочные настроения», говорим: «обычная интеллигентская болезнь», «мелко-буржуазная психика».

И опять нам невдомек, что следовало бы оглянуться кругом и спросить себя, делается ли что-нибудь для устранения условий, возрождающих и даже вновь порождающих мелко-буржуазную психику.

Да, мы настолько забыли о женщине и детях, что совершенно не замечаем того вопиющего противоречия, в каком новые формы брака оказались с нашими социальными учреждениями.

Новый характер всех общественных отношений, новый стиль жизни, созданный еще капитализмом, а вовсе не нами, давно сделали необходимыми новые формы брака. Они характеризуются нашей свободой, отсутствием всякого принуждения, будет ли то юридическое принуждение или власть экономических отношений. В принципе мы отделили брак от экономики, в принципе мы разрушили «семейный очаг», в котором воплощалась власть экономики, независимо от юридических норм, превращавшая брак во внешне-принудительный союз и осуждавшая женщину на всестороннее рабство. Мы разрушили лицемерие семейного очага, мы сказали, что брак должен быть союзом любви, а не юридическим или экономическим вынужденным союзом. Мы сказали, что брачные связи не должны превращаться в брачные «узы», т. е. в брачные цепи, которые связывают мужа с женой, как каторжника с каторжником.

Но мы провели резолюцию о браке таким образом, что от этого выиграл только мужчина, а женщина поставлена в трагическое положение.

Конечно, наш брат может с большим красноречием говорить о новых формах брака, не без больших приятностей для себя практиковать брачный союз, хотя бы «от перекрестка до перекрестка», и ко всему тому в качестве дополнительного удовольствия считать себя выдержанным и последовательным коммунистом: не чета этим несчастным женщинам с их консервативной психикой, изуродованной тысячелетним рабством около семейного очага.

Но я глубоко понимаю, если женщина в необходимой самообороне—да, необходимой, необходимой по всем предшествующим условиям — «психологически углубляет» вопрос и начинает нести околесицу и плести канитель о «вечных проблемах пола», об «извечной борьбе между полами». И столь же понятно для меня, что пламенному поборнику новых форм брака не остается ничего иного, как продолжить преследование индивидуально-психологической области, в которую «она» хочет спрятаться. Не все, но многое в этих разговорах правильно—от мысли об общих последствиях всяких форм брака: и новых, и старых, и совсем первобытных.

В 1918—1920 годах, в эпоху «военного коммунизма», многое было у нас по-другому. Новорожденным выдавалась мануфактура, существовало детское питание, для которого выдавались не только карточки, но и продукты в более или менее сносном количестве, было не мало детских яслей, домов и приютов.

Все мы, взрослые, голодали безумно, кошмарно. Но мы по справедливости могли сказать всему миру: дети—первые привилегированные граждане нашей республики. И мы могли сказать, что вступили на путь, который ведет к действительному освобождению любви от всех привходящих, калечащих и убивающих ее элементов и, прежде всего, к действительному освобождению женщины от домашнего рабства. Мы знали, что это только первый принципиально важный, но практически очень слабый шаг к полному раскрепощению женщин. Но мы тогда помнили, что надо идти дальше, и надеялись, что скоро пойдем дальше в создании учреждений, при которых только и возможно гармоническое, красивое, человеческое, коммунистическое развитие новых форм брака.

А что происходит теперь? Не будем фальшивить, скажем прямо: женщина остается прикованной цепями к разрушенному семейному очагу, к развалинам семейного очага. Мужчина может, весело посвистывая, уйти от него, оставив женщину и ребят.

Пусть не приписывают мне пошлостей: пусть поймут так же прямо, как я пишу. Я хорошо знаю, что мужчина мог и раньше покидать и действительно покидал своих ребят на женщину: старые юридические нормы были бессильны принудительно удерживать то, что утратило корни в экономических отношениях, в строе хозяйства. И столь же хорошо знаю, что новое законодательство не столько ввело, сколько просто признало фактически легкую расторжимость браков, лицемерно прикрываемую в буржуазном обществе.

Раньше нравы требовали, чтобы отец нес свою долю тягостей по воспитанию ребенка материально, целиком обеспечивал бы его воспитание. Теперь нравы этого не требуют от отца.

Закон, который в известных случаях давал право «искать отца» и вменять к нему иск, конечно, не давал никакой защиты как-раз той женщине, которая наиболее нуждалась бы в общественной помощи, пролетарской женщине. Он нисколько не препятствовал тому, что «незаконный ребенок» часто был ступенью к проституции, в сущности даже толкал в эту сторону, идиотски различая каких-то «законных» и «незаконных» детей и рождения. Но в редких случаях и он помогал женщине, наводя на отца страх «скандала».

Возрождать этот закон было бы верхом глупости, и никто об этом не думает. Что же делать?

Положение женщины мучительное.

Она живет под гнетущим страхом, что ее брак окажется для мужчины браком «от перекрестка до перекрестка» и что

она, слабая, беспомощная, мало зарабатывающая, будет оставлена одна, с ребенком, которого надо воспитывать, или с ребенком, которого еще надо как-то родить.

Если мать обращается в ясли или детский дом, в настоящее время ей отвечают: «у этого ребенка есть мать, а мы берем круглых сирот». Они по-своему правы: конечно, в первую очередь приходится пристраивать совсем бесприютных. Но и мать по-своему права, когда она думает, что лишения, пужда, роды вконец истощили ее, что ее заработок недостаточен даже для ее собственного голодного существования, что нельзя работать и в то же время ухаживать за ребенком.

И по-своему права всякая женщина, если она внимает рассказам о молодцах, которые успели расстаться с несколькими матерями своих детей и продолжают дальше и дальше развешивать новые формы брака. И мало ее утешит, если мы скажем, что эти молодцы, хотя бы они обладали даром самого пламенного красноречия,—великие прохвосты.

Выражением морального негодования делу не поможешь. Надо глядеть в корень вещей. Надо делать, а не говорить.

Кое-что можно было бы изменить уже в самом непродолжительном времени.

Возьмем, например, нашу налоговую систему. Мы знаем, что она у нас вообще пока очень грубая, топорная, хаотическая. Главная беда—в слабости налогового аппарата. Надо скорее изменить его таким образом, чтобы сократить вред причиняемый в настоящее время.

Не только государственное, но и партийное обложение не считается с семейным положением. Если муж получает оклад, скажем, по сотому разряду, а жена по восьмидесятому, то хотя бы у них не было ни одного ребенка, каждый из них платит столько же, сколько платит единственный добытчик в семье, работник того же разряда, обремененный многочисленными детьми. Бездетная чета оказывается в самом привилегированном положении: раза в два богаче семейного человека.

Мы должны облегчить положение тех, кто несет на себе расходы по воспитанию детей, мы не должны материально поощрять тех отцов, которые всемиловитейше оставляют своих детей на шее у матери, мы не должны излишне отпугивать от семьи такими лишениями, от которых ее можно было бы освободить.

Конечно, это—крошечная мера, паллиатив. Но она все же имела бы некоторое значение. Мы скорее должны провести ее в РКП, а затем и в области общегосударственного обложения.

А затем следует вспомнить о тех коренных мерах, о тех социальных учреждениях, которые упомянуты в начале статьи. Нельзя отделиваться словами: «то была эпоха военного коммунизма, а теперь эпоха нэпа».

Во-первых, не надо так увлекаться; не надо до бесчувствия повторять: «военный, военный коммунизм»; надо помнить, что в социальных учреждениях того времени было много коммунистического и что мы отказались от них или произвели большое сокращение не потому, что это были меры исключительно военного времени, а просто потому, что у нас не было средств на их содержание.

Во-вторых, коммунистам не подобает до самозабвения уходить в нэп. Или следует постоянно помнить, что нэп — всего лишь способ систематического продвижения к коммунизму, а не способ возрождения всестороннего капиталистического варварства, до величайшего порабощения женщины включительно, и не способ превращения женщины в злополучный объект любовных наслаждений мужчины.

Надо смотреть, надо искать, надо вносить в дело коммунистическое понимание, надо действовать.

Надо помнить, что молодежь бьется в тисках противоречия между нашими принципами и нашими учреждениями. Надо помнить, что она калечится этим противоречием, что она создает благоприятную почву для затхлой постановки затхлых индивидуально-этических и «глубоких» психологических вопросов, таких, как «проблема пола» 1907 г. или проблема согласования личной жизни с общественной деятельностью и борьбой, отбрасывающей нас к первой половине девяностых годов прошлого века.

Надо не топтаться на месте и не идти назад, а продвигаться вперед: от нэпа и через нэп не к буржуазному обществу, а к коммунизму. — еще при нэпе двигаться к коммунизму.

(„Правда“ за 1923 г.)

С. СМІДОВИЧ

О ЛЮБВИ

(Посвящается нашей женской молодежи)

«Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы твердо повести борьбу с ним»—слова Владимира Ильича.

Неблагополучие в области половой жизни широких слоев нашего пролетарского юношества стало почти общим местом. Молодежь, повидимому, полагает, что самый примитивный подход к вопросам половой любви и есть подход вполне коммунистический. При этом все, что выходит за пределы примитивнейшей мерки, которая может быть вполне уместна для готтентота или для представителя еще более примитивно живущего первобытного племени, квалифицируется как «мещанство», т. е. чисто буржуазный подход к половому вопросу.

Вот коротенькая схемка того, как эта «идеология» в области полового вопроса, отнюдь не являющаяся действительным отражением глубоких экономических причин, претворяется в жизни:

1) Каждый комсомолец-рабфаковец и пр. очень еще юный, безусый мальчик может и должен удовлетворять свои половые стремления. Это почему-то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство.

2) Каждая комсомолка-рабфаковка, просто учащаяся, на которую при этом пал выбор того или другого мальчика-самца (откуда у нас на севере развились такие африканские страсти, судить не берусь), должна пойти ему навстречу; иначе она—мещанка, недостойная носить имя комсомолки, быть рабфаковкой, пролетарской студенткой.

И наконец мы подходим к развязке, к третьей части этой своеобразной «трилогии». Необходимое действующее лицо развязки—это врач, производивший «аборт», т. е. калечение физического организма юной матери и нанесение огромной травмы ее психике. Пылавший страстью юный африканец

в большинстве случаев не принимает никакого участия в этом значительном аккорде, ибо «мавр сделал свое дело». Частенько он уже имеет другой предмет утех и наслаждений, в редких случаях он сам покинут «мещанкой»-женой, которая, поняв, что от нее было нужно, оскорбленная в своих инстинктах женщины и матери, предпочитает что угодно одиночеству вдвоем. Бледное, истощенное лицо девочки, готовящейся стать матерью, с трогательным глубоким выражением глаз беременной женщины! В приемной комиссии по разрешению аборт в этих глазах вы можете прочесть не одну скорбную повесть комсомольской любви.

«Мы разрешаем аборт,—говорит товарищ, заведующий приемом заявлений на «аборты»,—когда роды грозят самому существованию матери или когда работница уже обременена слишком большой семьей. Вы не подходите ни под один из этих случаев».

Затем следует длинная, мучительная сцена упрашивания, уговаривания, доказывания всей необходимости для данного случая «сделать исключение».

— Позвольте, но ведь через два—три месяца опять придется для вас делать исключение. Если мы пойдем по этому пути, мы не удовлетворим вполне законных требований.

— Через два месяца? Что вы говорите! Я теперь больше никогда не допущу, чтобы это повторилось. Я хочу работать. Мне нужно кончить вуз. Столько сил затрачено.

— Но ведь ваш муж...

— Муж? У меня нет мужа. Это было минутное увлечение. У него сейчас—другая...

Но бывает и так, что в результате «минутного увлечения» не только зарождается, но и рождается на свет тот, имя которому человек—будущий октябренок. Что бывает в этих случаях в деревнях, хотя бы и в комсомольской среде, об этом лучше помолчать, так как косность среды, отца, матери, сестер, братьев нередко приводит юную мать на скамью подсудимых. Мы возьмем город, где предрассудки не играют такой роли и где есть учреждения охраны материнства и младенчества.

В одном из окраинных городов нашего Союза автору этих строк пришлось видеть маленькую девочку с наперсточек, попавшую в дом младенца при не совсем обычных условиях. Она родилась у рабфаковки-комсомолки, которая более или менее незаметно для себя и окружающих доносила ее, а, родив в родильном доме, заявила, что родившийся от нее ребенок не ее и что она никакого ребенка на свет не производила?! Но вещественное доказательство в виде копошившегося маленького комочка жизни и свидетели акта рождения ребенка в виде врача и акушерки были налицо. Из родильного дома

подруги родившей унесли маленький комочек высоко организованной матери в дом младенца, а мать «уговорили» походить туда, покормить его, хотя бы первое время. Нужно полагать, что здесь мы имеем случай, когда рабфаковка-комсомолка в корень освободилась от менщанства под влиянием усиленной пропаганды своих товарищей. Тайнственный незнакомец—отец ребенка—во всей истории никак не фигурировал, играя однако в ней не последнюю роль наподобие роковой силы в греческой трагедии.

Дом, в котором находится этот рожденный не только без отца, но и без матери октябренок, переполнен подкидышами и круглыми сиротами. Подругам отказавшейся от своего ребенка матери пришлось упрашивать, умаливать сделать исключение охрану матмлада, женотдел и проч. и т. п.

Наша охрана матмлада по тем небольшим средствам, которыми она обладает, не может воспитать тех, кто имеет отцов и матерей. Ее учреждения закрытого типа не могут вместить и круглых сирот. Разве все это новость для отцов и матерей, рассчитывающих немедленно по рождении сдать своего ребенка на попечение государства? Для нашего переходного времени охрана матмлада ни в коей мере не разрешает вопроса о последствии деторождения. Всевозможные бумаги, просьба сделать для того или другого ребенка или, вернее, для их родителей исключение—конечно, все это никуда не годится и ни в коем случае не является выходом из положения. Но когда ничего не действует, тогда, повидимому, голова начинает работать как-то совсем по-особенному! Так, например, как-то недавно в одном из центральных городов Союза к заведующей охраной матмлада в приемную вкатили два бравых рабфаковца с категорическим требованием принять на воспитание их коллективного ребенка. «То-есть как это?» удивилась заведующая охраной матмлада, врач, не позабывшая еще элементов физиологии. «Ну, да,—взволнованно заявляют рабфаковцы,—мы оба являемся отцами этого ребенка, так как оба одновременно были в половой связи с его матерью». «Коллективный» ребенок, вопреки всем законам природы, произведенный на свет не одним, а двумя отцами,—это настолько звучало по... коммунистически, случай был такой исключительный, а напор на этот раз не одного, а двух отцов был так внушителен, что... «пришлось принять: ну, что же с ними поделаешь».

Но ведь телята о двух головах рождаются слишком редко, и не всякая выдумка помогает выйти из положения. Вся тяжесть содержания ребенка и забота о нем в 95 случаях из 100 ложатся на плечи матери, покинутой отцом ребенка. Ну, а если даже отец захочет принять участие в содержании

ребенка, то разве этим все сказано? Сколько невероятных трудностей должна взять на себя молодая мать, чтобы вскормить и воспитать новорожденного. Она должна будет на долгое время распрощаться с учением, если она учащаяся, с активной работой в организации, если она общественный работник. Ей придется отстать от общей работы, отстать от жизни. Хочет она этого? Разве женщина так же, как и мужчина, не имеет полного права планировать свою жизнь? Сходиться и рожать, когда и с кем захочет этого сама, а не опрометчиво поддаваясь натиску фразы о мещанстве воздержания и прочей чепуховине, которой мужская молодежь, сама того не подозревая, прикрывает свою половую распущенность, расцветающую пышным цветом на почве безответственности за вытекающие отсюда последствия.

Безответственная фразеология! Вот что такое все эти разговоры о том, что воздержание—мещанство, что юноше пужно удовлетворять чуть ли не с пятнадцати лет свои половые инстинкты, иначе, видите ли, будет плохо его драгоценному здоровью и нанесен непоправимый ущерб его работоспособности!

Кто-то слышал звон, ну, а откуда он, не знает!

Французский буржуа не желает иметь больше двух детей, так как иначе он не может достаточно хорошо их обеспечить после смерти. Но разве это значит, что он воздерживается? Нисколько! К его услугам, во-первых, все самые новейшие презервативы, во-вторых, дома терпимости с врачебными осмотрами и прочим, и т. п., и наконец он может производить на свет сколько ему угодно «незаконных» детей, так как они, по его буржуазным законам, не должны наследовать его имущество. Кто сказал, что мещанин воздерживается, когда он-то первый и выдумал бессмысленную чепуху о том, что воздержание вредно? Разве не для него его мамаша нанимала красивую горничную, чтобы он не заболел и не потерял своей «работоспособности», учась на инженера, пока, окончив курс, не женится на богатой невесте с хорошим приданым из его среды? Вот отношение к половому вопросу. Этот-то мещанин и является прототином того, что наблюдается в жизни нашей молодежи.

«Нет, какая же она жена, я просто временно с ней «сошелся». Женюсь я на такой женщине, которая будет меня удовлетворять как человек, друг, товарищ». Но какое же право вы имеете так относиться к этой женщине! Такая же рабфаковка, как и вы, комсомолка... «Ну, что же теперь прикажете, к проституткам итти?»

Слушайте, слушайте, товарищи женщины! Все эти слова подслушаны у жизни. Здесь нет ни одного слова вымысла.

Формы брака всегда соответствуют данной ступени экономического развития общества. Полигамия или, вернее, беспорядочные половые отношения, свойственные первобытному коммунизму, отнюдь не соответствуют нашему строю общества. В этой области, повидимому, произошел временный разрыв между экономической основой и идеологической надстройкой. Советское законодательство, конечно, учитывает наше экономическое развитие, упорядочивая брачные взаимоотношения посредством законов, которые защищают интересы матери и ребенка, давая им всяческие гарантии в смысле отыскивания отцовства и проч. и т. п.

В. И. Ленин, говоря от Октябрьской революции, которая подрезала корни угнетения и неравенства женщины так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия, ни одна революция в мире, первый шаг к освобождению женщины видит в том, что особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено соввластью полностью. Равенство брачующихся по отношению к ребенку предполагает прежде всего равенство в заботах о нем. До тех пор, пока не будет у государства возможности взять на себя всю заботу о каждом ребенке Союза,—ответственность отца за воспитание ребенка не может отмереть. Мещанством как-раз следует квалифицировать индивидуалистический подход к вопросам, связанным с деторождением, стихийное, почти мистическое отношение к половому влечению, совершенно якобы не поддающемуся никакой регуляции. На заре юности, да еще когда голова занята работой, а тело тренируется физкультурой, при том условии, что наше пролетарское юношество абсолютно не может пожаловаться на сверхпитание и изнеженность организма с детства, откуда эта упадочность? Ведь на животных клеветают, будто бы они особенно невоздержанны. Самое невоздержанное животное—это буржуа, давший волю всему своему прогнившему естеству. Отношение к женщине, как к самке, которая должна служить орудием наслаждений для своего господина, это—последие неизжитого еще нами прошлого. Новая, высшая ступень взаимоотношений мужчины и женщины—это не буржуазная семья с устойчивостью ее форм, базирующейся на институте частной собственности, а свободный союз равноправных людей, одинаково несущих перед лицом всего общества ответственность за рождающихся от этого союза детей, которых государство долго будет еще не в силах взять на свой кошт. Союз этот предполагает совершенно другое отношение к женщине, чем то, которое досталось нам в наследство от буржуазии. Материнство в нашем обществе—это функция общественная. Калечение организма матери преждевременными родами, абортами и про-

чее—общественно вредное дело. Специальные заботы государства о женщине, как о воспроизводительнице рода, только тогда будут базироваться на реальном основании, когда весь коллектив в целом проникнется важностью этой задачи. Легкое отношение к вопросам пола, стремление поставить вопрос так, как будто бы дело идет только об удовлетворении инстинкта, это—мещанство, которое недостойно нашей коммунистической молодежи!

(„Правда“, 24 марта 1925 г.)

А. КАКТЫНЬ

ПРОБЛЕМА ПОЛА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В последнее время проблема пола привлекает исключительное внимание особенно со стороны молодежи. Появился ряд статей, прочитано не мало докладов и лекций на эту злободневную тему. Вопрос бесспорно стоит остро и выдвинут своевременно.

В чем его острота? В тех извращениях в отношениях полов, о которых сигнализируют многие наблюдатели нашей социальной жизни и быта. Эти извращения местами принимают характер чуть ли не социальных эпидемий, охватывающих широкие круги рабоче-крестьянской молодежи. Нельзя не признать, что и старого поколения касаются те же недуги, но под углом зрения нашего развития и роста нас интересует преимущественно молодежь, как носительница нашего будущего.

Многие из товарищей, еще раньше указывавшие на эти извращения, и в последнее время т. Смидович в своей статье «О любви» в «Правде», правильно обрисовывая и характеризую самую болезнь, недостаточно углубляются в изучение ее причин и тем самым не дают правильного метода ее лечения. Мы при таком общем и поверхностном подходе к явлению рискуем склониться к чисто моральной точке зрения на вопрос и отделаться лишь парой окриков и резких фраз по адресу чрезмерно увлекающейся молодежи и той «безответственной фразеологии» и «зловредной пропаганды», какие господствуют в ее среде в отношении проблемы пола и которым якобы особенно подчинена более слабая и беззащитная женщина-комсомолка. Но вряд ли одним подобным морализированием можно исчерпать всю эту сложную из сложных проблем нашей общественной жизни.

Как марксисты, мы не можем согласиться только с таким подходом. Мы отдаем должное товарищам за самую постановку вопроса, за открытое, подчас жестокое обнажение ран,

за прямую большевистскую постановку вопроса в смысле общего принципиального подхода к проблеме пола. Этого общепринципиального подхода мы и не будем касаться, поскольку он еще давно формулирован основоположниками материалистической социологии. Нас интересует вопрос в его конкретной современной постановке. Для этого необходимо произвести самый хотя бы грубый анализ, чтобы правильно установить действительные причины тех болезненных извращений в сфере половой жизни молодежи, о которых говорит целый ряд свидетелей.

От чего происходят указанные извращения?

Следует ли думать, что молодежь наша больна физиологически и психологически, настолько извращена, что это — естественный продукт ее разложения и упадка? Или что это — порождение той анархии взглядов и мыслей, того атеистического безначалия, какое мнится почтенному буржуа или его идейному проституту — какому-либо ученому филистеру в самом учении марксизма и ленинизма во всей его концепции в целом? Что это, по мнению таких филистеров, в порядке вещей для социалистического общества, что оно в своем развитии несет в себе зародыши полного духовного разложения и величайшего разврата в области половой жизни, при полной атрофии всяких сдерживающих центров?

На всем этом мы можем задерживаться меньше всего. Жизнь будущего общества и его отношение к половой проблеме достаточно разработаны теоретиками марксизма. Практически, в области того конкретного исторического опыта, который мы производим впервые в таком масштабе в истории человечества, достаточно даже беглого взгляда на состояние и жизнь нашей молодежи, чтобы все эти вопросы снять с очереди, оставив их досугу отбросов буржуазного мира, которые сами давно безнадежно запутались в проблеме пола, разрешая ее практически в четырех стенах секретных кабинетов содержимых ими же домов терпимости. Молодежь наша настолько в основе своей здорова, настолько быстро развивается духовно и физически, настолько быстро нагоняет в отношении культуры и знаний упущенное предыдущими поколениями за десятилетия темнейшей реакции феодализма, что нам опасаться за ее дальнейшее прогрессивное развитие совершенно не приходится. Мещанскому ханжеству в вопросах пола она уже теперь противопоставляет открытый, прямой, научно-социологический, марксистский подход к проблеме. Там, где филистеры капиталистического мира стыдливо спускают занавес благочестия, целомудрия и сверхклассовой этики, наша молодежь безбоязненно раздирает покровы секрета, мистики, всех и всяческих измышлений, ставя вопрос под углом зрения

классовой борьбы. Извращения половые в среде нашей молодежи потому-то так бросаются в глаза и привлекают общее внимание, что о них не молчат, что их преступно не прикрывают, что их сами же обнажают, отбрасывая пошлый мещанский стыд и трепетное «благочестие» при подходе к этим вопросам. Одно можно сказать с полной определенностью: как ни велики половые извращения в среде молодежи, они в десятки раз уступают тем оргиям, тому разврату, тому садизму, «уссасизму» и прочим крайним извращениям, какими безнадежно заражен умирающий капиталистический мир. Даже больший процент у нас сифилитиков и венериков вообще по сравнению с буржуазными странами отнюдь еще не свидетельствует о больших половых извращениях: это свидетельствует лишь о несравненно более слабой нашей медицине, борющейся у нас с этими болезнями во много раз слабее, чем это делают там «чистоплотные» содержатели публичных домов и изобретатели всяких предохранительных средств для дорожащих своим «драгоценнейшим» здоровьем развратных мещан и буржуа.

Однако факта половых извращений в нашей среде мы все же не отрицаем, напротив, подтверждаем его, сигнализируем о нем, кричим даже о нем. Следовательно, его нужно объяснить.

В чем прямые причины наблюдаемых излишеств в половой жизни молодежи, того своеобразного полового анархизма, которым она в значительной части идейно проникнута, который под видом «безответственной фразеологии и пропаганды» бичует тов. Смидович? Она старается объяснить подобные излишества для буржуазии ленью, хорошей, чрезмерно сытой жизнью буржуа и мещанина, тем, что он попросту «с жиру боится». Если для сытого буржуа и мещанина с заплывшими мозгами это в значительной степени и верно, то для нашей рабочей и пролетарской молодежи подобное объяснение, конечно, не подходит. Напротив, она все еще бедствует, терпит лишения, материально не обеспечена, работает через меру. Тут-то и кроется первая причина—усталость, лишения, изматывание нервов в возрасте, когда созревающему организму должно даваться, напротив, больше свободы, отдыха, спорта, других здоровых развлечений и т. д., чем ему у нас дается при всем развитии у нас физкультуры, искусства и т. д. Организм, не находя выхода своим естественно здоровым устремлениям, направляет их по другому свободному руслу—по линии сексуальной. Это—извращения, выявленные в противоположность излишествам лишениями, систематическим перенапряжением, изнурением молодого организма, не находящего себе достаточных наслаждений в спорте, физкультуре,

в свободной творческой игре фантазии, ума и др. здоровых развлечениях, за недостатком здоровья, сил, времени.

Органический ли это однако порок, или временный, порожденный условиями, обстановкой, переходным временем?

В известной мере— нельзя того отрицать—порок имеет органические корни, он кроется в унаследованных напей молодежи болезнях прежних поколений, могущих быть изжитыми в здоровых условиях лишь через ряд поколений. Сколько из этих болезней вызвало каторжными условиями труда прежних поколений рабочих и крестьян, скверным питанием, антисанитарными жилищами и т. д., и т. д. Широко распространенный среди нашего поколения туберкулез, сифилис, ряд других болезней относятся всецело к этой категории. Увлияются ли они однако признаками упадка и разложения? Нет, конечно. Это — болезни, свидетельствующие о насильственной задержке здорового роста здоровых в основе своей народных масс. Мы их теперь изживаем, хотя и за недостатком средств, сил и организации крайне еще медленно.

В главной же своей части сексуальные извращения в среде нашей молодежи объясняются условиями внешними, преходящими, созданными обстановкой революции, гражданской войны и тяжелого первоначального хозяйственного под'ема разрушенной войной страны. Вся страна и рабочий класс в особенности перенесли во время гражданской войны величайшие лишения и муки голода и холода. До сих пор материальное положение рабочего и крестьянина еще даже не достигло более чем скромных довоенных пределов. Естественно, что лишения эти выпадали не в меньшей мере и на долю подрастающей молодежи, особенно тех поколений, которые находились в этот период в самой середине своего роста, т. е. тогдашних возрастов от 10 до 15 лет, являющихся теперь поколением молодежи от 18 до 23 лет. Государство даже и сейчас еще не настолько окрепло, чтобы в достаточной степени материально обеспечить нужды вузовцев, которые в большинстве своем комплектуются из этого же поколения. Нехватает средств и на более ранние возрасты вплоть до удовлетворения самых насущных нужд по охране матмлада.

Детям с первых лет школы до ее окончания, а то и прямо поступаая с детства на работу, приходится переносить чрезмерные тяжести: приходится сплошь учиться работая, работать учась, перегружая себя сверх сил, изнемогая от напряжения. Это и влечет за собой ряд извращений в половых отношениях.

Не малую долю извращенности следует отнести и за счет той необычайной революционной встряски, тех исключительных по своей глубине и интенсивности переживаний, которые

вместе с революцией пришлось на долю подраставшей в эти годы молодежи и детей старших возрастов. Молодежь, хотя и напивалась до того новыми идеями, новыми взглядами на жизнь, претерпела все же в революции не малый психологический излом, соответствующий тем коренным переменам, какие внесла во всю нашу жизнь, в экономику и быт Великая Революция.

Наконец, на ряду со сказанным, крупная причина, одна из важнейших—это воспитание нашей молодежи. Вот зеркало, в которое надо посмотреть самим нам, представителям более старых поколений, чтобы увидеть в нем лицо молодежи. Ведь воспитываем-то мы ее сами пеняющие, да по своему же образу и подобию воспитываем мы ее. А как воспитываем? Плохо пока воспитываем. Сами мы насквозь еще проникнуты вместе с отмирающей старой интеллигенцией буржуазными и мещанскими взглядами на половые отношения, и взгляды эти незаметно для себя передаем на каждом шагу молодежи. Откуда эта извращенность самих представлений о любви половой, о ее причинах и целях, о физиологическом и социальном значении этой важнейшей жизненной функции? Откуда превращение ее в предмет наслаждений, в предмет сильных переживаний, абстрагирование ее от реального ее естества в какое-то фантастическое психологическое переживание, чуть ли не граничащее с мистикой аскетизма, только взятой, верх ногами, на изнанку? Да оттуда же, из того же заплесневевшего кладеза буржуазно-мещанской добродетели, нравственности, морали, из которого мы сами черпали их вместе с нашим воспитанием. Нечего далеко искать. Ведь половой извращенности не меньше, а, пожалуй, больше среди самого старого поколения: разница только в том, что молодежь делает это открыто, прямо, стараясь прикрыть эти извращения какой-то идеологией своеобразного полового анархизма, старики же делают то же самое сплошь и рядом по-мещански, прикрывая свои любовные увлечения видимостью добродетели, внушая подчас своим детям старые басни об аистах, непорочных зачатиях и т. п. пустяках. Пусть в передовой коммунистической среде такие явления более редки, зато мало ли этого в более отсталой омещанивающейся среде рабочих, городской обывательщины, интеллигенции и т. д. А кто учителя в конце концов? Мало ли и среди них старых извращенных взглядов на проблемы пола, мало ли среди нашей передовой интеллигенции извращенных представлений о будущей социалистической полигамии, как о каком-то сплошном, необузданном порыве похотливости, удовлетворении извращенных половых инстинктов и т. д., и т. п. Воспитание по части половых вопросов должно быть революционизировано в сильнейшей сте-

пени: вместо пошлых сказок и притчей мы должны детям с ранних лет открывать без всяких похотливых порнографических извращений механизм размножения, оплодотворения, развития живых организмов, начиная с первичной клетки и кончая высшими растительными и животными организмами. Здоровое, рациональное воспитание должно предупредить извращенные внушения детям, идущие от старших, в свою очередь развращенных более старшими. Кто же этого не знает? Но воспитатели наши недостаточно, на наш взгляд, учитывают весь вред подобного самовоспитания молодежи, чтобы противопоставить ему более здоровый метод воспитания в духе материализма.

На ряду с этим следует подчеркнуть другую отрицательную сторону нашей системы воспитания и образования—это чрезмерную перенагрузку молодежи. Система эта чересчур упрощенно копирует классицизм, универсализм и энциклопедизм старой русской школы времен еще Толстого и Александра II. Нельзя же, в самом деле, продолжать попрежнему: создавая специалистов-практиков по хозяйству и другим областям прикладного знания, пичкать их все тем же универсализмом, какой нужен был прежним барским сынкам, ненуждавшимся как-раз в «специальности». Нам нужно и в этом отношении революционно рационализировать нашу систему воспитания и образования, чтобы не калечить с ранних лет нашей молодежи. Конечно, этим не сказано, что нам не нужно универсальных знаний, не нужно даже теории, как это утверждают некоторые чрезмерные практики. Напротив, нужна и теория, но нужно уметь ее сочетать с прикладными науками, не нагружая одних и тех же людей и тем и другим в чрезмерных дозах. Нужна большая специализация в высшем образовании, давая, быть может, больше универсального образования на ранних ступенях через Комсомол, партию, самообразование и т. д.

На ряду со сказанным следует учесть и ту «безответственную фразеологию и пропаганду» полового анархизма, безответственности, абсолютной свободы, которая наблюдается в среде молодежи, в комсомольских ячейках не только городских, но в особенности и деревенских. Этакое пустое бахвальство, бравирование сексуальными чрезмерностями, этакая ноздревщина по этой части, конечно, не чужда и нашему поколению. Но это в сущности лишь надстройка, а не основная причина. Это идеология, оправдывающая излишества, причина которых лежит в других, более глубоких областях.

Кроме того, нельзя не признать, что как-раз за последнее время, по мере того, как жизнь наша более или менее «стабилизируется» и поколения революции, уходящие на тяжелую

повседневную работу, начинают постепенно замещаться снизу новыми слоями уже пореволюционной детворы, эта фразеология бравирования, пропаганда начинают понемногу изжигаться, что особенно заметно в среде городского Комсомола, в частности вузовцев.

Можно без большого риска ошибиться предсказывать, что новое поколение молодежи, выросшее всецело в пореволюционной обстановке, закаленное физически, со здоровыми нервами, несомненно, будет отрицательно относиться к подобным упадочным настроениям. Вопрос только в том, когда мы получим такое поколение и не помешает ли его возрастанию какая-либо новая политическая встряска, война, например, революция в какой-либо крупно-капиталистической стране. Мы имеем сейчас детей от 8 до, примерно, 15-летнего возраста, выросших всецело в наиболее важный и ответственный период складывания их психологии, уже в условиях революции. Но лишь до 7—8 лет мы имеем возраст, не переносивший ни голода, ни холода тяжелых лет гражданской войны и первых лет нэпа. Нам же нужно дожидаться возрастов до 19—20 лет, что будет лишь лет через 10—12. И то полного изживания всяких извращений мы не получим сразу, а по мере того, как будем улучшать материальные условия трудящихся и революционизируем методы воспитания.

В порядке оценки неоспоримой идеологической причины половых извращений тов. Смидович переносит большую долю ответственности за них на мужскую половину нашей молодежи, выгораживая всячески ее женскую часть, как более слабую, податливую и т. д. по отношению к мужской.

Все же не следует изображать в столь пассивной роли женскую молодежь. Вряд ли сами комсомолки согласятся с такой исключительно «страдательной» функцией, какая им приписывается. Учитывая в полной мере материальную и в значительной еще степени и духовную несамостоятельность современной женщины, все же не следует доводить дело до карикатурного изображения женщины, как всецело поддающейся любому внушению мужчины, не могущей создать своей здоровой идеологии в противовес его мещанской идеологии, поддающейся некоему духовному насилию с его стороны и вступающей вопреки своему желанию с ним в связь, боясь, как бы в противном случае ее не обозвали «мещанкой». Вряд ли можно так упрощенно толковать и изображать современную комсомолку, особенно городскую, из пролетарской среды, сильно выросшую за годы революции и проникшую марксистской идеологией и взглядами. Это может быть еще в известной мере отнесено к деревенской комсомолке, живущей и растущей в несколько иной среде, да и то с натяжкой. Наша совре-

менная женская молодежь, особенно учащаяся, все же материально и идейно поставлена в условия, в которых растет и созревает та действительная «эмансипация» женщины, о которой столько кричала буржуазная интеллигенция, но для которой буржуазия неспособна была создать хоть минимальные предпосылки. Она, эта эмансипация, очень и очень далека еще от желательного, ей же следует долго расти и зреть, но все же она в известной степени уже выросла и нашла свое отражение во взглядах и практике жизни современной молодежи.

Вот почему не следует ставить вопрос исключительно в плоскость идейного и материального давления, внушения, насилия одного пола над другим, а на ряду с этой причиной, несомненно имеющей место, искать более глубоких первопричин описываемого болезненного явления.

Все сказанное дает нам ответ на основной вопрос о причинах констатированной нами социальной болезни. Установив причины, мы можем из этого уже делать соответствующие практические выводы о методах лечения. Тогда будет у нас меньше морализирования и больше здорового реального подхода. На ряду с дальнейшим энергичным подъемом нашего благосостояния и усилением забот о подрастающем поколении со стороны государства, особенно по линии матмлада, необходим ряд практических организационных и методологических мероприятий в отношении воспитания молодежи. Это — ближайшие, зависящие от нас меры к лечению современных социальных болезней пола.

(«Правда» 1925 г.)

ИЗ ОТЗЫВОВ ЧИТАТЕЛЕЙ „ПРАВДЫ“ НА СТАТЬЮ ТОВ. СМИДОВИЧ „О ЛЮБВИ“

Большинство авторов высказалось о причинах ненормальных явлений в области половой жизни нашей молодежи, указывая на тяжелые и ненормальные бытовые условия, на перегруженность молодежи и неурегулированность ее работы, на критическое положение жилищного вопроса в рабфаковских и вузовских общежитиях, на неудовлетворительную организацию яслей и т. д. В конечном итоге все они приходят к тому выводу, что корень всего зла надо искать в тяжелых экономических условиях жизни молодежи.

Из множества отзывов здесь приводим лишь те, которые освещают вопрос с новой стороны или же выставляют более или менее новые практические предложения.

Так, например, тов. С е д ы х пишет:

«Острота полового вопроса, половые извращения, идеологическое перерождение на этой почве, в частности то, про которое пишет тов. Смидович, наблюдается не в комсомольской, а в вузовской среде, где преобладающим возрастом является возраст 23—26 лет. И дело не в «африканских страстях», а в том, что эта часть молодежи поставлена в такие условия, в которых она не может разрешать половой вопрос естественным нормальным путем—деторождением.

Отсюда аборт, отсюда извращение коммунистических понятий о половых отношениях, отсюда самоубийства и т. д.»

Тов. Г. Кузнецов и Е. Сергеева указывают на тяжелые препятствия, которые приходится преодолевать матерям-рабфаковкам.

«Если беременна работница или крестьянка, это для всех—нормальное явление. Беременная же рабфаковка-студентка—явление особенное, необыкновенное в настоящее время. Общественное мнение настроено так:

а) «безусый юный мальчик» открыто хохочет над беременностью студентки;

б) вторая группа молодежи, представляя себя на месте беременной студентки, с напряженным вниманием следит за состоянием данной пары и вместе с ней переживает ее радости и печали;

в) президиум, ячейка и другие общественные организации начинают коситься и становятся, неизвестно почему, строже к беременной, чем ко всем прочим;

г) высшие инстанции с досадой читают нотации, считая, что данный экземпляр взятся не за свое дело; у них господствует странный взгляд по отношению к студентке-матери, в каком бы возрасте она ни была: «или учиться, или рожать»...

Работница-мать пользуется заботами государства. Она получает 4-месячный отпуск, получает пособие на кормление ребенка и т. п. Всего этого нет у матери-рабфаковки, она находится в обратном положении.

Эти исключительные условия и являются причиной того, что «бравые рабфаковцы» частенько осаждают учреждения охраны матмлада. Но надо полагать, что в будущем в связи с улучшением материального положения учащихся, с расширением сети яслей и пр. эти налеты сильно уменьшатся».

Подводя итоги всему изложенному, авторы еще раз подчеркивают необходимость «решительного осуждения и изменения нынешнего отношения к беременной комсомолке, студентке и проч. со стороны наших административных и общественных организаций».

Тов. И. Ч—ов считает неправильной обычную постановку вопроса о семье.

«Рассуждают товарищи, примерно, следующим образом: при «старом быте», скажем, была «старая семья», при «новом быте» должна быть «новая семья», и так как на деле каждый шаг в сторону нового быта приводит не к «новой семье», а к «беспорядку» и «анархии» в области половых отношений, то надо найти причины этого явления и устранить их. Но ведь «новый быт» тем и отличается от старого, что в нем... вовсе не должно быть никакой семьи, ни новой, ни старой. Что же остается тут от всех «причин», мешающих якобы созданию «новой семьи»? Если вышеупомянутые товарищи начнут искать реальную почву для такой своей хорошей семьи, то найдут они ее, пожалуй, только в деревне, где самый характер мелкого, наполовину еще натурального хозяйства является основой, на которой может строиться прочная семья в виде особого трудового коллектива. В городе же, вопреки всяким «нравственным» и «моральным» окрикам

возмущенных товарищей, семья рассыпается прямо у нас на глазах и будет рассыпаться чем дальше, тем быстрее. «Анархия в половых отношениях» все более ширится и притом не только у нас, а и везде, где налицо современная культура большого города, а иллюстрацией к разговорам о «государственной необходимости» в области деторождения может служить волна абортот, с которой не могут справиться учреждения Наркомздрова.

Взывать в таких условиях к «воздержанию»—бесплодная трата слов, бумаги и типографской краски. Потребности человека («естественные» или «привитые», безразлично) никакой агитацией не сломишь. И тут надо, раз навсегда отказавшись от ломки их, найти способ удовлетворения этих потребностей с наименьшим вредом для общества и отдельных его членов».

Автор призывает поменьше «воздерживаться» от обсуждения полового вопроса.

Подобные же взгляды развивает и тов. М. Б р у д н ы й.

«Какой у нас строй? Строй систематического разрушения частной собственности. От него и все качества. В отношении к семье это означает систематическое разрушение основы семьи. Современные половые отношения не что иное, как глубокое отражение экономических процессов в нашей стране. Современный быт молодежи—это революционная ломка половых отношений, возникших на основе частной собственности. И кто знает, быть может, в безразличности к коллективному ребенку выявляется бессознательный протест именно этой ущемленной частной собственности. Мещанкой в глазах молодежи является не просто девушка «воздерживающаяся», а та, которая губит молодость во имя предрассудков прошлого, хранит себя для мужа-собственника. Противникам нового быта карты в руки, у них ряд козырей, почерпнутых в хозяйственной бедности нашей страны. Но надо твердо запомнить, что бедность—не основа нового быта, и в той мере, в какой мы бедны, мы ограничиваем его поступательное движение. Недостаточное количество яслей вынуждает нас уступать старому. Но уступки не должны фетишизироваться и возводиться в программу».

Комсомольцы Н. Терентьев и Я. Заферман выступают против обвинений молодежи в упадочности.

«Все наши недостатки, в том числе и наша неразбериха в половом процессе, совсем другого качества и ничего общего с упадочностью не имеют. Ничего общего не имеют они также с «африканской страстью» и с «примитивным подходом, который достоин готтентота». Скорей можно сказать, что именно

такое объяснение. такая оценка и есть крайне примитивный подход к вопросу.

Никто не сомневается, что в нашей среде нет еще даже приблизительно коммунистических отношений между парнями и девушками, что эти отношения теперь представляют груды обломков. Но в том и заслуга наша, что мы старые понятия превратили в груды обломков. Правда, горшки с мещанской моралью и поповщиной мы разбивали с таким ожесточением, что из этого битья вышли сами немножко побитыми. Но было бы грубой ошибкой забывать революционную роль так называемой распушенности. В первые годы революции надо было не просто бороться с мещанством, а издеваться над ним, надо было во всем противопоставлять себя старому, делать «все наоборот», часто не считаясь с тем, насколько это соответствует идеалам будущего.

В старину хорошим тоном считались скромность девушки, ее способность краснеть от малейшего намека. А в первые годы революции, наоборот, хорошим тоном была бойкость, свободное поведение и некоторая распоясанность. Вообще говоря, нехороша эта распоясанность, но ведь это же переходная ступень, которую перескочить нельзя; только опершись на нее, можно подняться на следующую ступень. Возьмем для примера «распушенность» рабочих, которые плохо работают, бастуют и всячески причиняют неприятность своим хозяевам. Никто не скажет, это это образец будущего коммунистического производства. Но без этой стадии так называемой распушенности рабочих мы никогда не дошли бы до действительно коммунистического производства; в известный период «распушенность» рабочих—революционный фактор.

В области правовых норм у нас господствовали принципы революционной совести — в противоположность лицемерной законности буржуазии. Теперь же у нас быстро устанавливается переход к революционной законности. Так же необходим и в области половых отношений переход, если можно так выразиться, к революционно-законному браку. Мы признаем не меньше, чем тов. Смидович, что этот переход вполне своевременен, признаем, что мы даже немножко запоздали. — надо торопиться, чтобы наши вчерашние достоинства перестали быть сегодняшними недостатками. Но не следует говорить жалких слов. Не говорим же мы, что принципы революционной совести, когда судили, казнили и миловали без статей кодекса, были принципами, «достойными примитивного готтентота», — как выражается тов. Смидович, — разгулом «африканских страстей», «упалочности» и т. д.

Авторы призывают молодежь к ликвидации уже пережившего себя «художественного беспорядка» в области половых отношений.

«Прежде всего надо покончить с укоренившимся взглядом, что, дескать, «парень выполняет свои комсомольские обязанности, а его любовные дела нас не касаются». Пора на деле признать, что достойное поведение в быту есть тоже ответственная комсомольская обязанность, как и его политическое поведение. Нарушение этики на деле надо рассматривать, как нарушение устава и других обязанностей комсомольца».

Тов. Виктор Колкий видит выход в «половой грамотности» и пропаганде примером.

«Дать половую грамотность молодежи!» Таков ответ.

«Пора покончить с кустарничеством в этом вопросе».

Партия может и должна дать задания марксистам: биологам, медикам, философам, экономистам, педагогам, литераторам и т. д. всесторонне разработать половую проблему, дать соответствующие руководящие указания нашей молодежи в рамках хотя бы еще неоформленной партийной этики.

Но одной половой грамотности еще недостаточно. Лучшая пропаганда, проведенная устно и в печати, окажется проведенной впустую, если столкнется с прямо противоположной пропагандой действием.

Неувязка между словом и делом в этом вопросе означает подрыв доверия и авторитета партии и Комсомола в массах. Требуется разработка целого ряда партийных и комсомольских мероприятий, направленных против сидящего в нашем брате-мужчине эксплуататора, которого нельзя убить, но которого можно и нужно перевоспитать.

ЦКК и Наркомюсту нужно также внести соответствующие поправки в статьях о мерах наказания за эксплуатацию женщины, усилив меры принуждения там, где не помогают методы убеждения».

Врач Боржец полагает, что «главнейшей проблемой является вопрос об абортах и предупреждении зачатия».

«Преждевременные половые сношения безусловно вредно отражаются на организме человека. Но в то же время является несомненным, что во многих случаях слишком длительное половое воздержание угнетающим образом действует на психику и понижает работоспособность. Значит, необходимы меры против зачатия и, как резерв к ним, аборт».

Исходя из этих положений, автор предлагает такое решение вопроса.

«1) Специалисты после коллективного рассмотрения мер против зачатия, до сего времени практиковавшихся, в кратчайший срок издадут брошюру с рекомендацией наилучших из них. Свою работу в этой области они не прекращают до изыскания вполне удовлетворительных мер.

2) Советская власть широко распространяет эту брошюру прежде всего там, где наиболее неблагополучно в этом отношении,—среди пролетарской молодежи

3) Специалисты хотя бы схематически устанавливают минимальный возраст для начала половых сношений, широко пропагандируя в то же время необходимость, если это возможно, предварительного медосмотра.

4) В школах 2-й ступени на уроках гигиены должны обсуждаться вопросы половой жизни; так как в этом возрасте рекомендуется половое воздержание, то здесь говорить о мерах против зачатия неуместно.

5) В советских амбулаториях необходимо учредить гинекологические кабинеты для девушек во главе с женщиной-врачом, к которой девушки могли бы, не стесняясь, обращаться по всем интимным вопросам, касающимся наступающей половой зрелости».

Тов. Элик предлагает искать выход в общественном воспитании детей. Средства для этого нужно во что бы то ни стало найти. На помощь должно прийти законодательство.

«Первым законом в гражданском кодексе должен быть закон о том, что каждый гражданин СССР (мужчина или женщина), достигший известного возраста (22—25 до 50—60 лет), обязан принимать участие в воспитании детей, уплачивая прогрессивно-подходящий детский налог в размере не менее 2—3 проц. фактического заработка. От налога освобождаются лишь имеющие при себе не менее 2 детей, безработные и зарабатывающие менее 30 руб. в месяц. Имеющие при себе одного ребенка уплачивают только половину следуемого с них налога. Имеющие ребенка и желающие отдать его на общественное содержание и воспитание уплачивают сверх налога еще 10—15 проц. заработка. Все граждане СССР имеют право на общественное воспитание своих детей».

(«Правда» от 7 мая 1925 г.)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие редактора (к 1-му изданию)	3
От издательства	7
В. И. Ленин.—Мораль буржуазная и коммунистическая	9
Н. Крупская.—Каким должен быть коммунист?	14
Н. Бухарин.—Воспитание смены	18
В. И. Ленин.—Великий почин	32
В. И. Ленин.—О комчапстве	44
А. Солдц.—Коммунистическая этика	45
Е. Преображенский.—Классовые нормы пролетариата после завоевания власти	45
С. Хеглунд.—Коммунизм и религия	61
Е. Ярославский.—Антирелигиозно ли коммунистическое дви- жение	65
Л. Шубин.—Молодежь горит	79
Л. Троцкий.—Вопросы быта	97
Л. Балабанов (Л. Тольм).—Затерянная ценность	109
М. Незнамов.—О затерянной ценности	112
И. Степанов.—Проблема пола	116
С. Смилович.—О любви	121
А. Кактынь.—Проблема пола современной молодежи	127
Из отзывов читателей „Правды“ на статью тов. Смилович „О любви“	135

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

К КОМСОМОЛЬСКОМУ УЧЕБНОМУ ГОДУ
УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ КОМСОМОЛЬ-
СКИХ ПОЛИТШКОЛ И ПОЛИТКРУЖКОВ

ХРЕСТОМАТИЯ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЛИТШКОЛ I ступени. Основное пособие, рекомендованное ЦК РЛКСМ для комсомольских политшкол I ступени. Под редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ. Стр. 288. Ц. 1 р.

ХРЕСТОМАТИЯ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЛИТШКОЛ II ступени. Основное пособие для политшкол II ступени. Под редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ. Стр. 403. Ц. 1 р. 80 к.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОЛИТШКОЛА I ступени. Программы. Методические указания. Вопросы и задания. Под общей редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ. Стр. 62. Ц. 25 к.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОЛИТШКОЛА II ступени. Стр. 20. Ц. 15 к.

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ПОЛИТОБРАЗОВАНИЯ. Под общей редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ. В Издательстве „Молодая Гвардия“ вышли четыре библиотеки для политобразования, рекомендованные Политпросветом, как обязательные для городских политшкол и политкружков Комсомола, а также для деревенских ячеек и деревенского актива Комсомола.

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ПОЛИТОБРАЗОВАНИЯ КОМСОМОЛЬЦЕВ ГОРОДА. Первый круг чтения. Цена библиотеки 70 к., в папке 90 к. Второй круг чтения. Цена библиотеки 1 р. 70 к., в папке 1 р. 90 к.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ПОЛИТОБРАЗОВАНИЯ АКТИВА И КОМСОМОЛЬЦЕВ ДЕРЕВНИ
Для деревенского актива. Цена библиотеки 1 р. 85 к. Для деревенских комсомольцев. Цена библиотеки 90 к. Отдельные книжки в продажу не поступают. Заказы принимаются исключительно на комплектованные библиотеки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

— Ю Н Д В И Ж Е Н И Е —

I. ЮНДВИЖЕНИЕ В СССР

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РЛКСМ

- Н. Чаплин. — Ленинский путь Комсомола. Стр. 87. Ц. 25 к.
Л. Шацкин. — Основные вопросы юношеского движения. 2-е изд.
Стр. 247. Ц. 90 к.
А. Киров. — Материалы к истории РЛКСМ. Под редакцией Исто-
мова ЦК РЛКСМ. 2-е изд. Стр. 169. Ц. 65 к.
Е. Герр. — Очерки по истории РЛКСМ. Стр. 55. Ц. 16 к.
А. Киров и В. Далин. — Юношеское движение в России. Стр. 317.
Ц. 1 р. 25 к.
О. Тарханов. — Большевицкий Комсомол. Стр. 284. Ц. 1 р. 20 к.
В. Островский. — Учебник по юношескому движению. История,
теория и практика. Стр. 186. Ц. 85 к.
Комсомол в подполье. Сборник. 2-е издан. Стр. 101. Ц. 35 к.
А. Киров. — Ученические соц.-демокр. организации до революции.
Стр. 110. Ц. 40 к.
Волошин. — Очерки по истории рабочего подростка. 2-е издание.
Стр. 110. Ц. 40.
Ипполит и В. Кин. — Печать Комсомола. (Статьи и материалы по
вопросам Комсомольской печати). Сборник первый под редакцией От-
дела Печати ЦК РЛКСМ. Стр. 190. Ц. 1 р.
Е. Герр. — На пути в революцию. Стр. 52. Ц. 20 к.
Л. Колесников. — Комсомольский восток. Под редакцией Бройдо.
Стр. 122. Ц. 45 к.

II. СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ РЛКСМ

- Резолюции IV Всесоюзной конференции РЛКСМ. Стр. 114. Ц. 60 к.
Стенографический отчет IV Всесоюзной конференции РЛКСМ. Стр. 344.
Ц. 2 р. 75 к.
Резолюции и постановления VI съезда РЛКСМ. 2-е, исправл. изд.
Стр. 215. Ц. 75 к.
Стенографический отчет VI съезда РЛКСМ. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к.
Наши съезды. (Резолюции и постановления съездов). 2-е, дополн.
издан. Стр. 263. Ц. 60 к.

III. НАШИ ВОЖДИ О МОЛОДЕЖИ

- Съезды РКП о молодежи. Стенограммы и резолюции. Стр. 158.
Ц. 65 к.
Ленин и молодежь. Сборник. Стр. 98. Ц. 25 к.
В. И. Ленин. — О молодежи. 3-е, дополн. изд. Стр. 206. Ц. 65 к.
Н. Крупная. — Семнадцатый год. Стр. 46. Ц. 18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК РЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, д. № 6/8

ПРАКТИКА ГОРОДСКОЙ ЯЧЕЙКИ РЛКСМ

I. КОМСОМОДСКИЙ КЛУБ

Юнсенция рабочего клуба. Стр. 66. Ц. 20 к.

Долинский. — За учебу. Стр. 66. Ц. 23 к.

Глан и Таранов. — Комсомольский клуб. 2-е изд. Стр. 54. Ц. 20 к.

II. ФИЗКУЛЬТУРА

А. Иттин. — Физкультура и Комсомол. Стр. 128. Ц. 35 к.

Шварц. — РЛКСМ и оздоровление молодежи (печатается).

Здоровье рабочей молодежи. (За здоровую смену).

Кальнус Б. — Физкультура для всех. С иллюстрациями. 2-е, дополн. изд. (печатается).

Берман. — О столь ценном табаке и трудовом молодняке. Ц. 12 к.

Кедрус. — Гигиена подростка. С предисловием д-ра Радица (печ.)

Пиотровский. — Эбер и его естественный метод физического воспитания. 2-е издание. Ц. 1 р. 50 к.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАБОТА

Рогов. — Экономработа фабрично-заводской ячейки. Ц. 25 к.

С. Розовский. — КСМ на частных предприятиях. Стр. 96. Ц. 25 к.

В. Булах. — Тариф рабочей молодежи.

Юношеский труд. Стр. 248. Ц. 1 р. 65 к.

IV. РАБОТА НА НАЦОКРАИНАХ

Лицом и нацокраинам. Сборник. Стр. 136. Ц. 60 к.

Политобразование на национальных окраинах. Сборн. Стр. 48. Ц. 15 к.

V. КОМСОМОДСКАЯ ПЕЧАТЬ

Шнеерсон А. — Комсомол и юнкоры. Стр. 96. Ц. 25 к.

Ипполит и Кин. — Памятка юнкора. Стр. 96. Ц. 35 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ:

МОСКВА, Новая пл., 6/8, „Молодая Гвардия“, Торговый Отдел

„ Неглинный проезд, 8, кн. магазин „Молодая Гвардия“

„ Тверская, 37, магазин „Пионер“

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября, 54, Комсомольский книжный магазин

„ Пр. 25 Октября, 34, магазин „Пионер“

ХАРЬКОВ, Троицкий пер., 2. Отд. Изд-ва „Молодая Гвардия“

РОСТОВ н/ДОНУ, Пр. Подбельского, 15, Отделение Издательства
„Молодая Гвардия“

18164

65 коп.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

МОСКВА, Новая площадь, д. № 6/8, Торговый Отдел Изд-ства
и в ОТДЕЛЕНИЯ:

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября, 54

ХАРЬКОВ, Троицкий пер., 2

РОСТОВ и/ДОНУ—Проспект Подбельского, 15.